

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

№ 3 2021 / ТОМ 27

НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛ

СОВРЕМЕННЫЕ /
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ /

ИССЛЕДОВАНИЯ /
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В /
ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся
ОБЩЕСТВЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА /

IN MEMORIAM /

ISSN 2713-0681

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 3 / 2021

Том 27

DOI: 10.19181/пко.2021.27.3

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2021

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН; декан социологического факультета РГГУ.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и госуправления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Ковалевски Мацей доктор социологических наук, профессор, Щецинский университет (Польша).

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Борисовна, доктор философских наук, профессор, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Синх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS; Dean of the Sociology Department, RSUH.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Maciej Kowalewski, Dr hab. (Soc.), Professor, University of Szczecin (Poland).

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina B. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Vladimir I. Chuprov, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

Содержание

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Атоян В. К.
Роль фабрик мысли в интеграционных процессах 6

Гуселетов Б. П.
Российско-болгарские отношения после парламентских
выборов в Болгарии: итоги и прогнозы 14

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Йованович Айзенхаммер Н.
Умеренно-ориентальное прочтение (рецепция) ислама
в работах Макса Вебера 26

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Туманов А. И.
Отечественный кинематограф и его значение
в формировании национальной идентичности. 35

Мчедлова Е. М.
Идеи и идеологии XXI века 50

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Сизоненко А. Ю.
Имидж депутатов региональных парламентов в популярных
социальных сетях: равноправие в эру цифровизации 56

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Голубицкий Ю. А.
Повар не должен вариться в своём супе...
(часть 3: свобода как феномен российской общественной жизни,
её цена в процессе трансформаций политико-социального протеста) 69

Журавлёв В. Е.
Философия миротворчества 85

IN MEMORIAM

От редакции
Памяти Чупрова В. И 94

© ИСПИ ФНИСЦ РАН, 2021
© ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК, 2021

Content

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

- Atoyan V. K.*
The role of think tanks in integration processes. 6
- Guseletov B. P.*
Russian-Bulgarian relations after the Bulgarian
parliamentary elections: outcomes and forecasts 14

SOCIOLOGY OF RELIGION

- Jovanovic Ajzenhamer N.*
Modern oriental reading (reception) of Islam in the works of Max Weber. 26

RESEARCH OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN CIVIL SOCIETY

- Tumanov A. I.*
Role of national cinema in the formation of national identity 35
- Mchedlova E. M.*
Ideas and ideologies of the XXI century 50

MODERN PROBLEMS IN A TRANSFORMING SOCIETY

- Sizonenko A.Y.*
Image of deputies of regional parliaments in popular social networks:
equality in the era of digitalization 56

POLITICAL CULTURE

- Golubitskiy Y. A.*
A cook must not be bohed in his own soup...
(part III: freedom as a phenomenon of the Russian social life,
its price in the transformation of political and social protest) 69
- Zhuravlev V. E.*
The philosophy of peace. 85

IN MEMORIAM

- Editorial note*
Chuprov V. I. 94

© ISPR FCTAS RAS, 2021
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2021

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.1
УДК 327.7

В. К. Атоян¹

¹ Армянский государственный экономический университет.
Ереван, Армения.

РОЛЬ ФАБРИК МЫСЛИ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация. В статье анализируется роль фабрик мысли в развитии наднациональных интеграционных проектов. Определяется значение и рассмотрен международный опыт использования потенциала фабрик мысли во внешней политике. В результате исследования выявлены некоторые причины, которые препятствуют гармоничной интеграции и развитию взаимодействия фабрик мысли в рамках ЕАЭС. В публичной политике большинства стран ЕАЭС пока не сложились традиции, связанные с финансированием фабрик мысли как от частных лиц и организаций, так и от бизнес-структур и специальных целевых фондов, а также с налоговыми льготами и механизмами способствующими этому процессу. Недостаточно возможностей получить исследовательский заказ или грант от государственного или частного сектора, в том числе от наднациональных структур ЕАЭС, которые экзистенциально важны для функционирования и развития фабрик мысли. Как правило это подталкивает фабрики мысли к участию в грантовых проектах стран и организаций, находящихся за пределами ЕАЭС. В результате, в некоторых странах ЕАЭС финансовые потоки, на которых держится этот сектор, в основном идут из других стран. Фактически используя многочисленные грантовые программы и другие мягкие инструменты потенциалом фабрик мысли стран ЕАЭС часто пользуются другие внешние акторы, получая тем самым возможность диктовать свою повестку деятельности, лоббировать свои интересы и продвигать свое видение по конкретным направлениям политики, что несомненно задает тренды в экспертно-аналитической среде, влияет на идеологическую направленность фабрик мысли и на формирование общественного мнения. Недостаточно площадок способствующих взаимодействию фабрик мысли в рамках ЕАЭС, что наряду с недостаточной финансовой составляющей, которая может создать соответствующую мотивацию, значительно тормозит развитие интеграции в данном направлении.

Ключевые слова: фабрики мысли, мозговые центры, интеграция, ЕАЭС, ЕС, внешняя политика, дипломатия второго трека.

Для цитирования: Атоян В.К. Роль фабрик мысли в интеграционных процессах // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 6–13. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.1

Быстротекущие геополитические процессы XXI века, глубинные изменения архитектуры международной безопасности, формирование нового многополярного мира, информационная революция и развитие цифровых технологий оказывают существенное влияние на публичную политику. Сложность прогнозирования последствий текущих преобразований, многоуровневый и глобальный характер их воздействия увеличивает риски и подчеркивает необходимость

минимизации возможных ошибок для лиц, принимающих решения (ЛПР), что существенно затрудняет процесс принятия решений. В сложившихся условиях актуализируется внедрение комплексных и нестандартных подходов в процесс принятия решений, в том числе в разработке и реализации политики. Естественно, что под влиянием названных факторов меняется также состав, структура и уровень участия субъектов, которые готовят политические решения, участвуют в их реализации и обеспечивают общественную легитимизацию принятых решений.

В этом контексте, в последние десятилетия во многих странах мира институты исследования публичной политики – фабрики мысли – или, как их еще называют в академической среде, – мозговые центры становятся важными акторами публичной политики [1]. Отметим, что в ключевые функции фабрик мысли входит не только генерация идей и производство аналитической продукции, но также нацеленность организации на оказание влияния на публичную политику, на формирование и разработку политики в конкретных сферах, а также коммуникативная и связующая роль между знанием и политикой. Как справедливо отмечает исследователь М.С. Ивченкова, важность коммуникационного взаимодействия фабрик мысли и политиков не вызывает сомнения, особенно в современном информационном обществе, где ускорение социального времени требует от политических лидеров и государственных институтов высокого уровня информационно-аналитического сопровождения для оперативной оценки быстроменяющихся трендов и последующего принятия взвешенных политических решений [2]. Именно эти особенности, а также более прикладной формат деятельности, отличает фабрики мысли от академических научно-исследовательских институтов, которые акцентируют более фундаментальные исследования и разработки и не вмешиваются в публичную политику.

Показательно, что фабрики мысли, используя широкий инструментарий, в том числе публикации, экспертные мероприятия, медиа-площадки, наряду с активным применением современных информационных технологий воздействуют на формирование общественного мнения и, таким образом, опосредованно на ЛПР. Более того, приближенные к политической элите и к ЛПР фабрики мысли, посредством оказания консультаций, предоставления аналитической продукции, участием в работе различных комиссий и в разработке документов, в том числе стратегического характера, получают возможность напрямую воздействовать на процесс принятия решений. Нет сомнений, что включение экспертов и внедрение экспертного знания в процесс принятия решений может положительно повлиять на эффективность принятых решений. В то же время, при отсутствии регулирующих и координирующих механизмов, подобное влияние фабрик мысли может создать некоторые риски, связанные с возможным опосредованным влиянием внешних акторов, что однако тема для отдельного анализа.

Очевидно, что в современных международных отношениях для продвижения национальных интересов на глобальном уровне постоянно растет потребность в использовании инструментов мягкой силы. Совершенствуются методы борьбы за «сердца и умы» народов [3]. Идет активное противоборство идей, убеждений, мировоззрений, ценностных систем и пропаганда собственной интерпретации истории. В этом контексте, фабрики мысли нередко становятся не только экспертными платформами для исследования различных вопросов и генерации стратегических идей, но и во многих случаях участниками процесса

разработки внешней политики, и в качестве своеобразной интеллектуальной армии проецируют мягкую силу своей страны за рубежом.

Как справедливо отмечают некоторые исследователи, ресурс фабрик мысли и экспертной дипломатии активно используют в своей внешнеполитической деятельности многие западные страны, что в свою очередь способствует лидерству страны на международном уровне [4]. Однако важно иметь в виду, что экспертиза становится существенным компонентом внешнеполитического процесса только при наличии постоянной двусторонней связи между государственным аппаратом и исследовательскими институтами [5]. Особенно надо подчеркнуть, что активное применение экспертной дипломатии является одним из ключевых элементов «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США [6]. Именно американские фабрики мысли являются одними из основных ретрансляторов влияния на внешнеполитический процесс [7]. В частности, Институт Брукингса, Центр стратегических и международных исследований, Совет по международным отношениям, Фонд «Наследие», Фонд Карнеги, Институт Катона, Центр новой американской безопасности, Американский институт предпринимательства и другие известные фабрики мысли США уже много десятилетий являются активными участниками в процессе формирования внешнеполитической повестки страны. В этом контексте заслуживает внимание опубликованная в 2016-ом году книга профессора Пенсильванского университета Дж. МакГанна, где подробно описаны многие примеры участия фабрик мысли во внешнеполитическом процессе, которые касаются политики США в отношении Ирана, Ирака, Северной Кореи, Дарфурского кризиса, борьбы с международным терроризмом и т.д. [8].

Знаменательно, что в последнее десятилетие аналогичные шаги предпринимают также другие страны и в этом списке в первую очередь выделяется КНР. Так еще в 2015 году президент КНР Си Цзиньпин выпустил соответствующий циркуляр, в котором призывал развивать новый тип китайских фабрик мысли с глобальным влиянием и активизировать интеллектуальный потенциал страны в сферах политических консультаций и международной пропаганды [9]. В результате, за последние годы КНР добился довольно внушительных результатов в этой сфере, а фабрики мысли этой страны занимают достаточно высокие позиции в мировом рейтинге фабрик мысли, который ежегодно публикует Пенсильванский университет.

Таким образом, фабрики мысли многих стран часто играют вспомогательную роль для официальной дипломатии и в продвижении национальных интересов своей страны за рубежом. В частности, участвуя в различных международных научно-экспертных мероприятиях представители фабрик мысли поднимают и обсуждают вопросы или же публикуют материалы по проблемам, которые должностные лица и дипломаты, исходя из различных соображений, не могут или не хотят затрагивать на официальном уровне [10]. Более того, в случае сложных отношений между странами, общение между экспертным сообществом, взаимодействие фабрик мысли, так называемая дипломатия второго трека, может сформировать соответствующую базу или платформу для разрешения имеющихся проблем и конфликтов уже на официальном уровне. Так, из сравнительно недавних примеров, можно упомянуть инициированный индийским правительством в середине 2000-х годов комплексный диалог с Пакистаном по мирному разрешению Кашмирского конфликта, в который были активно включены фабрики мысли [11]. Показательным примером также является интенсивное взаимодействие фабрик мысли России и Японии после введения Японией

антироссийских санкций из-за кризиса вокруг Украины в 2014–2015 гг., что в дальнейшем способствовало быстрому восстановлению отношений двух стран [12]. Как справедливо отмечает исследователь А.В. Долинский, дипломатия второго трека позволяет вырабатывать эффективные международные решения, не привлекая на ранних этапах к участию официальных лиц и снижая таким образом общественное давление и риски для ЛПР [13].

В контексте интеграционных процессов важно отметить, что социально-гуманитарное, культурно-образовательное и академическое сотрудничество, в том числе на уровне экспертно-аналитических структур, является одним из важнейших условий успешной многоуровневой интеграции. В этом смысле важную роль фабрик мысли в интеграционных процессах и в продвижении конкретных международных инициатив осознали и уже много десятилетий успешно используют в Европейском союзе (ЕС). На данный момент в ЕС действует широкая сеть экспертно-аналитических структур, созданы ассоциации, сетевые форматы сотрудничества, периодически организуются различные мероприятия, реализуются совместные исследовательские проекты, а многие фабрики мысли стран ЕС включены в процесс принятия решений. Как справедливо отмечают некоторые зарубежные эксперты, фабрики мысли выступают в качестве промоутеров новых политических идей и могут стимулировать дебаты среди европейских лидеров и общественности о том, какую форму в будущем может принять ЕС [14].

В качестве примера площадок и форматов взаимодействия фабрик мысли ЕС нужно выделить созданную еще в 1974 г. в Брюсселе первую пан-европейскую сеть фабрик мысли – Транс-европейскую ассоциацию политических исследований (TEPSA) и основанную в 1996 году Комиссию Евро-среднеземноморских исследований (EuroMeSCO). Значительную роль играют также Европейская сеть институтов исследования политики (EPIN) и Европейская сеть институтов исследования экономической политики (ENEPRI), членами и участниками которых являются десятки организаций из разных стран ЕС. К этому надо добавить, что многие фабрики мысли ЕС принимают участие в ежегодном Диалоге фабрик мысли (Brussels Think Tank Dialogue), в рамках которого эксперты презентуют свои рекомендации и получают возможность обсудить различные вопросы с высокопоставленными должностными лицами ЕС. Естественно, что наличие подобных форматов положительно сказывается как на укреплении отношений в регионе, так и на общую эффективность многоуровневой интеграции в рамках ЕС. Важно также отметить, что немаловажным фактором в успехе подобных инициатив являются созданные форматы финансирования фабрик мысли. В частности, Европейская комиссия в рамках различных программ и контрактов выделяет значительные средства на исследования и мероприятия проводимые фабриками мысли ЕС.

Обращаясь к вопросу Евразийского экономического сотрудничества (ЕАЭС), отметим, что, в целом, продуктивному развитию евразийской интеграции мешает низкий уровень институционализации, а также ограниченный наднациональный инструментарий регулирования [15]. В частности, наши предыдущие исследования показывают довольно низкий уровень институционального взаимодействия между фабриками мысли стран, входящих в эту организацию и несмотря на прогресс в других направлениях интеграции, этот процесс симметрично не проецируется на интенсификацию взаимодействия экспертно-аналитических структур стран-членов ЕАЭС. В результате можно констатировать, что ресурс фабрик мысли недостаточно используется для продвижения евразийского интеграционного проекта [16].

Сложившуюся ситуацию можно объяснить следующими причинами. Во-первых, во многих, особенно в западных странах, развита культура филантропии, вследствие чего фабрики мысли получают финансирование как от частных лиц и организаций, так и от бизнес-структур и специальных целевых фондов, что часто формирует существенную часть их финансовых ресурсов. Кроме этого, в некоторых странах существуют также налоговые льготы и механизмы способствующие этому процессу. Можно констатировать, что с некоторым исключением России, подобные традиции в публичной политике стран ЕАЭС пока не сложились.

Во-вторых, возможностей получить исследовательский заказ или грант от государственного или частного сектора, в том числе от наднациональных структур ЕАЭС, которые экзистенциально важны для функционирования и развития фабрик мысли, также недостаточно. Как правило это подталкивает фабрики мысли к участию в грантовых проектах стран и организаций находящихся за пределами ЕАЭС. В результате, в некоторых странах ЕАЭС финансовые потоки, на которых держится этот сектор, в основном идут из других стран. Фактически используя многочисленные грантовые программы и другие мягкие инструменты потенциалом фабрик мысли стран ЕАЭС часто пользуются другие внешние акторы, получая этим возможность диктовать свою повестку деятельности, лоббировать свои интересы и продвигать свое видение по конкретным направлениям политики, что несомненно задает тренды в экспертно-аналитической среде, влияет на идеологическую направленность фабрик мысли и на формирование общественного мнения.

Примечательно, что на возможные негативные последствия подобного влияния вплоть до политической дестабилизации и революционных процессов указывают многие исследователи [17].

В-третьих, несмотря на наличие некоторых форматов, как, например, Евразийский информационно-аналитический консорциум, площадок способствующих взаимодействию фабрик мысли в рамках ЕАЭС недостаточно, что наряду с недостаточной финансовой составляющей, которая могла бы создать соответствующую мотивацию, значительно тормозит развитие интеграции в данном направлении.

В заключении отметим, что вакуум, который образуется в результате отсутствия координирующей и направляющей политики стран-членов и наднациональных структур, ответственных за продвижение интеграционного проекта в данной сфере, рано или поздно заполняется внешними акторами, которые начинают задавать вектор развития, идеологически направлять и формировать индустрию фабрик мысли уже в соответствии со своими собственными представлениями, стандартами, интересами и приоритетами, тем самым воздействуя также на политическую повестку стран-членов организации. Очевидно, что сложившаяся ситуация в этой сфере не способствует гармоничному развитию евразийской интеграции и требует более системного подхода в обеспечении функционирования фабрик мысли и создания современной системы коммуникаций подобных интеллектуальных инфраструктур в соответствии с национальными интересами стран-членов ЕАЭС. Как показывает международный опыт в этой сфере, синергия интеллектуального потенциала стран является критически важным фактором успешной интеграции и может сыграть неопределимую роль в разработке нестандартных, адекватных и своевременных ответов на общие вызовы и в повышении эффективности наднациональных структур. Естественно, что для достижения этой цели необходимы механизмы стимуляции процесса взаимодействия и кооперации фабрик мысли ЕАЭС, в том числе посредством создания мотивирующей финансовой базы и соответствующих форматов сотрудничества.

Библиографический список

1. *Атоян, В. К.* «Мозговые центры» в системе обеспечения национальной безопасности // Вестник АГЭУ. 2015. № 4 (40). С. 127–139.
2. *Ивченкова, М. С.* Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 151–164. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.594>.
3. *Атоян, В. К.* Индустрия «мозговых центров» в Армении // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 4 (37). С. 158–176.
4. *Urrutia, O.* The Role of Think Tanks in the Definition and Application of Defence Policies and Strategies // Revista del Instituto Español de Estudios Estratégicos. 2013. № 2, P. 1–34.
5. *Истомин, И. А.* Внешнеполитическая экспертиза в США // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 1 (18). С. 111–127. DOI: [http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-1\(18\)-111-127](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-1(18)-111-127).
6. *Генюш, С. В.* Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 5 (25). С. 14–25.
7. *Теленьга, М. П.* Эволюция «мозговых центров» в рамках внешней политики США (XX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. (2016). Т. 8, № 4/1. С. 87–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-87-91>.
8. *McGann, J.* The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016. 240 p. ISBN 978-0815728306.
9. From Academia to Politics: When scholars rule China, Publication: China Brief. Vol. 15. Issue 23. 07.12.2015. URL: http://www.jamestown.org/uploads/media/_CB_15_23_3.pdf (last request 17.07.2021).
10. *Атоян, В. К.* О вопросах интеллектуального обеспечения государственной политики // 21-й век. 2016. № 3 (40). С. 114–123.
11. *Stuti, Bh., & Priya, Ch.* Peacebuilding think tanks, Indian foreign policy and the Kashmir conflict // Third World Quarterly. 2019. Vol. 40, Issue 8. P. 1496–1515. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2019.1642743>.
12. *Вода, К. Р.* Азиатские «мозговые центры»: положение в мире и влияние на внешнюю политику // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-5-13>.
13. *Долинский, А.* Дипломатия вторых треков: исследования России как фактор мягкой силы // Атлас аналитических центров: русистика за рубежом. Rethinking Russia, 2016. С. 30–35. URL: <http://rethinkingrussia.ru/wp-content/uploads/2016/06/Атлас-аналитических-центров.pdf> (дата обращения 14.06.2021).
14. *Voucher, S., Hobbs, B. [et al.]* Europe and its think tanks: a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union. Paris : Notre Europe. 2004. 160 p.
15. *Атоян, К. Л.* Высшее образование в государствах-членах ЕАЭС: вопросы интеграции // Диалог: политика, право, экономика. 2018. № 2 (9). С. 66–72.
16. *Атоян, В. К.* Вопросы взаимодействия мозговых центров стран ЕАЭС в контексте интеграционных процессов: вызовы и возможности // Евразийская интеграция: проблемы и перспективы: сб. матер. кр. стола «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы» (Москва, 2–8 апреля 2017 г.) / под ред. О.В. Петровской, С.В. Тихоновой. РИСИ; МФГСУ СНГ. М. : РИСИ, 2017. С. 23–33.
17. *Шамахов, В. А., Вовенда, А. В., Корягин, П. А.* Основные направления деятельности экспертно-аналитических центров (Think tanks) государств-партнеров по ЕАЭС // Управленческое консультирование. 2016. № 8 (92) С. 15–24.

Дата поступления в редакцию: 13.07.2021.

Принята к печати: 06.08.2021.

Сведения об авторе:

Атоян Вардан Корюнович, доктор политических наук, заведующий кафедрой общественных наук, Армянский государственный экономический университет.

Ереван, Армения.

e-mail: atoyan.amberd@asue.am; prof.atoyan@gmail.com

Author ID РИНЦ: 1058610

ORCID: 0000-0002-4974-0312

V. K. Atoyan¹

¹ Armenian State University of Economics. Yerevan, Armenia.

THE ROLE OF THINK TANKS IN INTEGRATION PROCESSES

Abstract. The article analyzes the role of think tanks in the development of supranational integration projects. The significance and the international experience of using the potential of think tanks in foreign policy is considered. As a result of the study, some reasons have been identified that hinder the harmonious integration and development of interaction of think tanks within the framework of the Eurasian Economic Union. The public policy of most of the EAEU countries has not yet developed a tradition related to the financing of thought factories from individuals and organizations, as well as from business structures and special trust funds, as well as tax benefits and mechanisms that facilitate this process. The lack of opportunities to receive a research order or a grant from the public or private sector, including from the supranational structures of the EAEU, which are existentially important for the functioning and development of thought factories. As a rule, this pushes thought factories to participate in grant projects of countries and organizations located outside the EAEU. As a result, in some EAEU countries, the financial flows that support this sector mainly come from other countries. In fact, using numerous grant programs and other soft tools, other external actors often use the potential of the thought factories of the EAEU countries, thereby getting the opportunity to dictate their agenda, lobby their interests and promote their vision in specific policy areas, which undoubtedly sets trends in the expert-analytical environment, affects the ideological orientation of thought factories and the formation of public opinion. There are not enough platforms that promote the interaction of thought factories within the framework of the EAEU, which, along with an insufficient financial component that can create appropriate motivation, significantly hinders the development of integration in this direction.

Keywords: Think Tanks, brain trusts, Integration, EAEU, EU, Foreign Policy, Track II Diplomacy.

For citation: Atoyan V.K. (2021) *The role of think tanks in integration processes. Science. Culture. Society.* Vol. 27. № 3. P. 6–13. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.1

References

1. Atoyan V. K. (2015) “Think tanks” in the system of ensuring national security. *Bulletin of ASUE*. No 4 (40), P. 127–139 (in Russ.).
2. Ivchenkova M. S. (2019) The functioning of Russian “thought factories” in the information society. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 10, No 3, P. 151–164. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.594> (in Russ.).
3. Atoyan V. K. (2016) The industry of “think tanks” in Armenia. *National Strategy Issues*. No 4 (37). P. 158–176 (in Russ.).
4. Urrutia, O. (2013) The Role of Think Tanks in the Definition and Application of Defence Policies and Strategies. *Revista del Instituto Español de Estudios Estratégicos*. No 2, P. 1–34 (in Eng.).
5. Istomin I. A. (2015) Foreign policy expertise in the United States. *Comparative Politics Russia*. Vol. 6. No 1 (18). P. 111–127. DOI: [http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-1\(18\)-111-127](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-1(18)-111-127) (in Russ.).
6. Genyush S. V. (2012) Expert diplomacy: Civil society serving the foreign policy. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. No 5 (25). P. 14–25 (in Russ.).
7. Telenga M. P. (2016) The evolution of “think tanks” in the U.S. foreign policy making (XX century). *Historical and socio-educational thought*. Vol. 8. No 4/1. P. 87–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-87-91> (in Russ.).
8. McGann, J. (2016) *The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 240 p. ISBN 978-0815728306 (in Eng.).
9. *From Academia to Politics: When scholars rule China*, Publication: China Brief. Vol. 15. Issue 23. 07.12.2015. URL: http://www.jamestown.org/uploads/media/_CB_15_23_3.pdf (last request 17.07.2021) (in Eng.).
10. Atoyan V. K. (2016) On the issues of intellectual support of state policy. *The 21st century*. No 3 (40). P. 114–123 (in Russ.).

11. Stuti, Bh., & Priya, Ch. (2019) Peacebuilding think tanks, Indian foreign policy and the Kashmir conflict. *Third World Quarterly*. Vol. 40, Issue 8. P. 1496-1515. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01436597.2019.1642743> (in Eng.).
12. Voda K. R. (2018) Asian think tanks: global role and impact on foreign policy. *Comparative Politics Russia*. Vol. 9. No 3. P. 5–13. DOI: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-5-13> (in Russ.).
13. Dolinsky A. (2016) Track II Diplomacy: Russian Studies as a Factor of Soft Power. In: *Think Tank Atlas: Russian Studies Abroad*. Rethinking Russia. P. 30-35. URL: <http://rethinkingrussia.ru/wp-content/uploads/2016/06/Атлас-аналитических-центров.pdf> (last request 14.06.2021) (in Russ.).
14. Boucher, S., Hobbs, B. (2004) *Europe and its think tanks: a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union*. Paris : Notre Europe. 160 p. (in Eng.).
15. Atoyan K. L. (2018) On the Issues of Eurasian Integration in Higher Education. *Dialog: politika, pravo, ehkonomika*. No 2 (9). P. 66–72 (in Russ.).
16. Atoyan V. K. (2017) Issues of interaction of think tanks of the EAEU countries in the context of integration processes: challenges and opportunities. In: *Eurasian Integration: problems and prospects*, sat. mater. kr. table “Integration processes in the post-Soviet space: problems and prospects” (Moscow, April 2-8, 2017). Ed. by O.V. Petrovskaya, S.V. Tikhonova. RISI; IFGSU CIS. M. : RISI. P. 23–33 (in Russ.).
17. Shamakhov V. A., Vovenda A. V., Koryagin P. A. (2016) The main activities of think tanks of the eaeu states. *Administrative Consulting*. No 8, P. 15–24 (in Russ.).

The article was submitted on July 13, 2021.

Accepted on August 06, 2021.

Information about the author:

Vardan K. Atoyan, Doctor of Political Sciences, Head of Social Sciences Department,
Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia.
e-mail: atoyan.amberd@asue.am; prof.atoyan@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4974-0312

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.2
УДК 328.1; 329.1

Б. П. Гуселетов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В БОЛГАРИИ: ИТОГИ И ПРОГНОЗЫ

Аннотация. В статье рассмотрены итоги парламентских выборов в Болгарии, прошедших 4 апреля и 11 июля 2021 г. Дано сравнение результатов ведущих политических партий на выборах 2017 и 2021 гг., и характеристика всех ведущих болгарских политических партий, представленных в парламенте в период с 2017 по 2021 гг. Разобраны итоги деятельности правительства во главе с лидером партии ГЕРБ Бойко Борисовым, сформированного по итогам выборов 2017 г. Выявлены причины падения рейтинга этого правительства и его влияние на ход избирательной кампании. Рассмотрено как пандемия коронавируса и действия правительства по преодолению её последствий повлияли на ход и результаты предвыборной кампании. Дана оценка деятельности основных оппозиционных партий страны: левоцентристской Болгарской социалистической партии и социал-либерального Движения за права и свободы. Рассмотрен ход проведения избирательной кампании и её основные темы, а также новые политические партии, которые по итогам этих выборов прошли в парламент: левопопулистская коалиция «Вставай! Мафия убирайся!», правопопулистская партия «Есть такой народ!», и либеральная коалиция «Демократическая Болгария». Показаны позиции ведущих политических партий страны по поводу их возможного участия в новой правительственной коалиции. Проанализировано состояние российско-болгарских отношений и дан прогноз, как итоги выборов повлияют на формирование нового правительства этой страны и на отношения между Россией и Болгарией.

Ключевые слова: выборы, парламент, политические партии, правительство, Болгария, Россия.

Для цитирования: Гуселетов Б.П. Российско-болгарские отношения после парламентских выборов в Болгарии: итоги и прогнозы // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 14–25. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.2

4 апреля 2021 года в Болгарии состоялись очередные парламентские выборы, на которых были избраны 240 депутатов Национального Собрания (НС) однопалатного парламента этой страны. Интересно отметить, что впервые с 2009 года эти выборы состоялись в срок.

Партийно-политическая система Болгарии. 240 депутатов Национального Собрания избираются каждые 4 года в 31 многомандатном избирательном округе по методу закрытого списка. В каждом округе избирается от 4 до 16 депутатов в зависимости от числа избирателей. Также в 69 зарубежных странах (включая Великобританию, Германию и Турцию) были открыты 467 избирательных участка для граждан Болгарии, проживающих в них. Избирательный порог для партий и коалиций составляет 4%.

К участию в выборах допускаются граждане страны не моложе 21 года. Партии, которые намереваются участвовать в выборах, должны собрать подписи не менее 15 тысяч избирателей и внести залог в размере 10 000 левов (5 113 евро), которые будут возмещены, если они получают минимум 1% голосов. В выборах

также могут участвовать независимые кандидаты, которые должны собрать подписи не менее чем 10 тысяч избирателей того округа, в котором они хотят баллотироваться. С 2016 г. болгарские избиратели получили законное право проголосовать как на президентских, так и на парламентских выборах против всех кандидатов.

По итогам предыдущих парламентских выборов 2017 г. в Национальном собрании оказались представлены 5 политических партий [1, с. 22]:

1. Правоцентристская, консервативная, проевропейская партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), основанная в 2006 г. действующим премьер-министром Б. Борисовым, которая имела 95 депутатов. ГЕРБ является членом Европейской народной партии (ЕНП);
2. Левоцентристская, проевропейская и русофильская оппозиционная «Социалистическая партия» (БСП), возглавляемая с 2016 г. депутатом НС К. Ниновой, имевшая 80 депутатов. БСП является членом «Партии европейских социалистов» (ПЕС);
3. Националистический альянс «Объединенные патриоты» (ОП), состоящий из националистической, популистской, умеренно евроскептической партии «Национальное движение» (ИМРО-БНД, основана в 1999 г.) во главе с министром обороны К. Каракачановым. Сотрудничает с европартией «Европейские консерваторы и реформисты»; националистической, евроскептической партией «Фронт национального спасения Болгарии» (ФНСБ), созданной в 2011 г. бывшим членом «Атаки» В. Симеоновым (до ноября 2018 г. был заместителем премьер-министра Болгарии, отвечающего за экономику и демографическую политику); а также с националистической жестко евроскептической и русофильской партией «Атака» (А), образованной в 2005 г. бывшим депутатом НС В. Сидеровым. ОП имел 27 депутатов и входил в правящую коалицию с ГЕРБом. 05.02.2021 ОП был официально распущен;
4. Социал-либеральная оппозиционная партия, представляющая турецкое меньшинство «Движение за права и свободы» (ДПС), основанная в 1989 г. А. Доганом. С 2016 г. её возглавляет депутат НС М. Карадаи. Партия имела 26 депутатов. Является членом европейской партии «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ);
5. Правопопулистская, националистическая и евроскептическая, оппозиционная партия «Воля», основанная в 2016 г. бизнесменом В. Марешки, который с 2017 г. был заместителем председателя НС. Партия имела 12 депутатов. Является членом жестко евроскептической европартии «Идентичность и демократия».

После подведения итогов выборов 2017 г. лидер ГЕРБа Б. Борисов объявил о намерении сформировать новое правительство в коалиции с националистами из альянса «Объединенные патриоты»¹.

Болгария является парламентской республикой. Но в стране существует пост Президента страны, который избирается раз в пять лет прямым всеобщим голосованием. Президент является главой государства и верховным главнокомандующим Вооружёнными силами Болгарии. В его подчинении находится также Национальная служба разведки. Президент имеет право налагать вето на решения Народного собрания, которые считаются действительными только

¹ Barzachka N. Bulgaria's government will include far-right nationalist parties for the first time // The Washington Post. 25.04.2017. URL: <https://u.to/Q6OfGw> (дата обращения 10.07.2021).

после его подписи. Но, любое решение парламента он имеет право отклонять не более трех раз.

В ноябре 2016 г. победу во втором туре президентских выборов с результатом 59,37% голосов одержал независимый кандидат, бывший командующий ВВС Болгарии Р. Радев, которого поддержали БСП и комитет избирателей. Он опередил кандидата от правящей партии ГЕРБ Ц. Цачеву, получившую 36,13% голосов. В паре с Радевым на пост вице-президента баллотировалась депутат Европарламента от БСП И. Йотова.

Социально-экономическая ситуация в стране накануне выборов 2021 года. Нынешний глава правительств и лидер партии ГЕРБ Б. Борисов находится у власти уже 12 лет, однако политическая система страны остается весьма неустойчивой. За эти годы в Болгарии состоялось четверо парламентских выборов из которых трое были внеочередными. В результате правительство страны за эти 12 лет поменялось пять раз, и только последнее из них смогло проработать полные четыре года.

По мнению иностранных и болгарских экспертов основная причина нестабильности политической системы страны связана с высочайшим уровнем коррупции [2, с. 46; 3; 4]. Помимо этого, после событий на Украине в 2014 г. немаловажную роль стал играть и «российский фактор», учитывая то, что в Болгарии многие партии традиционно весьма позитивно относятся к России [5, с. 97]. Дополнительную напряженность в отношении между премьер-министром Борисовым и Президентом Радевым добавили и президентские выборы 2017 г. В январе 2019 г. Радев обвинил правительство и премьера в коррупции и игнорировании интересов государства, заявив, что Борисов намерен закупить в США истребители F-16 по явно завышенной цене. На что Борисов ответил Президенту фразой: *«Кто хочет диктатуры, тот её найдёт. А мы хотим демократии и её защищаем»*².

Борисову удалось оставаться у власти, несмотря на громкие коррупционные скандалы, связанные с его окружением, и многочисленные антиправительственные протесты, связанные во многом с неэффективной политикой правительства при борьбе с коронавирусом. По данным американского Университета Джона Хопкинса, Болгария занимает первое место в Европе и второе в мире (после Мексики) по уровню смертности от Ковид-19 (4%). 22 марта 2021 правительство приняло решение о введении 10-дневного локдауна, что также не способствовало улучшению социально-экономической ситуации в стране.

На фоне вышеперечисленного неудивительно, что главными темами избирательной кампании стали коррупция, безработица, ситуация с пандемией коронавируса и социальные проблемы.

Экономическую ситуацию в Болгарии в настоящее время экономисты оценивают по-разному. С одной стороны, за последнее время заметно сократился внешний долг, укрепилась национальная валюта – болгарский лев, сохраняется стабильный рост ВВП 5-6% в год. Но, с другой стороны, до сих пор не решены многие важные социально-экономические проблемы: безработица, уровень которой составляет 12% от всего трудоспособного населения, низкий уровень социального обеспечения, отъезд наиболее квалифицированных кадров в страны Западной Европы и др. [6].

Уровень жизни в Болгарии ежегодно повышается, но он всё еще остаётся в несколько раз ниже показателей западноевропейских стран. По данным Ев-

² Бойко Борисов ответил на выпад Румена Радева // BgNews – Новости Болгарии. 29.01.2019. URL: <https://u.to/fKOfGw> (дата обращения 10.07.2021).

ропейского фонда по улучшению условий труда, в Болгарии наряду с Румынией и Польшей самая длинная рабочая неделя в Европе. Средняя зарплата по стране в 2020 г. составила ~750 евро в месяц, что является самым низким показателем для стран Евросоюза. Более низкий, по сравнению со странами Западной Европы, уровень жизни заставляет людей покидать страну в поисках более высоких заработков, а после вступления Болгарии в ЕС эти возможности заметно расширились³.

Все эти обстоятельства способствовали тому, что рейтинги ведущих болгарских партий (ГЕРБ, БСП, ИМРО-БНД, ФНСБ, АТАКА, Воля и др.) заметно снизились. Зато стала расти популярность новых партий и движений популистского толка: «Есть такой народ» шоумена С. Трифонова, коалиция «Вставай! Мафия убирайся!», объединившая такие партии как «Движение 21», движение «Болгария граждан», Единая народная партия, Вольт Европа, Болгарский земледельческий народный союз – Народный союз и др.

О ходе избирательной кампании 2021 г. В избирательной кампании 2021 г. приняли участие 22 политические партии и 8 партийных коалиций. В ряде избирательных округах баллотировались также независимые кандидаты. Официально избирательная кампания стартовала 05 марта 2021 г. Но введенный правительством 22 марта полный локдаун существенно ограничил партиям и независимым кандидатам возможность проводить полноценную агитацию и встречаться с избирателями. Тем не менее, встречи все-таки проводились, но обязательно в помещении и при соблюдении санитарных правил, согласно которым эти помещения должно быть заполнены не более, чем на 30%.

Положение правящей партии (ГЕРБ) накануне выборов было не очень хорошим. Летом 2020 г. по стране прокатилась мощная волна акций протеста, связанных с разразившимся ещё в марте 2019 г. коррупционным скандалом, к которому были причастны ряд представителей ГЕРБа, включая министров культуры, спорта, энергетики и юстиции⁴. В ответ на эти протесты Б. Борисов уволил ряд министров, но протестующие и оппозиция настаивали на отставке самого Борисова и генерального прокурора. 06.08.2020 г. Борисов согласился уйти в отставку при условии, что его партия сохранит контроль над правительством до парламентских выборов 2021 г. Спустя неделю, 14 августа 2020 г. он ещё раз повторил своё предложение, но оно было отвергнуто и президентом страны, и партнерами ГЕРБ в правительстве, и оппозицией, и демонстрантами.

Накануне начала избирательной кампании Борисов объявил, что его партия пойдет на выборы в коалиции с национал-консервативной проевропейской партией «Союз демократических сил» (СДС, член ЕНП, основана в 1989 г.), которую в настоящее время возглавляет Р. Христов, который в середине 90-х годов был недолго членом правительства Болгарии. ГЕРБ и СДС уже имели опыт сотрудничества в период проведения европейских выборов (26 мая 2019 г.), на которых они победили с результатом 31,07%. В результате 6 представителей ГЕРБа и 1 от СДС были избраны депутатами Европарламента. Предвыборная программа коалиции ГЕРБ-СДС была названа «Болгария для нового поколения» и включала в себя 3 главных предложения: реформа систем здравоохранения, юстиции и государственных услуг, продолжение процесса модернизации инфраструктуры,

³ Трудовая миграция болгар: тревожный звонок? // People&Countries: [сайт]. 16.11.2016. URL: <https://u.to/8KOfGw> (дата обращения 10.07.2021).

⁴ Гацак А. Три болгарских политика подали в отставку из-за коррупционного скандала // Российская газета. 26.03.2019. URL: <https://u.to/U6SfGw> (дата обращения 10.07.2021).

реформа и увеличение инвестиций в образование (до 5% ВВП). Борисов в ходе кампании обещал до 2025 г. увеличить минимальную зарплату до 500 евро, среднюю – до 1000 евро, а среднюю пенсию – до 300 евро. Отдельно предлагалось повысить зарплату учителям школ и преподавателям ВУЗов. Борисов также настаивал на том, что Болгария должна до конца 2024 г. стать членом еврозоны.

Нынешние партнеры ГЕРБа в правительстве ИМРО-БНМ, НФСБ и «АТАКА» слишком сильно подмочили свою репутацию за прошедшие 4 года и согласное опросам общественного мнения не имели шансов вновь пройти в парламент.

Оппозиционная партия ДПС, представляющая интересы турецкого меньшинства во главе с М. Карадаи, которую некоторые эксперты расценивали в качестве потенциального партнера ГЕРБа в новом правительстве не очень устраивала Борисова из-за крайне негативного имиджа основателя и почетного президента этой партии, олигарха А. Догана [7, с. 72].

Оппозиционные партии Болгарии также находились в не очень хорошем состоянии накануне выборов. Главная оппозиционная партия БСП объявила о создании коалиции «БСП за Болгарию» с участием «Коммунистической партии Болгарии» (КПБ, создана в 1996 г., глава – А. Паунов), экологического движения «Экогласность» (создано в 1989 г.), левой партии «Новая Заря» (основана в 2006 г., возглавляется М. Минчевым) и политического клуба «Тракия». Главной темой своей кампании коалиция сделала вопросы здравоохранения, образования, бедности, неравенства и повышения зарплат и пенсий. Для это предлагалось восстановить прогрессивную шкалу подоходного налога вместо действующего фиксированного налога в размере 10% (единая ставка налога на НДС, подоходного и корпоративного налогов).

Однако у этой левоцентристской коалиции в ходе кампании возникло немало проблем, связанных прежде всего с тем, что основу её электората составляют пожилые люди, мобильность которых в условиях пандемии оказалась крайне низкой. Другой проблемой стало отсутствие сильного лидера у БСП, т.к. К. Нинова за 5 лет руководства партией так и не сумела проявить себя как сильный и последовательный политик. Например, в апреле 2017 г. в ходе телеинтервью Нинова сделала весьма странное для социалиста заявление о том, что её «любимыми политиками» являются британские консервативные премьер-министры М. Тэтчер и Т. Мэй. У неё также был серьёзный конфликт с бывшим премьер-министром и лидером БСП С. Станишевым, который в настоящее время является депутатом Европарламента и председателем ПЕС. В конце мая 2019 г. Нинова подала в отставку с поста лидера БСП по итогам выборов в Европарламент 2019 г., хотя БСП выступила на них лучше, чем в 2014 г. И её отставка не была принята.

Президент страны Р. Радев, которого БСП поддержала на выборах 2016 г., попытался помочь партии и в начале февраля 2021 года объявил о намерении участвовать в следующих президентских выборах, намеченных на осень 2021 г. В своём выступлении он отметил: «У избирателей есть выбор между статус-кво и изменениями, между принятием или отменой нынешней закулисной модели репрессий, коррупции и несправедливости для простых болгар»⁵.

Бывший член БСП и омбудсмен (с 2015 г.) М. Манолова в конце 2019 г. стала основателем нового политического антиправительственного проекта «Вставай Болгария! Мафия убирайся!», который был нацелен на объединение граждан-

⁵ Христова А. Президентът Румен Радев потвърди, че ще се кандидатира за втори мандат // Dnevnik. 01.02.2021. URL: <https://u.to/yaSfGw> (дата обращения 10.07.2021).

ских активистов и неправительственных организаций для «борьбы против монополий и строительной мафии, а также с целью увеличения прожиточного минимума, формирования справедливой деловой среды, снижения административного давления на граждан и обеспечения честных выборов»⁶. Манолова и один из организаторов протестов 2020 г. Н. Хаджигенов, создавший вместе с журналистом С. Диковым, скульптором В. Минековым и бывшим журналистом А. Бабикиным общественное объединение «Отравленная Троица», инициировали создание предвыборной коалиции «Вставай! Мафия убирайся!». В нее вошли также социал-демократическое и экологическое «Движение 21» Т. Дончевой, либеральное движение «Болгария для граждан» Д. Делчева, болгарское отделение европейской федералистской партии «Вольт» Н. Ананьев, социал-либеральное «Движение за национальное единство и спасение» А. Цоковой и «Аграрный народный союз» Р. Йончева. Данная коалиция была достаточно близка к БСП за исключением некоторых аспектов внешней политики (БСП считается про-российской, а «Вставай! Мафия убирайся!» является более проевропейской).

Еще одна новая популистская партия «Есть такой народ!» (ЕТН), созданная в феврале 2020 г. известным болгарским певцом и шоуменом С. Трифоновым также заявила о себе как о реальной политической силе. В своей предвыборной программе ЕТН предложила реформировать судебную систему, перейти от пропорциональной модели выборов депутатов парламента к мажоритарной в 2 тура, ввести обязательное голосование, сократить с 240 до 120 число депутатов НС. При этом Трифонов категорически отказался от участия в политических дебатах во время избирательной кампании. Он также заявил, если его партия попадет в парламент, то ни при каких обстоятельствах она не будет участвовать в каком-либо союзе с ГЕРБом или БСП.

Наконец, еще одним реальным претендентом на попадание в парламент была созданная в апреле 2018 г. либеральная коалиция «Демократическая Болгария» (ДБ), которая объединила 3 партии: «Да Болгария», созданная в 2017 г. и возглавляемая Х. Ивановым, который в 2014-2015 гг. был министром юстиции в правительстве Б. Борисова; «Демократы за сильную Болгарию», созданная в 2004 г. и возглавляемая с 2017 г. депутатом НС А. Атанасовым, и экологическая партия «Зеленые-Зеленое движение», созданная в 2008 г. Лидерами коалиции стали Х. Иванов и А. Атанасов, а главным лозунгом – увеличение пенсий по старости и средней заработной платы к 2025 г. на 50%!

Согласно опросу общественного мнения, проведенному компанией «Альфа-исследование» в начале марта⁷, ГЕРБ-СДС могло набрать с 28,5% голосов избирателей; «БСП за Болгарию» – 23,2%, ЕТН – 13,3%; ДПС – 12,3%; «Демократическая Болгария» – 5,7% голосов; «Вставай! Мафия убирайся!» – 4,5% и ИМРО-БНМ – 3,7%.

Итоги выборов и их влияние на российско-болгарские отношения. Результаты парламентских выборов, прошедших в Болгарии 04 апреля 2021 г. оказались несколько сенсационными и заметно отличались от предвыборных прогнозов. Они представлены в таблице 1, где можно провести сравнение с данными предыдущих выборов 2017 г. (см. в скобках после актуальных цифр).

⁶ Андонова З. Новият проект на Манолова – с национален обхват и в защита на граждански права // Dnevnik. 27.11.2019. URL: <https://u.to/96SfGw> (дата обращения 10.07.2021).

⁷ Обществени нагласи на старта на предизбраната кампания за 45 Народно Събрание // Alpha Research. Март 2021. URL: <https://u.to/JaWfGw> (дата обращения 10.07.2021).

Таблица 1

**Итоги парламентских выборов в апреле 2021 года в Болгарии
в сравнении с результатами предыдущих выборов 2017 года**

№	Политическая партия или коалиция	Число полученных голосов	% полученных го- лосов	Число депутатов
1.	ГЕРБ-СДС (ГЕРБ-ОП)	837.707 (1.147.292)	25,80 (32,65)	75 (95)
2.	ЕТН	565.014 (-)	17,40 (-)	51 (-)
3.	БСП за Болгарию (БСП)	480.146 (955.490)	14,79 (27,19)	43 (80)
4.	ДПС	336.306 (315,976)	10,34 (8,99)	30 (26)
5.	Демократическая Болгария	302.280 (-)	9,31 (-)	27 (-)
6.	Вставай! Мафия убирайся!	150.940 (-)	4,65 (-)	14 (-)
7.	ИМРО-БНМ (ГЕРБ-ОП)	116.434 (-)	3,59 (-)	0 (12)
8.	Патриотическая коалиция (Воля-ФНСБ (ГЕРБ-ОП))	75.926 (-)	2,34 (-)	0 (9)
9.	АТАКА (ГЕРБ-ОП)	15.659 (-)	0,48 (-)	0 (6)

Как видно из приведённой таблицы, в новый парламент вошли шесть партий и их объединений:

Коалиция ГЕРБ-СДС во главе с Б. Борисовым сохранила первое место, но набрала лишь 25,85% голосов, сократив своё представительство в НС на 20 депутатов. Было ясно, что ГЕРБ столкнется с серьёзными трудностями при формировании правительственной коалиции, т.к. подавляющее большинство других партий публично отказались от намерений создавать коалицию с Б. Борисовым. Сам Борисов выступил с призывом к национальному единству и предложил сформировать правительство экспертов, чтобы страна смогла к декабрю выйти из пандемии.

«БСП за Болгарию» во главе с К. Ниновой потерпела сокрушительно поражение, получив 14,79% голосов и практически наполовину сократив свою фракцию в НС. Очевидной причиной этой неудачи БСП было постепенный переход партии в последние годы на консервативные и ксенофобские позиции, что оттолкнуло от неё многих бывших сторонников. При этом, сама К. Нинова отказалась уйти в отставку, что означает отсутствие в партии реальных перемен в ближайшее время и продолжение стагнации.

ДПС М. Карадаи сумела сохранить свои позиции и даже увеличила своё представительство в НС на 4 депутата.

Входившие в правительственную коалицию ИМРО-БНМ, АТАКА и ФНСБ, объединившиеся с партией «Воля» не смогли преодолеть 4% барьер и потеряли представительство в НС. Зато, как и предполагалось, неплохо выступили новые протестные партии, возглавлявшие антиправительственные демонстрации 2020 г.: ЕТН и «Вставай! Мафия убирайся!». Они сумели превзойти прогнозы, которые им предсказывали на основании опросов общественного мнения.

Партия ЕТН, опередив «БСП за Болгарию», заняла второе место с результатом 17,40% голосов и будет иметь вторую по численности фракцию в НС. С. Трифонов, заболевший коронавирусом, обратился по итогам выборов к своим сторонникам со следующими словами: *«то, чего мы достигли сегодня очень важно: мы победители. Мы требуем власти, и перемен теперь неизбежны»*. Ясно, что значительная часть болгарских избирателей проголосовали за популярного шоумена в противовес всё более непопулярному политическому статус-кво ГЕРБ-БСП.

Еще одним победителем стала либеральная коалиция **«Демократическая Болгария»**, набравшая 9,52% голосов. Успеху либералов способствовало их активное участие в протестах 2020 г., антикоррупционная риторика в ходе кампа-

нии и ориентация на городской средний класс. Не случайно ДБ заняла первое место в двух из трех избирательных округов Софии и стала второй по итогам голосования болгарской диаспоры. Лидер ДБ Х. Иванов заявил по итогам выборов, что: *«Бойко Борисов может победить благодаря административному и финансовому давлению, но он уже не будет таким динозавром, как раньше. Сегодня формируется новая Болгария»*. Он также отметил, что его коалиция не планирует входить в состав нового правительства.

Коалиция «Вставай! Мафия убирайся!» М. Маноловой набрала 4,74% голосов и также будет представлена в парламенте небольшой фракцией.

Интересно отметить, что граждане Болгарии, проживающие за рубежом, в большинстве поддержали партию ЕТН – 30,75% голосов. За ДБ отдали голоса 17,56%; за ДПС – 13,17%; за ГЕРБ – 8,66%; за БСП – 6,52%; и, наконец, за «Вставай! Мафия убирайся!» – 4,24%.

Явка на парламентских выборах 2021 года в Болгарии выборах составила 42,83%, что на 11,02% меньше, чем выборов 2017 г.

О неудаче с формированием новой правящей коалиции в Болгарии и о новых выборах. Политическая система Болгарии последние годы демонстрирует заметную нестабильность. Её основной причиной является запредельно высокий уровень коррупции, который не позволяет властям беднейшей страны-члена ЕС разрешать свои многочисленные социально-экономические проблемы, которые вызывают всё большее недовольство рядовых граждан. После 2014 г. во внутриполитических раскладах всё большую роль стал играть «фактор России», а с 2016 года к этому всему добавилось ещё и жесточайшее противостояние между Борисовым и Радевым.

До последнего времени лидер ГЕРБА Б. Борисов умудрялся сохранять за собой руководство правительством, даже не смотря на связанный с ним громкий коррупционный скандал, вызвавший летом 2020 г. многочисленные антиправительственные протесты. Но после прошедших выборов политическая ситуация, с высокой степенью вероятности, начнёт меняться.

Комментируя итоги выборов, профессор политологии Нового Болгарского Университета А. Галабов отметил, что *«Их результаты отражают глубокую фрагментацию общества. Явного большинства нет, и ГЕРБ обязана своей победой только потребности избирателей в стабильности»*⁸.

«Компромисс по формированию правительства будет очень трудно найти, и если дискуссии увенчаются успехом, то такое правительство просуществует не более года. Страна оказалась в начале длительного процесса трансформации», – считает директор Института региональных и международных исследований в Софии Огнян Минчев⁹.

Президент Республики Р. Радев поочередно поручил лидерам трех партий ГЕРБ – Б. Борисову, ЕТН – С. Трифонову и БСП – К. Ниновой, сформировать правительство. Но никто из них не смог справиться с поставленной задачей. В результате Радеву пришлось заявить новые выборы на 11 июля 2021 г. На время до новых выборов Радев назначил правительство экспертов во главе со С. Яневым, своим советником по вопросам обороны. Новый министр внутренних дел Б. Рашков заявил, что предыдущее правительство прослушивало представителей политических партий перед выборами 4 апреля.

⁸ Bulgaria's course unclear after fractured election result // France24. 05.04.2021. URL: <https://u.to/saWfGw> (дата обращения 10.07.2021).

⁹ I offer peace," says Bulgarian Prime Minister Boyko Borisov as party edges ahead in elections // SCMP. 05.04.2021. URL <https://u.to/XKafGw> (дата обращения 10.07.2021).

Итоги выборов 11 июля; перспективы формирования нового правительства. Результаты новых выборов не принесли существенных изменений, хотя в ходе новой кампании были обнародованы свежие данные о коррупции в правительстве Борисова: 2 июня, в рамках закона Магнитского, власти США наложили санкции на 33 компаний и 21 болгарского гражданина, включая бывших депутатов от ГЕРБа бизнесмена В. Божкова и медиамагната Д. Пеевски, которые обвинялись в том, что влияли на назначение высших чиновников, включая Генерального прокурора. Министр экономики в правительстве Янева К. Петков заявил, что контролируемый государством Болгарский банк развития, целью которого является поддержка малых и средних предприятий (МСП), выдал кредитов на 500 млн евро 8 компаниям, принадлежащим четырем гражданам. В 2020 г. 7 компаний получили 1,7 млрд евро из госбюджета, т.е. почти четверть всех средств, выделенных на поддержку бизнеса (7,1 млрд евро). К. Петков также заявил, что почти половина госконтрактов была заключена без тендеров, что государство выдавало авансы крупным компаниям на строительство дорог или плотин, хотя эти работы еще даже не были начаты, а сроки контрактов истекли.

И всё же, по итогам новых выборов в парламент прошли те же 6 политических партий (см. табл. 2). Правда, ЕТН смогла ненамного опередить ГЕРБ и вышла на первое место. А ДБ обошла ДПС и заняла 4-ое место. Тем не менее, Парламент остался сильно фрагментированным, в нем остались 3 старые партии (ГЕРБ, БСП и ДПС) и 3 новые (ЕТН, ДБ и «Вставай! Мафия убирайся!»). Явка была низкой – 38,0%. По мнению экспертов причинами этого стали усталость болгар от разборок политического класса, праздники, увеличение количества машин для голосования, которые, возможно, обескуражили некоторых избирателей, особенно пожилых, и снижение покупательской способности граждан.

Выступая по итогам выборов, лидер победившей партии ЕТН С. Трифонов заявил, что не он лично не планирует возглавлять коалиционное правительство и его партия выдвинет на пост премьер-министра бывшего вице-премьер Н. Васильева (2001-2005 гг.). Но реакция других парламентских партий на эту кандидатуру оказалась в большинстве своем крайне негативной и позднее Трифонов объявил о снятии кандидатуры Васильева.

Таблица 2

**Итоги парламентских выборов в 11 июля 2021 года в Болгарии
в сравнении с результатами предыдущих выборов 04 апреля 2021 года**

№	Политическая партия или коалиция	Число полученных голосов	% полученных голосов	Число депутатов
1.	ЕТН	657.829 (565.014)	23,78 (17,40)	65 (51)
2.	ГЕРБ-СДС (ГЕРБ-ОП)	642,165 (837.707)	23.21 (25,80)	63 (75)
3.	БСП за Болгарию (БСП)	365,695 (480.146)	13.22 (14,79)	36 (43)
4.	Демократическая Болгария	345,331 (302.280)	12,48 (9,31)	34 (27)
5.	ДПС	292,514 (336.306)	10.57 (10,34)	29 (30)
6.	Вставай! Мафия убирайся!	136,885 (150.940)	4,95 (4,65)	13 (14)
7.	ИМРО-БНМ-Воля-ФНСБ	85,795 (75.926)	3,10 (2,34)	0 (0)
8.	АТАКА	12,585 (15.659)	0,45 (0,48)	0 (0)

22 июля ЕТН объявила, что готова сформировать коалиционное правительство, при условии, что в него не войдет ГЕРБ. Возможными партнерами по коалиции Трифонов назвал ДБ и «Вставай! Мафия убирайся!»¹⁰. В тот же день ЕНП посла-

¹⁰ *Todorov S.* Bulgaria's Winning Party Makes Sudden U-Turn on Coalition Talks // Balkan Insight. 22.07.2021. URL: <https://u.to/hKafGw> (дата обращения 28.07.2021).

ла приглашение принять участие в переговорах о формировании правительства всем партиям, кроме ГЕРБ. 27 июля ЕТН получила от президента Радева первый мандат на формирование правительства и официально предложила П. Николова на пост премьер-министра. 6 августа ЕТН уже вместе с назначенным премьер-министром П. Николовым предложила создать правительство меньшинства¹¹.

30 июля, выступая перед журналистами в Софии, П. Николов заявил, что у его правительства будет пять «основных приоритетов»:

- Первый приоритет – восстановление и устойчивое развитие экономики страны. И он надеется, что Болгария получит от Евросоюза около 6 млрд евро на его реализацию.
- Второй приоритет – борьба с ожидаемой новой волной коронавируса.
- Остальные приоритеты – это пересмотр пенсий, реформа избирательной системы и проведение судебной реформы.

Глава парламентской группы ЕТН Т. Йорданов заявил в этот же день, что все пять приоритетов поддержали ДБ и «Вставай! Мафия убирайся!», а часть из них разделяет БСП. Так что есть основания предполагать, что ЕТН сможет сформировать либо правительство меньшинства с ДБ и «Вставай! Мафия убирайся!», либо – при поддержке БСП – даже правительство большинства.

Влияние итогов выборов на российско-болгарские отношения. За время нахождения Б. Борисова у власти российско-болгарские отношения развивались неравномерно. Основной акцент был сделан на развитие торгово-экономического сотрудничества. При этом политические и военные связи заметно сократились под влиянием ряда факторов, к важнейшим из которых можно отнести членство Болгарии в НАТО и ЕС, а также поддержку главой правительства антироссийских санкций, введенных руководством ЕС, хотя не все политические партии Болгарии поддержали его позицию. Следствием этого стало ослабление сотрудничества между РФ и Болгарией в таких областях как образование, культура, туризм и пр.

Причем в последний год ситуация значительно ухудшилась. Под давлением США и ЕС Болгария отказалась от строительства газопровода «Южный поток», что стало серьезным ударом для России. В последние годы существенно снизился товарооборот: с \$5 млрд до \$3,47 млрд. В марте 2021 года по подозрению в шпионаже в пользу России были задержаны шесть сотрудников Министерства обороны Болгарии, в результате чего два дипломата из посольства России были высланы из страны.

Вскоре после шпионского скандала министр энергетики Болгарии Т. Петкова после своего возвращения из США заявила, что «к концу 2020 г. Болгария намерена получать 50% газа из новых источников», хотя до этого почти весь потребляемый газ (~3 млрд кубометров ежегодно) поступал из России. Половину необходимого объема газа Болгария намерена получить из Азербайджана по газопроводу TANAP, а оставшуюся часть в виде сжиженного газа из США.

Однако, в эти годы были достигнуты и определенные успехи в двухсторонних отношениях, о чем говорила министр иностранных дел Е. Захариева во время визита в Москву в ноябре 2019 г.¹². Так, в Болгарии началось строительство второй нитки «Турецкого потока», названного «Балканский поток», по которой

¹¹ *Tsolova T.* Bulgaria's anti-elite ITN party proposes minority government // SWI. 06.08.2021. URL: <https://u.to/yaafGw> (дата обращения 08.08.2021).

¹² Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с рабочим визитом в Российскую Федерацию Вице-премьера, Министра иностранных дел Болгарии Е. Захариевой // МИД России. 20.10.2019. URL: <https://u.to/6qafGw> (дата обращения 10.07.2021).

газ из России поступит в Сербию и Венгрию. Этот проект позволит отчасти заменить «Южный поток», строительство которого было отменено в 2014 г. после того, как Болгария не разрешила прокладывать трубы на своей территории.

Незадолго до визита Захариевой в Москву власти Болгарии объявили тендер на возобновление строительства АЭС «Белене» и, по словам министра, София приветствует участие России в этом тендере.

Исходя из вышесказанного можно предположить, что в случае формирования в Болгарии нового правительства без участия Б. Борисова можно предположить возможность смены внешнеполитического курса, что положительно отразится на взаимоотношениях между Москвой и Софией, поскольку последняя заинтересована в получении российских энергоносителей, притоке инвестиций и туристов.

Очевидно, что Б. Борисов и партия ГЕРБ склонялись в пользу прозападного внешнеполитического курса, в то время как Р. Радев и БСП занимают более сбалансированную центристскую позицию. Падение поддержки ГЕРБа избирателями свидетельствует об усталости болгарского общества от проводимой правительством внешней и внутренней политики.

Как поведет себя в отношении России новое правительство ЕТН пока сказать трудно, но если в нем окажутся представители БСП, то можно будет ожидать некоторого потепления или по крайней мере, отсутствие эскалации.

Библиографический список

1. *Гуселетов, Б. П.* Выборы 2017 в странах Евросоюза: общее и особенное // Современная Европа. 2018. № 2. С. 18–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220181828>.
2. *Stefanov, R., Yalanov, T. Karaboev, S.* The Bulgarian Public Procurement Market: Corruption Risks and Dynamics in the Construction Sector. In: Government Favoritism in Europe: The Anticorruption Report. Barbara Budrich Publ. 2015. Vol. 3. P. 35-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.2132.1684>.
3. *Nielsen, N.J.* Bulgaria seen as the most corrupt in EU // EU Observer. 27.01.2016. URL: <https://euobserver.com/justice/132012> (дата обращения 10.07.2021).
4. *Holmund, C.* As Foreign Firms Flee, Bulgaria Must Finally Curb Its Corruption Problem // Diplomatic Courier. 27.09.2018. URL: <https://u.to/bq2fGw> (дата обращения 10.07.2021).
5. *Dokova, H., Milkovab, K., Stamenkov, I.* Socio-economic Effects of COVID-19 in Bulgaria: A Spatial Analysis // Annual Review of Territorial Governance in the Western Balkans. 2020. No 2. P. 96-117. DOI: <https://doi.org/10.32034/CP-TGWBAR-I02-07>.
6. *Родионова, М. Е.* Динамика отношений двустороннего сотрудничества России и Болгарии на современном этапе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (6). С. 95–99. DOI: <http://dx.doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-95-99>.
7. *Ganev, V.* History, Politics, and the Constitution: Ethnic Conflict and Constitutional Adjudication in Postcommunist Bulgaria // Slavic Review. 2004. Vol. 63, Issue 1. P. 66–89. DOI: <https://doi.org/10.2307/1520270>.

Дата поступления в редакцию: 08.08.2021.

Принята к печати: 24.08.2021.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: bguseletov@mail.ru

Author ID РИНЦ: 899947

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ResearcherID (Web of Science): R-4354-2018

Scopus: ID 57202470741

B. P. Guseletov¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

RUSSIAN-BULGARIAN RELATIONS AFTER THE BULGARIAN PARLIAMENTARY ELECTIONS: OUTCOMES AND FORECASTS

Abstract. The article examines the results of the parliamentary elections in Bulgaria held on 4 April and 11 July 2021. It compares the results of the leading political parties in the 2017 and 2021 elections, and describes all leading Bulgarian political parties represented in parliament from 2017 to 2021. The results of the government led by GERB party leader Boyko Borisov, formed as a result of the 2017 elections, are analyzed. The reasons for this government's falling rating and its impact on the election campaign are identified. How the coronavirus pandemic and the government's actions to deal with its consequences have affected the course and results of the election campaign. The activities of the country's main opposition parties, the centre-left Bulgarian Socialist Party and the Social Liberal Movement for Rights and Freedoms, are assessed. The course of the election campaign and its main topics are examined, as well as the new political parties that were elected to the parliament: the left-populist coalition "Rise Up! Mafia Get Out!", the right-populist party "There's Such a People!", and the liberal coalition "Democratic Bulgaria". The positions of the leading political parties of the country regarding their possible participation in the new government coalition are shown. The state of Russian-Bulgarian relations is analyzed and forecasts of how the results of the elections will affect the formation of the new government of that country and the relations between Russia and Bulgaria are given.

Keywords: elections, parliament, political parties, government, Bulgaria, Russia.

For citation: Guseletov B.P. (2021) Russian-Bulgarian relations after the Bulgarian parliamentary elections: outcomes and forecasts. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 3. P. 14–25. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.2

References

1. Guseletov B. P. (2018) 2017 Elections in the European Union: Common Features and Differences. *Contemporary Europe*. No. 2, P. 18–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220181828> (in Russ.).
2. Stefanov R., Yalanmov T., Karaboev S. (2015) The Bulgarian Public Procurement Market: Corruption Risks and Dynamics in the Construction Sector. In: *Government Favoritism in Europe: The Anticorruption Report*. Barbara Budrich Publ. Vol. 3. P. 35–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.2132.1684> (in Eng.).
3. Nielsen N. J. (2016) Bulgaria seen as the most corrupt in EU. *EU Observer*. 27.01.2016. URL: <https://euobserver.com/justice/132012> (last request 10.07.2021) (in Eng.).
4. Holmund C. (2018) As Foreign Firms Flee, Bulgaria Must Finally Curb Its Corruption Problem. *Diplomatic Courier*. 27.09.2018. URL: <https://u.to/bq2fGw> (last request 10.07.2021) (in Eng.).
5. Dokova H., Milkovab K., Stamenkov I. (2020) Socio-economic Effects of COVID-19 in Bulgaria: A Spatial Analysis. *Annual Review of Territorial Governance in the Western Balkans*. No 2. P. 96–117. DOI: <https://doi.org/10.32034/CP-TGWBAR-I02-07> (in Eng.).
6. Rodionova M. E. (2019) Dynamics of bilateral cooperation between Russia and Bulgaria at the present stage. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No 9 (6). P. 95–99. DOI: <http://dx.doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-95-99> (in Russ.).
7. Ganey V. (2004) History, Politics, and the Constitution: Ethnic Conflict and Constitutional Adjudication in Postcommunist Bulgaria. *Slavic Review*. Vol. 63, Issue 1. P. 66–89. DOI: <https://doi.org/10.2307/1520270> (in Eng.).

The article was submitted on August 08, 2021.

Accepted on August 24, 2021.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Chief Research Officer, Center of Political Studies, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013

ResearcherID (Web of Science): R-4354-2018

Scopus: ID 57202470741

УМЕРЕННО-ОРИЕНТАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ (РЕЦЕПЦИЯ) ИСЛАМА В РАБОТАХ МАКСА ВЕБЕРА¹

Аннотация. Данная работа посвящена видению Максом Вебером ислама как религии, которая породила воинов на Аравийском полуострове в VII веке, а также, в качестве логического продолжения, анализу данной интерпретации посредством теоретического подхода Эдварда Саида, то есть посредством теоретического ориентального подхода. В первой части работы представлены аспекты анализа ислама по Веберу, которые необходимо принимать во внимание, особенно в контексте компаративной теологии, то есть в свете рассмотрения особенностей ислама на фоне других мировых религий. Во второй части работы рассмотрена концепция ориентализма Саида и дан собственный апробированный теоретический подход в рамках умеренного ориентализма, который, по мнению авторов, является важным концептуальным коррективом, который может способствовать лучшему пониманию и анализу различных ориентальных дискурсов, в том числе и дискурса Вебера. Принимая во внимание то, что речь идет о возможно самом влиятельном классике социологии, в случае социологии религии, очень важно критически подойти к анализу его понимания ислама для того, чтобы мы определили, какие из его выводов значимы для социологии религии и социологии ислама и сегодня, а какие из его гипотез мы можем отнести к некому виду редукционизма или ориентализма.

Ключевые слова: Макс Вебер, ислам, ориентализм, военный ethos, социология религии.

Для цитирования: Йованович Айзенхаммер Н. Умеренно-ориентальное прочтение (рецепция) ислама в работах Макса Вебера // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 26–34. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.3

Введение. Несмотря на то, что Макс Вебер является классиком социологии, чью теологическую теорию детально изучают уже десятилетиями, его анализ ислама в мировой социологии во многом оставлен без внимания. Гипотеза о связи между протестантской этикой и духом капитализма и в наше время вдохновляет социологов для дальнейших исследований, как и анализ христианства и его роли по Веберу в отрезвлении мира; как и анализ иудаизма, буддизма, индуизма, даосизма и конфуцианства, которые являются частой темой монографий и периодики, посвященной социологии религии. Однако, когда речь идет об исламе, имеет место иная ситуация. За исключением нескольких исследований, то есть отдельных авторов, которые занялись изучением данной проблемы [1-9], социология ислама по Веберу остается на периферии современных социологических работ. Одной из причин такого положения вещей в мировом академическом сообществе, вероятно, является тот факт, что Вебер не завершил собственную научную работу по исламу, хотя и собирался это сделать [7, р. 130; 8, р. 196; 9, р. 327]². Другими словами, его размышления об исламе необходимо вниматель-

¹ Статья основана на идеях диссертационного исследования «Понимание Вебером военного *ethosa* для становления и развития ислама» (автор Н. Йованович Айзенхаммер), защищенного на Философском факультете Белградского университета 22.05.2019 г.

² Исследования протестантизма, иудаизма, индуизма, буддизма, конфуцианства и даосизма имеют завершённый характер [10-13], поэтому и анализ этих религий имеет намного более глубокий (и подходящий для дальнейшего изучения) характер, чем его анализ ислама.

но реконструировать, прежде всего, посредством анализа различных произведений, в которых он упоминает эту религию, что помимо всего прочего значит, что нужно очень осторожно делать окончательные выводы в связи с тем, в рамках какого подхода он понимает самую молодую монотеистическую религию. С другой стороны, облегчающим обстоятельством является согласованность описаний ислама в различных рукописях. За исключением суфизма, Вебер понимает ислам единообразно – как религию воинов. У него есть ясная гипотеза по поводу ислама, и он выдвигает её почти каждый раз, когда упоминает эту религию, основная идея её заключается в том, что целью пророка Мухаммеда было формирование нового государства, поэтому ислам должен был быть *политической религией*, чьей общественной базой были воины.

В данной работе, после краткого обзора аргументации Вебера по вопросу ислама как религии, которая ориентирована на военный *этнос*, авторы обосновывают важность рассмотрения его теории в ключе ориентализма, то есть в контексте теоретического подхода, который является наследием Эдварда Саида. В любом случае, теория Саида, также как и теория Вебера, будет рассмотрена критически, для получения наиболее объективного видения предмета исследования, состоящего в понимании Вебером ислама как религии *a priori* ориентированной на войну и борьбу.

(Редукционистское) Понимание Вебером ислама как религии воинов.

Одна из основных гипотез Вебера заключается в том, что религиозные верования, практики, этику, мифологию и эстетику нельзя рассматривать как феномен *per se*, то есть нельзя пренебрегать социальным контекстом их возникновения и формирования. Вебер считает, что в «корне» каждой религиозной догмы лежат социальные и политические потребности некоего общественного слоя, который в определенный исторический момент был носителем конкретного религиозного *ethosa*. Конечно, это не значит, что только один общественный слой участвует в формировании конкретной религиозной этики, но Вебер считает, что возможно идентифицировать доминантных классовых носителей замкнутой религиозной системы. Основывая теоретическую архитектуру на подобных эпистемологических принципах, Вебер своим религиоведческим исследованиям придал ингерентный и аутохтонный характер *социологического*, чем во многом дал импульс развитию дисциплины, которая в рамках социологии будет заниматься религиозными феноменами. В этой связи важно проанализировать то, каким образом Вебер связывает ислам с социальной стратой военных на Аравийском полуострове в VII веке.

Вебер считает, что крестьяне, рабы и подёнщики никогда не были носителями ни одного религиозного *ethosa* [14, р. 395], что интеллектуалы породили буддизм, а бюрократия – конфуцианство [14, р. 425], в то время как непривилегированные классы, такие как мещане и мелкие торговцы, стали плодородной почвой для возникновения христианства [14, р. 398]. Иудаизм представляет собой духовное отражение коллективной ненависти (*ressentiment*) народа-пария, который веками подвергался гонениям [12, р. 43; 14, р. 416–418], а ислам, по мнению Вебера, возник как религиозное «обеспечение» формирования нового государства, во главе которого будет духовный и светский вожь Пророк Мухаммед. Несмотря на то, что, как мы уже сказали, рассуждения Вебера об исламе присущ сложный характер, данный вывод, который повторяется во многих его работах, весьма согласован и последователен. Исламское государство в контексте постоянной племенной вражды, повсеместно распространённого многобожия и заси-

лья олигархии из Мекки не могло быть построено и укреплено никак иначе как в борьбе, поэтому военный императив в исламе является логическим догматическим выводом, считает Вебер. Он также указывает на то, что все другие элементы, которые, по его мнению, имеют место в этой религии (аффирмации рабства, мизогиния, андроцентризм и скромность этических целей), только сопутствуют реализации данной общей политической цели создания государства [15, р. 241].

В данном контексте, по словам Макса Вебера, необходимо рассматривать и императив существования священной религиозной войны в исламе. Когда Мухаммед перебрался из Мекки в Медину, то есть, когда он понял, что не сможет так легко навязать себя еврейским и другим племенам как неприкосновенного пророка, битвы, которые он вёл против неприятелей, он назвал священной войной. Таким образом, как полагает немецкий классик, началась кристаллизация идеи перехода мучеников пострадавших в священной войне против неверных в *джаннат*. «На основании этого Мухаммед развил нарратив священной войны вплоть до подчинения неверных политической власти и экономическому доминированию правоверных» [14, р. 400].

Вебер считает, что ислам – это религия, которая не отрицает реальный мир и своим воинам, павшим в священной войне, предлагает весьма привлекательные (земные) блага, которые они смогут наслаждаться. «Данная концепция предполагает эксклюзивность одного общего бога и моральное уродство неверных как его неприятелей, чьё беззаботное существование вызывает его праведный гнев. Поэтому этой концепции не было ни в античное время на Западе, ни в какой-либо азиатской стране во времена Заратустры; но тут и не было прямой связи между борьбой с неверием с одной, и религиозными чувствами с другой стороны. Истинным создателем этой связи является ислам» [14, р. 400].

Вебер, таким образом, ислам рассматривает как весьма гомогенную богословско-правовую систему, чью форму целиком определяют военные и государственные нужды новой мединской элиты. Как таковой, ислам предопределен быть ценностным столпом феодального и традиционно-патриархального государства и потому не может быть движущей силой ни для развития современного капитализма, ни для развития бюрократии и политического эквивалента современного капитализма – парламентарной демократии. Несмотря на присутствия дилеммы о том, рассматривал ли Вебер ислам как религию спасения или же все таки определял её как политическую религию *stricto sensu* (детальнее см.: [16])³, сейчас мы оставим этот вопрос за пределами нашего исследования, и сосредоточимся на нескольких проблемах в связи с подобным пониманием ислама, которые в продолжение нашей работы послужат прологом к анализу понимания Вебером самой молодой монотеистической религии в ключе ориентализма.

Первая проблема, которая проистекает из понимания Вебером ислама – это его монолитный, то есть гомогенный подход к исламской догме и практике. Вебер только суфизм⁴ рассматривал как традицию, которая несколько отличается

³ Ключевым вопросом понимания всей религиоведческой теории Вебера, а также для понимания его рецепции ислама, является изучение степени, в которой процесс рационализации присутствует в системе конкретной религии. В рамках изучения того, как далеко зашел процесс рационализации в религии и его масштаба, также ставится вопрос путей спасения. Вебер в отдельных работах относит ислам к религиям спасения, а в других – называет ислам политической религией. Рамки нашего исследования не позволяют углубиться в этот весьма сложный вопрос, но отметим, что это еще одна фундаментальная тема в рамках социологии религии Вебера, без которой нельзя рассматривать его понимание ислама (детальнее см.: [16]).

⁴ Вебер не разграничивает суннитов, шиитов и хариджитов, а также не рассматривает различия интерпретаций ханбалитской, маликитской, шафитской и ханафитской богословско-правовых школ.

от других ветвей ислама, однако он нигде не разграничивает суннитов и шиитов, а также не выделяет различий между богословско-правовыми школами внутри этих двух главных течений в исламе. Несмотря на то, что в то время в немецкой ориенталистике ученым были известны различные интерпретации в исламе (детальнее см.: [17]), Вебер игнорирует их в своих работах и таким образом делает невозможным детальный и всеобъемлющий анализ различного понимания используемых определений – таких как, например, мученичество, священная войны и т.д. И хотя, конечно, с точки зрения эксклюзивного монотеизма, вера в Аллаха и пророка Мухаммеда, признание *Корана* как священной религиозной книги и основы шариата, являются общими для всех мусульман начиная с VII века и до наших дней, различия в понимании некоторых сегментов догм являются предметом спора, как в среде специалистов по исламскому праву, так и среди ученых. Эти различия в интерпретации очень важны, когда речь идет о сознательно-объективном, точном и основательном изучении ислама.

Объем нашего исследования не позволяет коснуться всех проблем, возникающих при анализе Вебером ислама в ходе его «столкновения» с аргументами исторического, историографического, догматического, а также теоретического характера, поэтому мы лишь упомянем некоторые из них. Одно из основных замечаний, которые мы можем адресовать Веберу – это недооценка значения торгового *ethosa* в формировании и распространении исламской догмы и практики. Даже, если мы согласимся с тем, что Вебер был прав, обозначив особое значение военной темы для политического аспекта ислама, мы не должны пренебрегать важностью, которую имела торговля, как для формулирования религиозных правил в сфере организации экономики мусульманского сообщества, так и для экспансии ислама дальше от Мекки и Медины. Также, важно пересмотреть и тезис о том, что ислам – это религия сравнимая исключительно с феодальной экономикой, а также политическим режимом и, в конце концов, что возможно является самым важным, необходимо пересмотреть и понимание Вебером ислама как религии, в которой спасение достигается только посредством страдания в священной войне. Пренебрежение различиями малого и великого джихада [18–19], как и всей совокупностью праксиологических мероприятий, которые достигли своего апофеоза, можно назвать серьезным недостатком данного подхода к эсхатологии ислама. Например, в анализе стоит, прежде всего, начать с пяти столпов ислама (молитва, пост, паломничество, милостыня и свидетельство веры), чтобы сразу столкнуться со сложностью обрядов, которые наполнены исключительно религиозным значением и коннотацией и которые можно, в свою очередь, детально анализировать в целях получения адекватного социологического исследования ислама [20]. Ни один из вышеуказанных пяти столпов не соотносится с военной темой, которую Вебер ставит на первый план. Конечно, это только первый шаг в анализе, который должен быть намного лучше разработан и который должен охватывать различные – как исторические, так и догматические аспекты. В отличие от авторов, которые понимание Вебером ислама называют однозначно ошибочным [1; 4-8; 21], мы не считаем, что можно так легко «осудить» немецкого классика. Военная тема в любом случае является важным сегментом

Однако, он выделяет суфизм как специфическую вариацию в рамках исламской традиции. На самом деле, Вебер определяет суфизм как религию дервишей и приравнивает его к дальневосточным почти магическим, экстатическим и мистическим обрядам и верованиям (14, р. 452). Данную точку зрения можно критиковать с различных аспектов, но здесь важно отметить, что суфизм является единственной ветвью в исламе, которую Вебер интерпретирует в ином ключе.

исламской истории и догмы, и Вебер совершенно справедливо отметил данный аспект. Военный *ethos* в исламе необходимо изучать в соответствии с основными эпистемологическими началами общественных наук, однако, уже из этого краткого экскурса ясно, что Вебер рассматривает ислам в достаточно упрощенном свете, пренебрегая многими другими весьма важными элементами этой религии. Дискуссию о том, является ли это редукционистское освещение ориентализмом или некой иной формой симплификации мы представим в продолжение работы.

Ориентализм как приемлемый теоретический подход в рамках анализа западного дискурса об исламе. Эдвард Саид в 70-е годы сформулировал теоретическую и идеологическую платформу в противовес расизму, ксенофобии, сексизму и другим схожим позициям, нацеленную на описание и объяснение упрощенного и стереотипного отношения Окцидента к Востоку. Саид утверждал, что хотя и имеет место схожесть с вышеуказанными ориентациями, ориентализм определяет специфическое отношение Запада к Востоку, которое может заключать в себе и расизм, и мизогинию, но не может быть объяснено посредством редукции к этим компонентам. В соответствии с идеями Фуко, Саид полагал, что существует специфический дискурс, который обеспечивает приращение (академического) знания об Oriente, с помощью которого поддерживаются стереотипы о восточных народах как о ленивых, воинственных, отсталых, примитивных, нецивилизованных, варварских, патриархальных, иррациональных и т.д. С другой стороны этого нарративного корпуса находятся бинарные оппозиции, которые Запад определяют как прогрессивный, цивилизованный, эгалитарный, демократический, рациональный и пр. Посредством такого стереотипного подхода Запад конструирует и деконструирует Orient как в большей степени *Иное*, а приписываемыми ему эпитетами стремится подчеркнуть собственное превосходство. Саид считает, что политическим последствием такого взгляда на положение вещей является оправдание колонизации Ориента (детальнее см.: [22–23]).

Другими словами, Саид определяет ориентализм как «прежде всего, дискурс, который не находится ни в каких прямых, корреспондентных отношениях с политической силой в широком смысле, а скорее создается и существует в неравноценном обмене с различными видами сил и до известной меры формируется в обмене с политической силой (как в случае колониального или империального истеблишмента), силой интеллекта (как в случае доминантных наук, таких как лингвистика или анатомия или какой-либо из современных политических наук), силой культуры (как в случае с догмами или канонами вкуса, текстов, ценностей), моральной силой (на примере идей о том, что «мы» можем, а «они» не могут делать или понимать так как «мы» можем)» [23, р. 23]. Следуя аргументации Фуко об обусловленности дискурса, знания и силы, Саид утверждает, что начиная от просветительства и дальше в западных академических кругах развивается и распространяется ориентальный дискурс, который придает законность политическим действиям в виде колониального давления.

Несмотря на то, что полемика по поводу теоретических подходов ориентализма началась сразу после издания труда (в 1978 году), и Саид многократно подвергался критике, его оспариваемая инновационная теоретическая позиция стала неотъемлемой частью не только постколониальных исследований, но и современной социологии, политологии и культурологии. Критика Саида – начиная от идеологической до теоретической и эпистемологической – в определенной степени оправдана: Саид рассматривал ориентализм во многом слишком экстенсивно и инклюзивно, поэтому и романтические предрассудки, и расистские сте-

реотипы объединил обобщающим понятием. Также он, пренебрегая немецким ориентализмом (фокусируясь на французском, британском и американском) и преувеличивая значение науки и культуры для принятия политических решений, гомогенизировал как Запад, так и Восток, не углубляясь во внутренние особенности данных геополитических образований и т.д. Мы согласны с большей частью вышеприведённой критики, но также считаем, что он создал необходимый теоретический корректив в форме выделения и составления карты специфического отношения Запада к Востоку, которое действительно сильно отличается от расизма и ксенофобии, и которое сразу было подхвачено как в академических, так и в политических кругах в целях колонизации. Но, все же самым большим недостатком подхода Саид мы можем назвать отнесение стереотипов с различной коннотацией (романтической, то есть описательной) в одну группу, в связи с чем мы акцентировали нюансы ориентализма и приспособили его к различным ценностным позициям, которые влекут за собой значительно отличающиеся политические последствия, и даже последствия в сфере безопасности.

Мы создали *ориентальный спектр*, в рамках которого можем позиционировать различные ориентальные нарративы, чтобы в качестве следующего шага, с помощью анализа содержания и анализа дискурса оценить масштаб и импликацию⁵. На одной стороне данного ориентального спектра находятся все те подходы к пониманию Востока, в которых преобладают стереотипное отношение и упрощенное рассмотрение восточных сообществ с ярко выраженным негативным подтекстом, причём эти стереотипы создаются в целях узаконивания колониального давления и завоевания. На другой стороне спектра находятся апологетические интерпретации Востока, которым также присуща необъективная, но аффирированная (романтическая) перцепция этих культур. Эти полюса ориентального спектра мы можем назвать *негативно обусловленным ориентализмом* и *апологетическим ориентализмом*. Между двумя этими полюсами находится и золотая середина, то есть *умеренный ориентализм*, который мы можем охарактеризовать с помощью (по крайней мере) трех важных критериев. Первый критерий, на основе которого мы в конкретном анализе идентифицируем присутствие ориентализма, заключается в симплификации и гомогенизации подхода к исламу как к монолитной богословско-правовой системе. Другим составляющим элементом ориентализма, особенно негативно обусловленного и умеренного, является выделение стереотипного видения ислама как *a priori* милитаристической религии (так как речь идет о наиболее часто связываемом с исламом стереотипе), в то время как третий критерий – это отсутствие ярко выраженной или скрытой политической претензии на освоение ближневосточной части мира, то есть создание гомогенной среды для оправдания интервенции на Восток. Таким образом, умеренный ориентализм – это позиция, которая подразумевает наличие упрощенного взгляда на Восток, присутствие стереотипов и симплификации (с акцентом на воинственность приписываемую мусульманам), но и отсутствие ярко выраженного намерения использовать эту дискуссию в колониальных или каких-либо других эксплуататорских и интернациональных целях в этой части света [24, р. 271–272].

Различия между тремя ориентальными позициями subtilны и их непросто идентифицировать, но существует необходимость получения ориентализмом

⁵ Напомним, что еще одно из замечаний по поводу видения Саидом ориентализма относится к фокусированию на отдельных обществах, поэтому мы конструируем этот спектр с намерением применить его к западному видению мусульманских, а не ориентальных сообществ в целом, но это не значит, что он не может иметь более широкого экспланаторного применения.

обоюдоострой критики. Несмотря на общую основу всего того, что производит стереотипы об Oriente – намерения, идеологические коннотации и политические последствия тут значительно отличаются. Мы считаем, что романтические путевые заметки о красоте восточных женщин нельзя отнести к той же категории, что и извещения о так называемой нецивилизованности и воинственности людей на Востоке, который поэтому нужно покорить. Умеренно ориентальная позиция несколько более близка экстремальному полюсу негативного ориентализма, однако отсутствие политической коннотации данного дискурса – это то, что, прежде всего, отделяет умеренный ориентализм от негативно обусловленного. Конструирование ориентального спектра и различных уровней ориентализма помимо всего прочего важно в контексте анализа понимания ислама Вебером и «отнесения» немецкого классика социологии к ориентальному спектру.

Заключение. Немногочисленные авторы, занимающиеся изучением анализа ислама в работах Макса Вебера, почти без исключения, относят его к ряду ориенталистов по Саиду [1; 4-6]. И хотя сам Саид не занимался творчеством немецкого классика (он упоминал его только опосредованно), авторы, изучающие немецкую исламологию, считают, что в понимании Вебером ислама имеют место стереотипы и упрощение, то есть ориентальный подход к самой молодой монотеистической религии. Мы согласны с этим выводом и определённо относим Вебера к ориенталистам, но с поправкой, что речь идет об *умеренном ориентализме*. Как мы увидели, Вебер не делает различий между интерпретациями ислама, сводит ислам к религии, сфокусированной на войне, и не углубляется в анализ вариаций значений и понимания, что его определено позволяет отнести к группе ориенталистов. Однако, анализ Вебером ислама не был реализован в целях оправдания какого бы то ни было давления по отношению к этой части света – он никогда не упоминал подобную акцию, также и Германия в тот период времени не могла считаться колониальной силой. *Ergo*, анализ Вебером ислама является умеренно ориентальным и, как таковой, он оставляет нам возможность взять из него то, что приемлемо для социологического исследования ислама (прежде всего, мы имеем виду ценность его анализа роли класса военных в формирование и расширение ислама), но с поправкой на то, что речь идет об ориентальном упрощении, которое лишает ясности холистическую картину, которую должно было бы иметь любое социологическое исследование ислама. Мы считаем, что тут прекрасно объясняется один из аспектов исламской догмы и практики, и что этот аспект никак нельзя не учитывать при социологическом анализе ислама, но мы также считаем, что тут недооценивается или даже полностью отрицается существование ряда других весьма важных основополагающих праксиологических и теологических элементов, которые, если взять их в рассмотрение, дают значительно отличную, более объективную и менее ориентальную картину по сравнению с тем, что оставил нам Макс Вебер.

В данной работе представлены только основные рамки и направления этой, весьма сложной темы. Каждый из упомянутых аспектов требует более глубокого анализа, чтобы прийти к твердым выводам, поэтому мы все же вынесли несколько главных постулатов, которые, по нашему мнению, должны стать теоретической и эпистемологической основой для изучения понимания Вебером ислама в контексте ориентального наследия. Конечно, мы снова делаем акцент на том, что понимание Вебером ислама осталось в рудиментарной форме и без законченной книги, которая возможно открыла бы нам некое иное и более детальное видение ислама, поэтому всю критику и выводы в этой связи необходимо рассматривать с осторожностью.

References

1. Turner, B. (1998) *Max Weber Classic Monographs. Volume VII: Weber and Islam*. London and New York : Routledge. 212 p.
2. Turner, B. (2010) Islam, capitalism and the Weber theses. *The British Journal of Sociology*. Vol. 61. No 1. P. 147–160. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01243.x>.
3. *Max Weber and Islam* (1999) Ed. by T. Huff & W. Schluchter. New Brunswick, N.J. : Transaction Publ.. P. 332.
4. Salvatore, A. (1996) Beyond Orientalism? Max Weber and the Displacements of 'Essentialism' in the Study of Islam. *Arabica*. Vol. 43. No 3. P. 457-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/1570058962582723>.
5. Farris, S. (2010) An 'Ideal Type' Called Orientalism – Selective Affinities between Edward Said and Max Weber. *Interventions: International Journal of Postcolonial Studies*. Vol. 12. No 2. P. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369801X.2010.489701>.
6. Farris, S. (2013) *Max Weber's Theory of Personality: Individuation, Politics and Orientalism in the Sociology of Religion*. Leiden, Boston : Brill. 229 p. ISBN 978-1608464166.
7. Bashier, S. (2011) The Long Shadow of Max Weber: The Notion of Transcendence and the Spirit of Mystical Islam. *Journal of Levantine Studies*. No 1. P. 129–151.
8. Sukidi (2006) Max Weber's Remarks on Islam: The Protestant Ethic among Muslim Puritans. *Islam and Christian-Muslim Relations*. Vol. 17. No 2. P. 195-205. DOI: <https://doi.org/10.1080/09596410600604484>.
9. Tenbruck, F. (1980) The Problem of thematic unity in the works of Max Weber. *British Journal of Sociology*. Vol. 31. No 3. P. 316–351.
10. Veber, M. (2011) *Protestantska etika i duh kapitalizma*. Novi Sad : Mediterran Publ. 226 s.
11. Weber, M. (1951) *The Religion of China: Confucianism and Taoism*. Glencoe, Illinois : The Free Press. 308 p.
12. Weber, M. (1952) *Ancient Judaism*. Glencoe Illinois: The Free Press. 484 p.
13. Weber, M. (1958) *The Religion of India, the Sociology of Hinduism and Buddhism*. Glencoe, Illinois : The Free Press. 392 p.
14. Veber, M. (1976) *Privreda i društvo, knj. 1–2*. Beograd : Prosveta. 498 s.
15. Veber, M. (2015) *Sociologija religije – tipovi religijskih zajednica*. Novi Sad : Mediterran Publ. 249 s. ISBN: 978-86-6391-028-7.
16. Schluchter, W. (1987) Weber's Sociology of Rationalism and Typology of Religious Rejections of the World. In: Lash, S., Whimster, S. *Max Weber, Rationality and Modernity*. London and New York : Routledge. P. 92–118.
17. Becker, C. H. (1974) *Christianity and Islam*. New York : Burt Franklin Reprints.
18. Esposito, L. J. (2003) *Unholy War: Terror in the Name of Islam*. New York, Oksford : Oksford University Press. 196 p. ISBN 0-19-515435-5.
19. Cook, D. (2005) *Understanding Jihad*. Berkley, Los Angeles, London : University of California Press. 269 p.
20. Vukomanović, M. (2004) *Religija*. Beograd : Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.
21. Rodinson, M. (1973) *Islam and Capitalism*. New York : Pantheon Books. 308 p. ISBN 978-0394467191.
22. Said, E. (2002) *Kultura i imperijalizam*. Beograd : Beogradski krug. 645 s.
23. Said, E. (2008) *Orijentalizam*. Beograd : Biblioteka XX vek. 480 s.
24. Jovanović, N. (2017) Contemporary Orientalistic discourse as the framework for the analysis of Islamophobia in Western societies. In: Stanarević S., Đorđević I., Rokvić V, (eds). *3rd International Conference on Human Security*, Belgrade, May 2017, University of Belgrade – Faculty of Security Studies, Human Security Research Center. P. 272–274.

Дата поступления в редакцию: 01.09.2021.

Принята к печати: 16.09.2021.

Сведения об авторе:

Йованович Айзенхаммер Наташа, доктор социологических наук, доцент, кафедра социологии Философского факультета, Белградский университет.

Белград, Сербия.

e-mail: natasa.jovanovic@fbg.ac.rs

ORCID: 0000-0002-3151-9732

N. Jovanovic Ajzenhamer¹

¹ University of Belgrade. Belgrade, Serbia.

MODERN ORIENTAL READING (RECEPTION) OF ISLAM IN THE WORKS OF MAX WEBER

Abstract. In this paper we analyse Max Weber's view on Islam as a religion of warriors who lived at the Arabian Peninsula in the 7th century, and also, we analyse this interpretation in the context of Edward Said's (orientalistic) theoretical approach. The first part of the paper presents various aspects of the analysis of Islam by Max Weber, which must be taken into the context of comparative theology, that is, in the light of considering the characteristics of Islam against the background of other world religions. In the second part of the work, we will analyse the concept of Said's orientalism. We will construct the framework of moderate orientalism, which, according to the author of this paper, is an important conceptual adjustment that can contribute to a better understanding and analysis of various oriental discourses, including Weber discourse. Taking into account that we are talking about the most influential classics sociologists, especially in the case of the sociology of religion, it is very important to critically analyse his understanding of Islam so that we can determine which of his conclusions are significant for the sociology of religion and the sociology of Islam today, and which of his hypotheses can we attribute to some kind of reductionism or orientalism.

Keywords: Max Weber, Islam, Orientalism, military ethos, sociology of religion.

For citation: Jovanovic Ajzenhamer N. (2021) Modern oriental reading (reception) of Islam in the works of Max Weber. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 3. P. 26–34. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.3

The article was submitted on September 01, 2021.

Accepted on September 16, 2021.

Information about the author:

Nataša Jovanović Ajzenhamer, PhD (sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Philosophy, University of Belgrade. Belgrade, Serbia.

e-mail: natasa.jovanovic@f.bg.ac.rs

ORCID: 0000-0002-3151-9732

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.4
УДК 316.74:791.4

А. И. Туманов^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания.
Москва, Россия.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Аннотация. Статья рассматривает аспекты взаимосвязи национальной идентичности и произведений искусства с точки зрения кинематографа, как одного из самых массовых и популярных видов искусства нашего времени. Рассматривается кинематограф США, СССР и современной России. На примере разных направлений кино этих стран прослеживается то, как в фильмах того или иного временного периода находят отражение настроения, взгляды и ценности эпохи, в которую создавалась картина. Таким образом фильмы становятся визуальными маркерами современности, что позволяет последующим поколениям находить связь со своим прошлым, а это является важной частью процесса формирования национальной идентичности.

Описано отличие голливудского консервативного кинематографа 40-х и 50-х годов от американского кино так называемого Нового Голливуда 60-х и 70-х годов XX века, характеризующегося большей смелостью и откровенностью в раскрытии определенных тем и проблем. Также автор рассказывает о возвращении Голливуда к традиционным ценностям в восьмидесятые годы, в период, когда президентом Соединенных Штатов был Рональд Рейган. Помимо этого, в пример приводится разница в настроении и атмосфере советских фильмов «оттепели» и периода застоя.

В работе затронута проблема несостоятельности современного российского кинематографа по сравнению с советским в отношении места в массовом сознании россиян и его культурной значимости. Автор пишет о том, как недостатки государственного управления современной российской индустрии препятствуют созданию большего количества фильмов, способных положительно повлиять на формирование национальной идентичности.

Ключевые слова: Голливуд, идеология, культурная политика, национальная идентичность, российская киноиндустрия, советский кинематограф.

Для цитирования: Туманов А.И. Отечественный кинематограф и его значение в формировании национальной идентичности // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 35–49. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.4

Введение. В данной статье мы будем исходить из определения, что национальная идентичность – это чувство нации как связанного целого, обладающего собственными традициями, культурой и языком [1, с. 454]. При этом нацио-

¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором в рамках научно-методологического семинара «Россия перед социальной развилкой: риски политического выбора» (ИСПИ ФНИСЦ РАН, 19 мая 2021, г. Москва).

нальная идентичность не является чертой, которая дается человеку с рождения. Ее формирование – процесс, который может длиться на протяжении всей жизни. Национальная идентичность имеет большое значение в обеспечении целостности общества и устойчивости государства. В её формировании и закреплении большое значение имеет создание нацией повествования о себе [2]. В создании такого повествования ключевую роль играет история – исторические события, которые становятся ключевыми в становлении нации, и исторические персонажи, вбирающие в себя те черты, которые кажутся нам как представителям нации наиболее ценными.

Не менее важной составляющей в формировании такого нарратива являются памятники искусства. Они становятся не только символами, с которыми ассоциируются ценности нации, но и визуальными маркерами той или иной эпохи [1]. Памятники искусства создаются не в вакууме, а впитывают в себя настроение своего времени и являются его отражением – философских, политических, религиозных воззрений, размышлений представителей конкретной эпохи. Глядя на фрески Микеланджело, мы узнаем не только идеал красоты великого художника, но знакомимся с представлениями о прекрасном, о благодетели человека Ренессанса в целом, а значит можем сформировать впечатление о мировоззрении эпохи Возрождения лишь при взгляде на Сикстинскую капеллу, минуя изучение трудов таких мыслителей Ренессанса, как Фичино и Манетти.

Произведения искусства обеспечивают связь с прошлым. Помогают нам осмыслить и сформулировать представления о том, что переживали и о чем думали наши предки [2]. Подобного рода рефлексия – ключевой элемент фундамента национальной идентичности.

Есть несколько причин, по которым из всех видов искусства, именно кинематограф достоин пристального рассмотрения в качестве явления, формирующего национальную идентичность и способного дать представление об обществе и стране в определённую эпоху. Кино интересно тем, что в отличие от живописи, скульптуры, литературы создается коллективно, являясь не только произведением, которое творит съёмочная группа, но продуктом киноиндустрии, диктующей свои условия.

Так как фильм – это не только произведение искусства, но и явление по своей природе коммерческое – важным элементом при создании кинопроекта становится прогнозирование зрительских ожиданий, поддержка интереса аудитории, актуальность выбранной темы и затронутых вопросов. Таким образом, анализируя те ценности и установки, которые транслируются через фильмы конкретного периода, можно узнать, что в то время считалось актуальным и важным.

Кинематограф также достоин более пристального рассмотрения как инструмент формирования национальной идентичности в силу того, что является самым массовым и популярным современным видом искусства, способным транслировать определённые ценностные установки максимально широкой аудитории, что издавна делало кино популярным средством пропаганды [3].

Как пишет один из ведущих отечественных ученых, работающих в сфере социологии кино, Михаил Жабский: «кинопроцесс есть сплав искусства, пропаганды, духовной жизни масс, массовой коммуникации и экономики» [4, с. 187]. И в разные периоды истории меняются компоненты этого сплава, выходящие на первый план. После революции в 1917 году перед советскими кинематографистами встали задачи донесения до масс идеалов социализма, просвещения население, большая часть которого оставалась неграмотной, и в целом пере-

страивание идентичности кинозрителя, предлагая ему новые ролевые модели: пролетарию – советского рабочего, крестьянину – колхозника [5, с. 76]. И уже совсем другие стояли задачи перед индустрией в девяностые годы, когда с распадом СССР рухнул и отечественный кинорынок. Пока частные предприниматели вкладывали деньги в строительство современных кинотеатров, кинематографисты искали способы не уступить хлынувшему в страну зарубежному кинопродукту. Вместо пропагандистской составляющей кино, вперед вышла коммерческая. И сейчас, когда отечественная киноиндустрия вышла из кризиса, который претерпевала два десятилетия назад, можно обратить внимание на совмещение разных аспектов кинематографа: эстетического, идеологического, коммерческого и социального.

Методы. Для того, чтобы отразить взаимосвязь национальной идентичности и кинематографа, а также проследить за влиянием общественной обстановки на кино, обратим внимание на киноиндустрии двух стран, которые представляют особый интерес сразу по нескольким причинам.

Во-первых, рассмотрим кинематограф США как самый развитый и коммерчески успешный, а также интересный с точки зрения его отличий и сходства с кинематографом СССР и современной России. Один из самых важных аспектов в сравнении американского и российского кино – это участие государства. В случае отечественного кинематографа мы можем говорить о высокой степени участия государства в киноиндустрии, особенно в советский период, когда все этапы создания фильма – от съемок до проката – финансировались и так или иначе контролировались государством. В современном российском кинематографе также есть доля государственного участия в управлении киноиндустрией. Прежде всего это выражается в субсидировании отечественных кинопроектов Министерством культуры РФ.

Укрепление национальной идентичности является приоритетным для государства и властей, так как она консолидирует общество и служит одним из гарантов территориальной целостности. Поэтому формирование национальной идентичности является одним из важнейших направлений культурной политики, а стимулирование производства фильмов, способных положительно на это формирование повлиять, становится частью государственной повестки.

Но если мы предполагаем, что инициатива создания кино, формирующего национальную идентичность, главным образом исходит от государства, то как обстоят дела с подобного рода фильмами в США, где роль государства в киноиндустрии минимальна? Снимают ли там картины, способные как-то повлиять на национальную идентичность, а если да, то от кого идет эта инициатива, какие именно это фильмы и в чем именно их взаимосвязь с национальной идентичностью? Для ответа на эти вопросы будет использована научная и публицистическая литература, посвященная истории Голливуда, в частности, труды Питера Бискинда, Джима Ховермана, Сэмюэля Уоссона, Роберта Склара и Михаила Трофименкова.

Для анализа советского кинематографа и его связи с политической и общественной обстановкой в стране обратимся к работам Неи Зоркой, Григория Александрова, Евгения Марголита, Андрея Щербенка и Юрия Горячева.

Также в работе использованы статьи и книги отечественных исследователей, изучающих социологию кино. В частности труды Михаила Жабского, Кирилла Тарасова, Марины Косиновой, Александра Шеремета, Кристины Воробьевой и др. Вышеперечисленные работы среди прочего описывают, как в разные пери-

оды истории менялся взгляд на отечественный кинематограф: на его функции, ценность для общества, – какие трансформации переживало кино как предмет социологического исследования. Для анализа современного кинематографа использованы также сайты, посвященные кинобизнесу: базы данных со статистикой кассовых сборов, позволяющих делать выводы о популярности и успехе того или иного кинопроекта, что, в какой-то степени, может говорить о его значимости для популярной культуры и месте этого фильма в массовом сознании. Впрочем, последние категории трудно поддаются измерению, особенно когда речь касается лент, вышедших в последние годы: об их месте в истории и влиянии на культуру и национальную идентичность можно с уверенностью говорить лишь по прошествии времени. Тем не менее, некоторое общее представление вполне могут дать специализированные сайты, такие как «Кинопоиск», собирающие статистику запросов по тому или иному фильму, а также зрительский рейтинг.

Результаты. Большую часть XX-ого века двумя ведущими в мире индустриями кино были советская и голливудская. Авангардный кинематограф СССР сделал многое для того, чтобы вывести киноязык на новый уровень [6]. Фильмы Сергея Эйзенштейна, Дзиги Вертова, Александра Довженко и Всеволода Пудовкина изучали и продолжают изучать в киношколах за рубежом. После 20-х – 30-х годов советский кинематограф стал менее заметным на мировой арене за исключением некоторых фильмов, получивших престижные кинонаграды, ставших кассовыми хитами или прогремевших на крупных международных фестивалях. К примеру, «Летят журавли» Михаила Калатозова, «Война и мир» Сергея Бондарчука, «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова. Тем не менее, внутри страны советский кинематограф был популярным и преуспевающим, во многом похожим на любую другую развитую киноиндустрию мира со своими звёздами, ведущими режиссерами, погоней за успехом в прокате и признанием зрителей [7]. Главная особенность советского кинематографа – его включенность в командно-административную экономику, участие государства в разных стадиях разработки кинопроекта как в форме финансирования, так и в виде контроля за съемочным процессом, проверка цензурными органами уже снятого материала, государственное субсидирование кинофикации и кинопроката [3]. Таким образом для власти кинематограф становился инструментом просвещения и пропаганды, позволяющим среди прочего формировать положительный образ руководства, распространять коммунистическую и социалистическую идеологию и, как это было в некоторых фильмах 30-х годов – в частности в лентах «На границе» Александра Иванова и «Трактористы» Ивана Пырьева – готовить население к возможной войне [7].

В США, где участие государства на кинорынке минимально, а с советской цензурой можно было бы сравнить разве что кодекс Хейса (принятый в 1934 году и переставший быть актуальным в 1968), который, кстати, создали в Голливуде как раз для того, чтобы избежать государственной цензуры и регулирования со стороны властей [8]. Тем не менее и без государственного управления кинематографом трансляция определенных ценностей в американском кино всегда присутствовала. Через голливудские фильмы разных эпох можно выделить магистральные темы и формы их раскрытия, которые демонстрируют ход мышления американского общества в определенное время [9]. Возьмём, к примеру, отличие Золотого Голливуда 30-х – 50-х годов от Нового Голливуда 60-х, 70-х. Золотому Голливуду было свойственно четкое жанровое разграни-

чение, очевидное разделение персонажей на положительных и отрицательных даже в нуарах, которым всегда была присуща большая терпимость к оттенкам серого, когда дело касалось морали [10]. Типичные герои Золотого Голливуда – отважные полицейские, благородные ковбои, мужественные солдаты, семьянины, стремящиеся к финансовому благополучию для своих родных [11]. На смену им приходят герои Нового Голливуда, режиссёры и продюсеры которого пережили Вьетнам, борьбу за социальное равенство, Уотергейтский скандал. Героями фильмов 60-х – 70-х годов становятся бунтари, которые так или иначе борются с истеблишментом, нормами, которые устоялись в американском обществе [12]. Это и романтизированные преступники и маргиналы в «Бонни и Клайде» Артура Пенна и «Беспечном Ездоке» Денниса Хоппера, журналисты, которые не боятся преследований и угроз нечистых на руку политиков в триллерах Алана Дж. Пакулы «Заговор Параллак» и «Вся президентская рать». Полицейские из однозначных героев становятся или антигероями, как во «Французском связном» Уильяма Фридкина, или борцами с пороками системы, в которой они сами работают, как в «Серпико» Сидни Люмета.

Фильмы Нового Голливуда становятся более остросоциальными, политизированными, едкими, им уже несвойственен оптимизм многих фильмов Старого Голливуда, как, например, в картинах Фрэнка Капры. В фильмах 70-х годов очевидно разочарование в традиционных американских ценностях, так называемой американской мечте, кризис доверия к власти [10]. Шедевры Нового Голливуда – первые две части трилогии «Крестный отец» Фрэнсиса Форда Копполы – это не простые криминальные фильмы о противостоянии преступников и полицейских, а криминальная сага, в центре которой вопрос: как так получилось, что мафия в США – это институт, принимающий участие в политической и экономической жизни страны, а к гангстерам за правосудием готовы обращаться также, как к полицейскими?

На смену Новому Голливуду приходит следующая эпоха, переход к которой прекрасно демонстрирует франшиза о Рэмбо. Если первый фильм в серии «Первая кровь» Джерри Голдсмита ещё сохраняет традиции Нового Голливуда, и главным злодеем там становится американский шериф, то в последующих двух лентах, снятых Джорджем Косматосом и Джерри Голдсмитом в период рейгановской Америки и нового обострения Холодной войны, антагонисты – это бойцы национального фронта освобождения Южного Вьетнама и советские солдаты [13].

Голливудское кино восьмидесятых в целом становится более склонным к черно-белому мышлению, разделению на «мы» и «они», хороших и плохих. Мейнстримовые фильмы этого периода нацелены на удовлетворение аппетита аудитории к зрелищам и так называемым «большим» эмоциям – триумфу, гордости. Ключевыми жанрами становятся боевики, спортивные драмы, комедии, а герои все чаще стремятся не к борьбе с истеблишментом или социальной справедливости, а включаются в погоню за свое место внутри системы. Цель протагонистов голливудских фильмов восьмидесятых не коллективные, а личные успехи и достижения – будь то финансовые, романтические, карьерные или спортивные [10].

Именно в 1980-х годах начинается новая волна экспансии Голливуда на зарубежные кинорынки, и США с помощью своих фильмов создают себе образ страны возможностей и капиталистического рая, где достичь успеха может любой [14].

Подобное разделение мы можем наблюдать и в кино СССР. Киноведы выделяют в истории отечественного кинематографа такие периоды, как послевоенное малокартинье, оттепельное кино, фильмы морального беспокойства, рас-

пространившиеся в эпоху застоя [15]. Если в период малокартинья типичными жанрами были биография и исторические драмы, то авторы оттепельного кино были склонны работать в лирических комедиях, мелодрамах – кинематографисты обращаются к личным, камерным историям, интроспекции. Георгий Данелия снимает программный оттепельный фильм «Я шагаю по Москве», легкий, оптимистичный, жизнерадостный [16], а в 70-ые тот же Данелия снимает типичную киноленту морального беспокойства «Афоню», где главные герои уже не юноши и девушки, которые с надеждой смотрят на будущее, а взрослые люди, большая часть из которых полны разочарования, сомнений и горечи [17].

Особый интерес представляет то, как на историю развития кинематографа СССР, смотрят специалисты, которые занимаются социологией кино. Если для искусствоведа важно содержание фильмов, снимавшихся в тот или иной период, какие формальные особенности их объединяли, сквозные темы, художественные приёмы, то для социологов не менее важен исторический контекст, взаимоотношения кинематографа со зрителем, значение кино как общественного явления, с одной стороны потакающего зрительским вкусам, с другой – его формирующим [18].

Например, Марина Косинова отмечает, как в Великую Отечественную возрастает значение кино и как средства массовой информации, и как развлечения. Исследовательница пишет о том, как граждане шли в кино ради того, чтобы посмотреть военные киножурналы и узнать, что происходит на фронте, но при этом популярность набирали и художественные ленты в легких жанрах, в частности спросом пользовались музыкальные фильмы [19].

В то же самое время многие специалисты по социологии кино отмечают, как, начиная с 1920-х годов, обретя полный контроль над кинорынком, советская власть специально «сужает» кинорепертуар, ограничивает жанровое и тематическое разнообразие фильмов, не только, чтобы внушать и прививать зрителю определенные идеи и ценности, но вообще с целью перестроить зрительское восприятие под морализаторский, воспитательный уклон фильмов. Таким образом люди сами начинали ожидать от фильмов определенных нравственных уроков, наставлений, морали. «Поучительная» составляющая сохранялась в фильмах и в сороковых, и в какой-то степени усилилась в послевоенный период малокартинья, когда на первый план вышли грандиозные фильмы о великих подвигах и свершениях прошлого, а главными героями кинолент стали монументальные исторические фигуры. В связи с обострением в отношениях между СССР и Западом, а также множеством трудностей внутри страны, авторам сверху была задача сделать еще больший уклон на воспитание зрителя, а образцы для подражания искать среди великих. Яркие примеры кино малокартинья: «Алишер Навои» Камила Ярмадова и «Академик Иван Павлов» Григория Рошалья.

Если для современного зрителя тенденция нравоведения многих советских фильмов может показаться наивной и смешной, для прошлых поколений это выглядело иначе. Тем более, сильная советская школа кино создавала мастеров, которые могли талантливо сочетать воспитательную и пропагандистскую составляющую кино с развлекательной, обогатив фонд отечественного кино настоящими шедеврами.

Как бы то ни было, значительная часть исследователей кино, независимо от сферы их интересов, будь то социология, искусствознание, экономика или культурология, находят, что в оттепель советское кино расцветает в полную силу. И дело не только в рекордной посещаемости кинотеатров, достигающей

4 млрд. зрителей, но и в жанровом и тематическом разнообразии фильмов, некотором ослаблении контроля со стороны цензурных органов (один из знаковых фильмов оттепели «Застава Ильича» Марлена Хуциева все равно смог выйти в прокат только с купюрами, а некоторые другие выдающиеся картины, снятые в тот период, например, «Комиссар» Александра Аскольдова смогли увидеть свет только спустя десятилетия), что дало авторам большую творческую свободу самовыражения.

Косинова отмечает: «В конце 1950 – начале 1960-х годов жанрово-тематический диапазон советского кинематографа значительно расширился. С одной стороны, кинематографисты обратили взгляд в прошлое, к традиции 1930-х годов, когда удачное сочетание лирического, эпического и эксцентрического начал давало блестящий результат. От предшествующего периода (малокартинья – прим. автора) «оттепельное» кино унаследовало традицию четкого разделения на жанрово-тематические пласты: военный, историко-революционный, колхозный, производственный и т. д.» [20].

Именно поэтому многие социологи кино сходятся во мнении, что кино «оттепели» – это своего рода идеал, к которому должен стремиться современный отечественный кинематограф, сочетая коммерческое с нравственным, развлекательное с воспитательным.

Гораздо менее позитивно исследователи относятся к успехам кино периода застоя. Эта эпоха для кинематографа стала не только синонимична с фильмами морального беспокойства, о которых было упомянуто ранее. Застой еще и отметился дальнейшим расцветом зрительского кино. Именно тогда были сняты многие фильмы, которые до сих пор с упоением смотрят и пересматривают зрители сейчас, например, комедии Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», фильмы Эльдара Рязанова «Невероятные приключения итальянцев в России», «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» и «Служебный роман». Проблема заключалась в том, что в эпоху застоя Госкино был задуман проект тематического планирования кинопроектов, по которому фильмы разделялись на определенные жанры и каждый из них следовало «отработать». Ориентироваться при этом следовало на зарубежные образцы [21]. При этом в советском прокате увеличивалось количество иностранного кино, которое постепенно вытеснило отечественное. Подражание зарубежному кинематографу ситуацию не исправило. Развлекательную функцию стало эффективнее выполнять телевидение, а впереди была перестройка: кинематографисты получили практически полную свободу и начали ставить все более трансгрессивные фильмы, которые скорее отталкивали, а не привлекали зрителя. Постановщики пытались еще больше подражать западным фильмам, а вскоре в страну хлынула и видеопродукция из-за рубежа, – посещаемость кинотеатров продолжала неуклонно падать вплоть до распада СССР.

Советская киноиндустрия в целом, имея ряд существенных недостатков, включая не всегда налаженную, а в какие-то периоды вовсе неэффективную работу государственных органов, ответственных за управление кинематографом, имела развитую инфраструктуру, которая давала авторам значительные преимущества [6]. Это один из главных факторов того, что именно советское кино является такой важной частью нашего культурного кода. Цитаты из советских фильмов становятся расхожими, превращаясь в крылатые фразы, звезды советского кино для многих до сих пор остаются кумирами, композиции и песни из

множества фильмов СССР знают миллионы, а целая россыпь персонажей советского кинематографа признаны культовыми.

В то же время можно подвергнуть сомнению, что такие слова применимы к современному российскому кино. Отечественный кинематограф безусловно пострадал от распада Советского Союза, ведь в то же время полностью развалилась и инфраструктура советской киноиндустрии. Оживление на российском кинорынке наступило в первой половине нулевых. А отечественные блокбастеры снова начинают появляться только к середине двухтысячных [22]. Сейчас отечественные фильмы на российском кинорынке стабильно собирают хорошую кассу и выбиваются в лидеры проката. Но есть ли у современного отечественного кино былое влияние на массовое сознание? Станут ли современные российские фильмы частью нашего культурного кода? Останутся ли образы, которые создают отечественные кинематографисты в нашей памяти? Проблема в том, что создавая так называемое патриотическое кино, например, на военную тематику, современные кинематографисты склонны злоупотреблять заимствованиями из зарубежного киноязыка.

Возьмём, к примеру, прогремевший в прокате в 2019 году военный блокбастер «Т-34» Алексея Сидорова: фильм повествует о подвиге советских солдат, но киноязык, который при этом используют создатели, голливудский – лощеная картинка, во главе угла ставятся зрелища и спецэффекты. Драматургия также больше похожа на драматургию большого голливудского кино. Перейдем к другим заметным премьерам последних лет – «Легенда номер 17» Николая Лебедева и «Движение вверх» Антона Мегердичева – тоже фильмы о подвигах советского прошлого, уже не военных, а спортивных, и та же ситуация – история наша, а оформление в традициях голливудского кино, на этот раз типичных для 80-х американских спортивных драм [13]. Подобные патриотические блокбастеры – определенно имеют место быть, ведь они рассказывают о нашем прошлом привычным современному российскому зрителю языком Голливуда, привлекательным, в частности, и для молодёжи. Но потеря самобытности современного массового отечественного кинематографа, его вторичность по отношению к фильмам зарубежным, мешают современному российскому кино быть более эффективным инструментом формирования национальной идентичности.

Более того, гламуризация, ретуширование прошлого и адаптация настоящего под реалии, заимствованные из западного кинематографа (добавление с помощью компьютерной графики небоскребов, чтобы сделать Москву больше похожей на Нью-Йорк, как в фильме «Тот еще Карлосон!» Сарика Андреасяна, копирование декораций из зарубежных ситкомов для их российских ремейков, как в «Моей прекрасной няне» и в «Счастливы вместе»), создает примерно те же проблемы, что возникают при условиях, когда отечественные зрители, особенно младшего возраста, сталкиваются с абсолютным доминированием иностранного продукта в кино и на телевидении. В их сознании складывается картина мира, отличная от той, в которой они существуют. Именно поэтому, например, некоторые дети приходят в недоумение, когда у них школе нет личных шкафчиков. То есть кинематограф больше не воссоздает национальную картину мира, а это очень важная функция кино, осуществляющая помимо прочего первичную социализацию ребенка [23].

Доказать несостоятельность современного российского кино по сравнению с советским в отношении формирования национальной картины мира и национальной идентичности представляется затруднительным, как, например, слож-

но измерить место того или иного предмета искусства в массовом сознании. На бытовом уровне мы, конечно, можем знать, например, как отличается культурное значение комедий Леонида Гайдая 60-х, 70-х, по сравнению с современными фильмами того же жанра, вроде кинолент таких франшиз, как «Любовь в большом городе», «Елки» или «Бабушка легкого поведения» – какими бы они ни были успешными в прокате. Действительно, кассовые сборы – это те немногие статистические данные, которые могут приводиться в дискурсе о кино вне оценочных рассуждений. Но результаты проката скорее являются количественными показателями, которые меньше говорят о влиянии фильма на массовое сознание, а больше об успехе маркетологов и прокатчиков. Тогда как зрительские рейтинги могут дать более полную картину о месте той или иной киноленты в популярной культуре.

Если брать за образец топ фильмов, составленных по оценкам на самом популярном в России сайте, посвященном кино, – «Кинопоиске», – можно увидеть такую картину: из всех 250 кинолент, которые входят в рейтинг, только шесть сняты после распада СССР. Половина из них при этом поставлены одним режиссером Алексеем Балабановым. Тогда как советских фильмов в этом же списке – 32, то есть в пять с лишним раз больше².

Из шести современных российских фильмов, которые попали в топ «Кинопоиска» только два можно в какой-то степени причислить к массовому, зрительскому кино в традиционном смысле: это «Брестская крепость» Александра Котта, который посвящен Великой Отечественной, и «Доктор Лиза» Оксаны Карас – биографическая драма об одном дне из жизни известной благотворительницы Елизаветы Глинки. При этом ни тот ни другой не совсем вписываются в рамки современного российского блокбастера с его большим вниманием к спецэффектам, зрелищам и со своего рода драматизированной, преувеличенной патриотичностью. Остальные ленты – «Брат», «Брат 2», «Война» Алексея Балабанова и «Дурак» Дмитрия Быкова – относятся к авторскому кино, которое охотнее обращается к проблемам и конфликтам, существующим в российском обществе в данный момент. Только такие фильмы в большинстве своем не доходят до широкого зрителя иногда из-за отсутствия поддержки в прокате, а порой из-за того, что встречают бурную и негативную реакцию, порицание со стороны общественности и – в некоторых случаях – чиновников. Примером этому может служить фильм «Левиафан» Андрея Звягинцева, который ругали за сгущение красок и даже за русофобию. Тем не менее то, что он нашел своих и критиков, и защитников, вызвал бурное обсуждение и заставил обратить внимание на некоторые негативные явления в современном российском обществе, делает этот фильм ценным и как произведение искусства, и как публицистическое высказывание.

Современное российское кинопроизводство во многом опирается на государственную поддержку. «Левиафан» также был снят при поддержке Министерства культуры, но уже следующий фильм Звягинцева «Нелюбовь» – нет. Во многом именно в надежде получить государственные субсидии, современные кинематографисты не обращаются к острым или неудобным темам, а создают или нейтральные, аполитические картины, жанровые блокбастеры, или снимают патриотическое кино в духе тех фильмов, которые в этой статье уже упоминались. Во многом именно поэтому мы наблюдаем уход кинематографистов в стриминговые сервисы, где сейчас выходят многие проекты на остросо-

² 250 лучших фильмов // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/lists/top250/> (дата обращения 20.07.2021).

циальные и более смелые темы. Только охват и информационную поддержку, которую получают подобные проекты, редко сравнится с фильмами, выходящими в широкий прокат.

О том, что актуальность выбранной темы коррелирует с посещаемостью и успехом ленты, в своей работе пишет социолог Ксения Воробьева, приводя параллель между ситуацией, сложившейся на кинорынке в 2010 году и результатами опросов советских социологов, которые пытались вывести формулу успеха для фильма в прокате, учитывая растущую конкуренцию с телевидением. Обращая внимание на то, что со временем конкуренция стала еще более жесткой за счет интернета, исследовательница пишет: «...у кинематографа формула успеха многогранная, комплексная: новый фильм, его высокие идейно-художественные достоинства, зрелищность, современная тематика, действенная реклама...» [24, с. 77]. Из приведенных факторов успеха кинопроекта, пользуясь информацией о выходящих в последние годы российских блокбастерах, можно заключить: зрелищность и действенная реклама и вправду могут помочь добиться успеха в кинопрокате. Это мы видим на примере лидеров проката в 2019 и 2018 году «Т-34» Алексея Сидорова (\$36 млн в России, первое место по сборам в РФ в 2019 году³) и «Движение вверх» Антона Мегердичева (\$53 млн в России, первое место по сборам в РФ в 2018 году)⁴. Но при этом, чтобы заполучить зрительскую любовь и оставить большой след в популярной культуре массивной рекламной кампании и зрелищности недостаточно, судя по посредственным зрительским рейтингам у обеих лент: у картины Сидорова – 6.7 из 10⁵, а у фильма Мегердичева – 7.4⁶. Для того, чтобы оставить больший след нужно что-то еще, возможно, идейно-художественные достоинства и современная тематика ими и являются.

Любопытным примером в этом плане стал фильм Клима Шипенко «Холоп», попавший на первое место по кассовым сборам в России в 2020 году. При не очень высоком зрительском рейтинге – 6.8⁷, эта комедия об избалованном сыне олигарха, которого перевоспитывают, с помощью актеров окупнув его в реалии феодального прошлого и заставив примерить на себя роль представителя низшего сословия, стала настолько популярной, что права на ремейки «Холопа» купили семь стран. Кроме массивной рекламной кампании, такой ажиотаж вокруг картины, где практически нет звезд кино, нет спецэффектов, батальных сцен, можно объяснить еще и актуальностью выбранной темы поиска социальной справедливости в обществе, где часть населения, настолько богаче остальной, что чувствует себя безнаказанной, эта прослойка уверена, что она над законом. А так как с этой проблемой встречаются не только в России, закономерно, что права на съемки своей версии этой истории приобрели сразу несколько зарубежных кинокомпаний.

Вопрос о создании большего количества фильмов, где затрагиваются наиболее актуальные для сегодняшнего проблемы, остро стоит в разрезе националь-

³ Итоги кинопроката в 2019 году // Фонд кино. URL: <http://www.fond-kino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2019-godu> (дата обращения 29.07.2021).

⁴ Итоги кинопроката в 2018 году // Фонд кино. URL: <http://www.fond-kino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2018-godu> (дата обращения 29.07.2021).

⁵ Страница фильма «Т-34» // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/930878/> (дата обращения 29.07.2021).

⁶ Страница фильма «Движение вверх» // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/840817/> (дата обращения 29.07.2021).

⁷ Страница фильма «Холоп» // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1183582/> (дата обращения 29.07.2021).

ной идентичности, потому что для её формирования полезно не только налаживать связь с прошлым своей страны, но и посмотреть со стороны на современное общество, самих себя. Поэтому поддержка такого кино, которое не боится обращаться к острым и актуальным темам и проблемам, может быть одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры.

Обсуждение. В используемых для написания данной статьи источниках авторы пишут о том, как кино отражает ту эпоху, в которую оно создается. В частности, в работах Джима Ховермана «Армия призраков. Американское кино и создание холодной войны» и «Порадуй меня». Культура кино в эпоху Рейгана» говорится о том, как фильмы зависели от политической повестки и общественных настроений в 50-х и 80-х годах. И хотя ни в одной из перечисленных работ напрямую не затрагивается тема роли кинематографа в формировании национальной идентичности, но в нескольких исследованиях прослеживается идея, что кино способно не только кристаллизовать современность, но и может влиять на способ мышления зрителя, транслируя и закрепляя определенные ценности и установки, которые затем становятся характерными чертами кинематографа того или иного периода. В случае Золотого Голливуда – это традиционные, консервативные ценности фильмов 30-х – 50-х, вполне коррелирующие с настроениями американского «молчаливого поколения» людей, родившихся 20-х – 30-х годах. Тогда как кино 60-х и 70-х впитало в себя подъем контркультуры, борьбы за гражданские права, желание молодежи изменить мир вокруг себя. В 80-ые же с приходом к власти консерватора Рональда Рейгана общественные настроения снова приняли правый уклон, и традиционные ценности стали более актуальными, чем прогрессивные и революционные идеи, распространившиеся среди молодежи в предыдущие два десятилетия.

Такой же губкой для впитывания общественных настроений всегда был отечественный кинематограф. Без этой способности быть отражением времени кино не может играть роль инструмента формирования национальной идентичности. Поэтому в статье поставлено под сомнение, что нынешние хоть и популярные в прокате блокбастеры могут быть эффективным инструментом формирования национальной идентичности, так как они слишком абстрагированы от актуальных проблем и конфликтов современности, а прошлое превращают в материал чисто зрительского кино, где создатели играют на эмоциях и редко говорят о чем-то важном и осмысленном.

Трудной задачей представляется подкрепить это утверждение конкретными данными. Здесь в качестве аргументов приводятся зрительский рейтинг на сайте «Кинопоиск», а также авторский анализ выведенных как примеры фильмов, подкрепленный отзывами кинокритиков и анализом исследователей. Для того, чтобы иметь полное представление о том, могут ли современные отечественные фильмы быть эффективным инструментом формирования национальной идентичности нужны другие эмпирические данные. В частности, необходимо провести опрос людей из разных возрастных групп о том, как какие отечественные фильмы они считают важными для формирования разных аспектов личности, в том числе и национальной идентичности, как часто они смотрят советское и российское кино, какие картины они считают важными для культуры.

Выводы. Проанализировав несколько периодов из двух крупных киноиндустрий мира – американской и отечественной – похожих по степени развитости и полярно противоположных по той политической и общественной среде, в которых они развивались, можно прийти к выводу, что с участием или без участия

власти кино не может не транслировать ценностные установки, характерные для той страны, где оно создается. При этом кинематограф как оказывается под влиянием общественной среды, так и сам на неё влияет.

Таким образом кино наиболее полно выполняет функцию того самого визуального маркера, памятника искусства, с помощью которого общество создает нарратив о себе, что является центральным процессом формирования национальной идентичности. Более того, вбирая в себя другие виды искусства, являясь аудиовизуальным медиа, привлекательным и популярным среди значительного количества населения вне зависимости от возраста, социального статуса и образования, кино имеет большой потенциал как инструмент формирования национальной идентичности. Среди всех видов искусства, возможно, именно кинематограф сейчас является самым актуальным в этом отношении.

Впрочем, когда дело касается отечественной киноиндустрии, мы встречаем ряд препятствий, которые не дают этому потенциалу раскрыться. Несмотря на то, что отечественное кино сейчас весьма жизнеспособно в коммерческом плане и достаточно развито как индустрия, современные фильмы, хоть и успешные в прокате, не имеют большого влияния на популярную культуру, так как во многом их можно назвать вторичными по отношению к аналогичным зарубежным картинам, а также поверхностными, когда дело касается затронутых в них тем и проблем. В то же самое время создание более серьезных фильмов, где свое отражение находят острые для современного общества конфликты, редко поддерживается государством, а ещё реже выходит в широкий прокат, и находит своего зрителя скорее среди критиков, а не у массового зрителя. При этом утверждение, что такого рода фильмы массе не интересны, весьма опрометчиво, стоит вспомнить о народной популярности многих советских кинолент, а также таких современных российских фильмов, как картины Алексея Балабанова.

Но, чтобы понять, какие именно фильмы могут иметь наибольшее влияние на национальную идентичность, необходимы дальнейшие исследования, в которых будут среди прочего использованы методы анкетирования и социального опроса.

Библиографический список

1. Хигсон, Э. Национальная идентичность и массмедиа // Медиа. Введение: Учебник / под ред. А. Бриггза, П. Кобли ; пер. с англ. Ю.В. Никуличева. 2-е изд. М. : Юнити-Дана, 2017. 550 с. ISBN 5-238-00960-7.
2. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М. : АСТ, 2004. 552 с. ISBN 5-17-024800-8.
3. Горячев, Ю. И. Исторический опыт строительства революционной кинематографии (1917-1936). М. : ВГИК, 1988. 45 с.
4. Жабский, М. И. Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись (1969–2005). М. : Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. 775 с. ISBN 978-5-88373-145-7.
5. Жабский, М. И., Тарасов, К. А. Российская социология кино в контексте развития общества // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 73–81. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S013216250007449-6>.
6. Александров, Г. В. Эпоха и кино / под ред. Н.С. Гудковой. М. : Политиздат, 1976. 288 с.
7. Зоркая, Н. М. История отечественного кино. XX век. М. : Белый город, 2014. 512 с. ISBN 978-5-7793-2429-8.
8. Трофименков, М. С. Красный нуар Голливуда. Часть I. Голливудский обком. СПб : Сеанс, 2018. 748 с. ISBN 978-5-9500453-7-0.

9. *Sklar, R.* Movie-Made America: A Cultural History of American Movies. New York : Vintage. 1994. 432 p. ISBN 0-679-75549-7.
10. *Бискупид, П.* Беспечные ездоки, бешеные быки / пер. С. Арбузова. М. : АСТ, 2007. 640 с. ISBN 978-985-16-2169-5.
11. *Hoberman, J.* An Army of Phantoms: American Movies and the Making of the Cold War. New York : The New Press. 2012. 408 p. ISBN 978-1595588333.
12. *Wasson, S.* The Big Goodbye: Chinatown and the Last Years of Hollywood. New York : Flatiron Books. 2020. 416 p.
13. *Hoberman, J.* Make My Day: Movie Culture in the Age of Reagan. New York : The New Press. 2019. 400 p. ISBN 978-1595580061.
14. *Perlstein, R.* Reaganland: America's Right Turn 1976-1980. New York : Simon & Schuster, 2020. 1120 p. ISBN 978-14767-9305-4.
15. *Марголит, Е. Я.* Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920–1960-х годов. СПб : Сеанс, 2012. 560 с. ISBN 978-5-905669-08-8.
16. Культурная жизнь в СССР, 1951-1965: хроника / сост. С.Н. Базанов. М. : Наука, 1977. 679 с.
17. *Щербенок, А.* Цивилизационный кризис в кино позднего застоя // Новое литературное обозрение. 2013. № 5 (123). С. 64-70.
18. *Лубашова, Н. И.* Из истории социологии кино // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 146–149.
19. *Косинова, М. И.* История взаимоотношений отечественного кинематографа со зрительской аудиторией // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 147–155.
20. *Косинова, М. И.* Кинорепертуар и зрительские предпочтения в эпоху «оттепели» в России // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 293-306. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.4.28>.
21. *Хрюкин, Д. А.* «Жанр» как ключевая проблема советского кинематографа 1968-1985 гг. Государство, кинематографисты, зритель // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 2. С. 74–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-74-83>.
22. *Марголит, Е. Я.* В ожидании ответа. Отечественное кино: фильмы и их люди. М. : Роузбэд Интерэक्टив, 2019. 464 с. ISBN 978-5-905712-42-5.
23. *Шеремет, А. Н.* Социология кино для всех // Высшее образование в России. 2009. № 4. С. 150-154.
24. *Воробьева, К. С.* Социология кино в СССР: проблема посещаемости // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 6. С. 71–79.

Дата поступления в редакцию: 28.07.2021.

Принята к печати: 21.08.2021.

Сведения об авторе:

Туманов Арсений Игоревич, соискатель,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; редактор, ФГУП
«Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания».
Москва, Россия.
e-mail: tumanovarsenii@gmail.com
Author ID РИНЦ: 941049
ORCID: 0000-0002-8966-7623

A. I. Tumanov^{1,2}

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

² All-Russia State Television and Radio Broadcasting Company.
Moscow, Russia.

ROLE OF NATIONAL CINEMA IN THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

Abstract. This article touches upon the topic of the relationship between national identity and works of art. The author focuses on cinema as one of the most massively consumed and popular forms of art of our time. To uncover this subject matter, the cinema of the USA, USSR and modern Russia are considered. By the example of different movements of various periods of moviemaking in these countries, one can feel the mood and make sense of the views and values of an era in which a picture was created. Thus, films become visual markers of modernity, which allow subsequent generations to find a connection with their past. That, of course, is an important part of the process of forming a national identity.

In addition, the author describes how Hollywood conservative cinema of the 40s and 50s differs from the American cinema of the New Hollywood of the 60s and 70s, which was characterized by greater frankness in covering certain topics and problems. Also, the article touches upon how Hollywood returned to traditional values in the eighties during the presidency of Ronald Reagan.

Furthermore, as an example of how movies capture the zeitgeist the author cites soviet movies of the Thaw and of the Era of Stagnation. Also, this study uncovers the problem of the insolvency of modern Russian cinema in comparison with the Soviet movie industry in relation to its place in the mass consciousness of Russian people and its cultural significance.

The author also writes about how the shortcomings of the state management of the modern Russian industry impede the creation of more films that can affect formation of national identity.

Keywords: Hollywood, ideology, cultural policy, national identity, Russian film industry, Soviet cinema.

For citation: Tumanov A.I. (2021) *Role of national cinema in the formation of national identity. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 3. P. 35–49. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.4*

References

1. Higson E. (2012) National identity and mass media. In: *The Media: An Introduction*. Ed. by A. Briggs, P. Cobley; transl. by Yu.V. Nikulichev. M.: Yuniti-Dana Publ. 550 p. ISBN 5-238-00960-7 (in Russ.).
2. Hantington S. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. Transl. by A. Bashkirov. M.: AST. 552 p. ISBN 5-17-024800-8 (in Russ.).
3. Goryachev Yu. I. (1988) *Istoricheskij opyt stroitel'stva revolyucionnoj kinematografii (1917–1936). [Historical experience of the construction of a revolutionary cinema (1917–1936).]* M.: VGIK Publ. 45 p. (In Russ.).
4. Zhabskiy M. I. (2009) *Sotsiokul'turnaia drama kinematografa. Analiticheskaia letopis' (1969–2005 gg.) [Sociocultural drama of cinematography. An analytical chronicle (1969–2005)]*. M.: Kanon+ Publ., ROOI “Reabilitatsiia”. 775 p. (In Russ.).
5. Zhabskiy M. I., Tarasov K. A. (2019) Russian sociology of cinema in the context of society development. *Sociological Studies*. No 11. P. 73–81. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S013216250007449-6> (in Russ.).
6. Aleksandrov G. V. (1976) *Epoha i kino. [Epoch and cinema.]* Ed. by N. S. Gudkova. M.: Politizdat. 288 p. (In Russ.).
7. Zorkaya N. M. (2014) *Istoriya otechestvennogo kino. XX vek. [History of Russian cinema. XX century.]* M.: Belyj gorod Publ. 512 p. ISBN 978-5-7793-2429-8 (in Russ.).
8. Trofimenkov M. S. (2018) *Krasnyj nuar Gollivuda. Chast' I. Gollivudskij obkom. [The Red Noir of Hollywood. Part I. Hollywood obkom.]* SPb.: Masterskaya “Seans”. 748 p. ISBN 978-5-9500453-7-0 (in Russ.).

9. Sklar R. (1994) *Movie-Made America: A Cultural History of American Movies*. New York : Vintage. 432 p. ISBN 0-679-75549-7 (in Eng.).
10. Biskind P. (2007) *Easy Riders, Raging Bulls*. Transl. by S. Arbutov. M. : AST. 640 p. ISBN 978-985-16-2169-5 (in Russ.).
11. Hoberman J. (2012) *An Army of Phantoms: American Movies and the Making of the Cold War*. New York : The New Press. 408 p. ISBN 978-1595588333 (in Eng.).
12. Wasson S. (2020) *The Big Goodbye: Chinatown and the Last Years of Hollywood*. New York : Flatiron Books. 416 p. ISBN 978-1250301826 (in Eng.).
13. Hoberman J. (2019) *Make My Day: Movie Culture in the Age of Reagan*. New York : The New Press. 400 p. ISBN 978-1595580061 (in Eng.).
14. Perlstein R. (2020). *Reaganland: America's Right Turn 1976-1980*. New York : Simon & Schuster. 1120 p. ISBN 978-1476793054 (in Eng.).
15. Margolit E. Ya. (2012) *Zhivye i mertvye. Zametki k istorii sovetskogo kino 1920–1960-h godov [Alive and the dead. Notes on the history of Soviet cinema of the 1920s and 1960s.]* SPb : Masterskaya "Seans". 560 p. ISBN 978-5-905669-08-8 (in Russ.).
16. *Kul'turnaya zhizn' v SSSR, 1951–1965: Hronika. [Cultural life in the USSR, 1951–1965: The Chronicle.]* Comp. by S.N. Bazanov. M. : Nauka Publ., 1977. 679 p. (In Russ.).
17. Shcherbenok A. (2013) A civilisation crisis in late stagnation cinema. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No 5 (123). P. 64-70 (in Russ.).
18. Lubashova N. I. (2011) From the history of film sociology. *Sociological Studies*. 2011. No 4. P. 146–149 (in Russ.).
19. Kosinova M. I. (2014) The history of relations between Russian cinema and its audience. *Knowledge. Understanding. Skill*. No 4. P. 147-155 (in Russ.).
20. Kosinova M. I. (2015) Cinema repertoire and audience preferences during the thaw in Russia. *Knowledge. Understanding. Skill*. No 4. S. 293–306. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.4.28> (in Russ.).
21. Hryukin D. A. (2017) "Genre" as the key problem of the soviet cinema of the 1968-1985s. State, filmmakers, audience. *Historical and Social-Educational Idea*. Vol. 9. No 2. P. 74–83. DOI: <http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-74-83> (in Russ.).
22. Margolit E. Ya. (2019) *Vozhidanii otveta. Otechestvennoe kino. Fil'my i ih lyudi. [Waiting for an answer. Russian cinema. Films and their people.]* M. : Rosebud Publ. 464 p. ISBN 978-5-905712-42-5 (in Russ.).
23. Sheremet A. N. (2009) Sociology of Cinema for All. *Higher Education in Russia*. No 4, P. 150–154 (in Russ.).
24. Vorob'eva K. S. (2010) The sociology of cinema in the USSR: the problem of attendance. *The Science of Person: Humanitarian Researches*. No 6. P. 71–79 (in Russ.).

The article was submitted on July 28, 2021.

Accepted on August 21, 2021.

Information about the author:

Arseniy I. Tumanov, PhD applicant, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Editor, FSUE The All-Russia State Television and Radio Broadcasting Company.
Moscow, Russia.

e-mail: tumanovarsenii@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8966-7623

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.5
УДК 316.75

Е. М. Мчедлова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье интерпретируется современное понятие идеологии, базирующееся на различных модернистских идеях. Показывается, что современные идеи имеют как политическую (зачастую воинственную), так и духовно-нравственную, гуманистическую направленность. Показываются также особенности консерватизма и неоконсерватизма.

В массовом сознании россиян стало утверждаться мнение, что Россия не может следовать западному пути развития, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов. В настоящее время в России превалирует «азиатский вектор», предполагающий «консервативные» идеи и ценности – порядок, семья, стабильность, усиление роли государства во всех сферах жизни и т.п. Представители же неоконсерватизма выдвигают идею освобождения экономической сферы от государственного регулирования. Сегодняшний идеологический дискурс касается актуальных вопросов социокультурного развития страны, форм и методов социальных трансформаций и пр. Современные философы, социологи, политологи говорят о наступлении эпохи «модерна» и «постмодерна», но, вместе с тем, зачастую опираются на классические идеологические подходы.

Подробно рассматривается религиозная идеология. Традиционные конфессии, обладающие большим социальным и культурным авторитетом, в своих новых социальных доктринах сформулировали целостные концептуальные подходы, на основании которых религиозные организации могут транслировать свои идеи, осуществлять диалог по социально значимым вопросам, всячески используя конструктивную часть духовного наследия религий. Если ранее трансформация общества и его идеология приводили к уменьшению роли религии, то во время социально-политического кризиса они, наоборот, ведут к ее росту, а религиозные институты все активнее участвуют в общественной и политической жизни стран.

Ключевые слова: гражданское общество, социальное взаимодействие, гуманизм, идеология, идеи, идеалы.

Для цитирования: Мчедлова Е.М. Идеи и идеологии XXI века // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 50–55. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.5

Построение гражданского общества предполагает политический плюрализм. Плюрализм мнений играет важную роль в качестве духовной основы, диверсифицирующей воззрения людей. Согласно одной из концепций, идеология – это концентрированное выражение идей больших общественных групп о целях и ценностях их жизнедеятельности. Наличие идейных различий во многом способствует экономической, политической, социальной и духовная дифференциация. В силу этого не может существовать гражданского общества с единой общей идеологией. Однако, представляется, что у государства как политического института она вполне может быть: как отражение общих идей и интересов своих граждан [1, с. 307–311; 2].

В настоящее время, на злобу дня, идеология базируется на различных модернизационных концепциях, которые направлены на осуществление неких социально-политических (возможно, иных) идеалов. Отсюда – желание выстроить новую социальную реальность в соответствии с такими идеалами. Они отражают необходимые потребности общества, например, в упорядочении своего состояния, реализации целей, определении «вектора развития» и т.д. Сегодняшний идеологический дискурс касается актуальных вопросов социокультурного развития страны, форм и методов социальных трансформаций и т.д. Современные

философы, социологи, политологи говорят о наступлении эпохи «модерна» и «постмодерна», но, вместе с тем, свою аргументацию зачастую строят на классических идеологических подходах [3-10].

В качестве своеобразного примера государства, где наиболее сильно проявляется влияние идеологии, можно привести такую страну, как Китай. КНР желает построить новое высокотехнологичное общество глобального цифрового управления, но функционирующего на базе традиционных религиозных (конфуцианских) ценностей. Подобные идеи высказывались на Пленуме ЦК КПК 19-го созыва в октябре 2019 г. Как отмечает ведущий аналитик международного центра киберполитики Австралийского института стратегической политики Саманта Хофман, для Евразии Китай предлагает концепцию благоденствия, обеспечиваемого, в частности, эффективной коллективной системой защиты суверенитета¹. Подобная идея, особенно в применении к России, может способствовать поддержанию информационного и государственного суверенитета, правопорядка и т.д. Следует отметить, что аналогичный мониторинг и корректирующее управление массовым поведением распространяется по всему миру (напр., в США, Великобритании, Южной Азии и Латинской Америке) [11, с. 153–162].

Существующие идеи трансформаций мирового порядка можно, некоторым образом, обобщить и классифицировать. Часть идей имеет политический подтекст (экстремизм, терроризм, включая деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию), часть – духовно-нравственный, гуманистический (ценностное единство, социальная стабильность, межнациональное согласие, толерантность, а также противодействие информационной и культурной экспансии, разрушающей традиционные ценностные системы). Так, по мнению почетного профессора Университета г. Лиона II Мохаммед-Шерифа Фепджани, «...в мире возникают различные виды экстремизма: этнический, племенной, националистический, религиозный, которые являются следствием разочарования: мы не доверяем модернизации, мы не доверяем демократии, мы не доверяем правам человека. Поэтому люди хотят вернуться в старый мир, к старым традициям и старому мировоззрению» [12].

Ключевым становится желание преодолеть социальную несправедливость и неравенство, обеспечить развитие человека со всеми его потребностями, что вызывает на передний план понятие об общем благе и гуманистическом измерении бытия, куда входят все те же традиции милосердия. Согласно данным Института социологии ФНИСЦ РАН, к первым по значимости общественное мнение относит позиции, связанные с защитой жизни и здоровья, очень важными их считают от 88 до 90% россиян. Это – социальная защищенность, защищенность от безработицы и бедности, войн и терактов, экологических катастроф, межнациональных конфликтов. Далее – позиции, гарантирующие личностное развитие каждого человека, защищенность прав в сфере информации (что важно для будущего цифрового общества), суверенитет России в сфере науки и высоких технологий. Менее актуальна лишь безопасность институтов государственной власти. Защищенность же права на свободу вероисповедания в достаточно высокой степени оценивают практически две трети россиян. Все остальные сферы жизни, связанные с безопасностью, здоровьем, социальным и материальным статусом, работой и образованием, а также возможностью выражать свои политические взгляды выглядят несколько хуже.

¹ *Hoffman S.* Engineering global consent: The Chinese Communist Party's data-driven power expansion. Report №21/2019. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep23095> (дата обращения 28.06.2021).

Сегодня в массовом сознании россиян постепенно стало утверждаться мнение о том, что западный путь развития, при всей своей привлекательности, России не подходит. Скорее всего, дело в выборе пути и вектора своего развития (азиатского или европейского). На сегодняшний день в России превалирует «азиатский вектор», предполагающий «консервативные» идеи и ценности – такие, как порядок, семья, стабильность, усиление роли государства во всех сферах жизни и т.п.

Другое идейное течение – неоконсерватизм – выдвигает идею освобождения экономической сферы от государственного регулирования, в отличие от консерватизма, полагающего, что общественная свобода не только утопична, но и в ряде случаев вредна. Подобного взгляда придерживаются, в частности, ряд представителей РПЦ и близкие к ним публицисты.

Когда данные идеи трансформируются в целостные идеологии, они начинают требовать определяющего выбора. В итоге, общество идейно распадается на «консервативное» большинство и «либеральное» меньшинство, имеющее прозападную направленность. Из продолжающегося идейного спора взяли свое начало, в том числе, рассуждения о «российской нации» – в этнокультурном и социально-политическом аспектах. Преломляясь в массовом сознании, идущие процессы отражают как долговременные глубинные установки и ценностные ориентиры социума, так и сами реалии, символизирующие изменения «нового мира», («идеологические покрывала» и подмену общих интересов частными).

К современным идеологическим схемам относятся и разнообразные религиозные идеологии. Объективная картина показывает, что для ряда религиозных идеологий характерен алармизм и чисто гипотетический «мир веры». Такова, в частности, идеология политического ислама. Российскому (как и мировому) исламу свойственны идеи, например, альтернативы западной модели, фундаментализма, радикализма, экстремизма, образования сетевых структур, детерриториализации и т.д. Однако, во многом из-за миграционных потоков, возникает опасность образования на территории Европы мусульманского Халифата. Это может привести к тому, что выходцы из мусульманских стран не захотят и не будут работать на каком бы то ни было производстве. Культурный слой начнет исчезать: зачем халифату европейская культура, музеи, памятники старины, когда их лучше просто уничтожить (как в Сирии, например)? Подобная угроза ведет к вероятности погружения отдельных стран в «современное средневековье», с господством разнообразных конфликтов. В случае, когда имеющиеся ресурсы закончатся, Европейский мусульманский халифат будет вынужден устремиться на Восток, подойти к границам России. И что тогда? На сегодняшний день дать однозначный ответ невозможно.

Понимание религии как идеологического фактора присуще, в частности, националистам. Для своей мотивации социального служения и применения политкорректности по отношению к нуждающимся и разного рода меньшинствам они обращаются к традиционным христианским ценностям, имеющим в своей основе гуманистический фактор – идея приоритета достоинства человека и возможности собственного выбора по отношению к тотальному сплочению общества вокруг существующей идеи. В данном случае, религия играет двоякую роль, являясь и конфликтогеном, и миротворцем.

По мнению некоторых исследователей, на протяжении исторического развития европейских стран модернизация привела к кризису традиционного религиозного мировоззрения, выражающемуся в достаточно широком распространении светской культуры, нарушающей «прежнюю цивилизационную идентичность». Если ранее трансформация общества и его идеология приводили к уменьшению

роли религии, то в эпоху социально-политического кризиса они, наоборот, ведут к ее росту, а религиозные институты все активнее участвуют в общественной и политической жизни стран (при этом, религия понимается уже не в качестве универсальной определяющей системы жизни человека, как это было в средневековье, до Нового времени) [6, с. 40-43; 13-15].

Политики и идеологи современных западных стран предполагают, что их политические идеи имеют рациональную основу. Ответственные граждане участвуют в избирательных кампаниях, исходя из принципов рациональности, не особо беря в расчет идею относительности и непознаваемости законов бытия, правил честного человеческого поведения, учитывая его связь с природой. Его права и обязанности также отделяются от естественной морали [6, с. 167-168].

Российские же традиционные конфессии, обладающие большим социальным и культурным авторитетом, в своих новых социальных доктринах сформулировали целостные концептуальные подходы, на основании которых религиозные организации могут транслировать идеи, осуществлять диалог по социально значимым вопросам, включая, в частности, совместные усилия по обеспечению национальной безопасности. В доктринах обосновываются цели и принципы деятельности, формы и методы сотрудничества с государством и социумом, всячески используя конструктивную часть духовного наследия религий. Религиозные новации отличаются идеей взаимодействия культуры, норм морали и права. Речь идет и о специфической религиозной символизации пространства, которая способствует также формированию культурно-политического окружения. Таким образом, на современную авансцену выступил геополитический контекст, демонстрирующий ситуацию на международной арене.

Особенности современных общественных, в том числе религиозных, институтов ярче всего проявляются во время социально-политического кризиса как определенного рода перелома в переходном состоянии общества и государства. Трансформации в экономической, религиозной сферах, кризис политических идеологий сопровождаются также переоценкой ценностей, переосмыслением социальных ролей и изменением внутрисоциальных взаимоотношений. Кризис полностью или частично находит отклик в религиозной идеологии и социально-политической деятельности церквей: социальное богословие, моральное богословие отражают интересы церквей и саму социально-политическую реальность. Показательно, что, объясняя происходящие в последние годы в европейских странах серьезные волнения (особенно в мигрантской среде), участники национальных движений используют религиозную аргументацию в защиту прав человека, верующих общностей. По нашему мнению, все это свидетельствует о том, что в сегодняшней действительности господствует тенденция приобщения религиозных конфессий и течений к современным формам социального и политического участия.

Библиографический список

1. *Грехнев, В. С.* От идей гражданского общества к их воплощению в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 307–311.
2. *Васильев, В. А.* Гражданское общество в России: история и современность. М. : ФГБОУ ВО МГПУ, 2018. 194 с.
3. *Инглхарт, Р., Вельцель, К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. М. Коробочкина. М. : Новое издательство, 2011. 464 с. ISBN 978-5-98379-144-2.
4. *Комлева, В. В.* Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108). С. 130–141.

5. *Лункин, Р. Н.* Миссии милосердия: социальное служение церквей // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 154–158.
6. *Лункин, Р. Н.* Церкви в политике и политика в церквях. М. : ИЕ РАН, Спб : Нестор-История, 2020. 504 с.
7. *Матюхин, А. В.* Идеология и развитие России в XXI веке // Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке. Ч. II. М. : Спутник+, 2009. С. 101–115.
8. *Мчедлова, М. М.* Социально-политические трансформации в России: концептуальные подходы к модернизации и ракурсы религиозного фактора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 50–58.
9. *Никонов, В. А.* Цивилизационная карта современного мира // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 3–40.
10. *Степашина, Т. Н., Лункин, Р. Н.* Русское православие: первые шаги волонтерского служения // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 229–237. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran2201834>.
11. *Ларина, Е, Овчинский, В.* Данные предпочтительнее слов // Наш современник. 2019. № 12. С. 153–162.
12. «Сломалась система»: почему наступает экстремизм. Интервью с Мохаммед-Шериф Ферджани // Газета.ru: [сайт]. 03.10.2019. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/10/03_a_12699847.shtml (дата обращения 27.06.2021).
13. *Fimister, A.* Robert Schuman: Neo-Scholastic Humanism and the Reunification of Europe. Brussels : P.I.E-Peter Lang S.A., 2008. 284 p.
14. *Güner, S.* Secularization, Evolution, and Politics // Politics, Religion & Ideology. 2016. Vol. 17. No 2–3. P. 191-209. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2016.1222939>.
15. *Kratochvil, P., Dolezal, T.* The European Union and the Catholic Church: Political Theology of European Integration. London : Palgrave MacMillan, 2015. 217 p. ISBN: 978-1-137-45377-8. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137453785>.

Дата поступления в редакцию: 28.07.2021.

Принята к печати: 21.08.2021.

Сведения об авторе:

Мчедлова Елена Мирановна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Москва, Россия.

e-mail: HMtchedlova@mail.ru

Author ID РИНЦ: 391115

E. M. Mchedlova¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

IDEAS AND IDEOLOGIES OF THE XXI CENTURY

Abstract. The article interprets the modern concept of ideology based on various modernization ideas. It is shown that modern ideas have both a political (often militant), and a spiritual and moral, humanistic orientation. The features of conservatism and neoconservatism are also shown.

The opinion that Russia cannot follow the Western path of development has begun to assert itself in the mass consciousness of Russians, as evidenced by the results of sociological surveys. Currently, the “Asian vector” prevails in Russia, suggesting “conservative” ideas and values - order, family, stability, strengthening the role of the state in all spheres of life, etc. Representatives of neoconservatism put forward the idea of freeing the economic sphere from state regulation. Today’s ideological discourse concerns topical issues of the socio-cultural development of the country, forms and methods of social transformations, etc. Modern philosophers, sociologists, political scientists talk about the advent of the era of “modern” and “postmodern”, but, at the same time, they often rely on classical ideological approaches.

Religious ideology is considered in detail. Traditional confessions with great social and cultural authority have formulated holistic conceptual approaches in their new social doctrines, on the basis of which religious organizations can broadcast their ideas, carry out a dialogue on socially significant issues, making every possible use of the constructive part of the spiritual heritage of religions. In today's reality, there is a tendency to involve religious denominations and movements in modern forms of social and political participation.

Keywords: civil society, social interaction, humanism, ideology, ideas, ideals.

For citation: Mchedlova E.M. (2021) *Ideas and ideologies of the XXI century. Science. Culture. Society.* Vol. 27. № 3. P. 50–55. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.5

References

1. Grekhnev V. S. (2018) From ideas of civil society to their embodiment in modern Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No 5. P. 307-311 (in Russ.).
2. Vasil'ev B. A. (2018) *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: istoriya i sovremennost'*. [Civil Society in Russia: History and Modernity.] M. : FGBOU VO MGPU. 194 p. (In Russ.).
3. Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence* / transl. by M. Korobochkin. M. : Novoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).
4. Komleva V. V. (2017) Religious institutions in international humanitarian cooperation. *Ehtnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. No 6 (108). P. 130-141 (in Russ.).
5. Lunkin R. N. (2016) Missions of Mercy: The Social Ministry of Churches. *Contemporary Europe*. No 4 (70). P. 154-158 (in Russ.).
6. Lunkin R. N. (2020) *The churches in politics and the politics in the churches*. M. : IE RAS, St. Petersburg : Nestor-History. 504 p. (In Russ.).
7. Matyukhin A. V. (2009) Russia's ideology and development in the XXI century. *Sotsial'no-gumanitarnye nauki i mir v XXI veke [The social sciences and humanities and peace in the XXI century.]* Vol. II. Moscow : Sputnik+. P. 101–115 (in Russ.).
8. Mchedlova M. M. (2014) Socio-political transformation in Russia: conceptual approaches to modernization and the perspectives of the religious factor. *RUDN Journal of Political Science*. No 4. P. 50–58 (in Russ.).
9. Nikonov V. A. (2012) Civilisation map of the modern world. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. No 3. P. 3-40 (in Russ.).
10. Stepashina T. N., Lunkin R. N. (2018) Russian orthodoxy facing the social challenges: volunteering and the Christian rehabilitation of the risk groups. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. No 2. P. 229–237 (in Russ.).
11. Larina E, Ovchinsky V. (2019) Data is preferable to words. *Nash sovremennik*. No 12. P. 153-162 (in Russ.).
12. «Slomalas' sistema»: pochemu nastupaet ehkstreizm. Interv'yu s Mokhammad-Sherif Ferdzhani. *Gazeta.ru*. 03.10.2019. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/10/03_a_12699847.shtml (last request 27.06.2021) (in Russ.).
13. Fimister A. (2008) *Robert Schuman: Neo-Scholastic Humanism and the Reunification of Europe*. Brussels : P.I.E-Peter Lang S.A. 284 p. (In Eng.).
14. Güner S. (2016) Secularization, Evolution, and Politics. *Politics, Religion & Ideology*. Vol. 17. No 2–3. P. 191-209. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2016.1222939> (in Eng.).
15. Kratochvil P., Dolezal T. (2015) *The European Union and the Catholic Church: Political Theology of European Integration*. London : Palgrave MacMillan. 217 p. ISBN: 978-1-137-45377-8. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137453785> (in Eng.).

The article was submitted on July 28, 2021.

Accepted on August 21, 2021.

Information about the author:

Elena M. Mchedlova, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
e-mail: HMtchedlova@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.6
УДК 316.346.2; 316.774

А. Ю. Сизоненко¹

¹ Кубанский государственный университет.
Краснодар, Россия.

ИМИДЖ ДЕПУТАТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ В ПОПУЛЯРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РАВНОПРАВИЕ В ЭРУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены популярные социальные сети с позиций гендерной специфики авторов и возрастного профиля пользователей с целью дальнейшего качественного рассмотрения аккаунтов депутатов; проводится анализ аккаунтов депутатов региональных парламентов с визуальной и лингводискурсивной точек зрения в эру глобального тренда на цифровизацию. В ходе исследования выявляются основные и гендерные особенности эффективного наполнения аккаунтов социальных сетей ВКонтакте, Instagram, Twitter, Facebook, YouTube, TikTok и Telegram. Эмпирической базой исследования сетевого имиджа стал текстовый и визуальный контент аккаунтов, а также ветки комментариев и дискуссии пользователей в аккаунтах ряда региональных депутатов за период сентябрь 2020 г. - февраль 2021 г. Анализ сосредоточен на гендерной специфике контента исследуемых аккаунтов и реакции подписчиков обоих полов на различные общественно-популярные темы в постах депутатов. По каждой из выбранных социальных сетей анализируется формируемый сетевой имидж депутатов. Также в статье анализируется гендерная специфика в законодательных органах власти среди депутатов региональных парламентов, фиксируются тенденции увеличения числа женщин в структурах власти на региональном уровне. На основе проведенного исследования сделан вывод о неравном соотношении представительства женщин и мужчин в законодательных органах власти, в отличие от зарубежных структур власти. Отмечается гендерная специфика в наполняемости аккаунтов: создание образа «сильной женщины-депутата»; приверженность личным «семейным ценностям» в постах мужчин-депутатов. В конце статьи приводится основной вывод о низком уровне эффективности коммуникаций депутатов в Интернет-пространстве на наиболее популярных социальных площадках; предлагаются рекомендации по изменению показателей активности депутатов в социальных сетях на уровне власти и каждого отдельно взятого депутата.

Ключевые слова: имидж, сетевой имидж, региональные парламентарии, эра цифровизации, сетевое равноправие, социальные сети депутатов.

Для цитирования: Сизоненко А.Ю. Имидж депутатов региональных парламентов в популярных социальных сетях: равноправие в эру цифровизации // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 56–68. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.6

Актуальность темы данного научного исследования заключается в том, что в настоящее время сеть Интернет и площадки с различными социальными сетями захватили население всего мира. В конце декабря 2020 года число пользователей Интернета составило 58,7% от общего населения мира. Статистика российского

сообщества показывает следующие результаты: по открытым данным на 2020 год 79,5% населения России использует Интернет¹. Приведенная статистика говорит о том, что в мире происходит глобальная цифровизация всех сфер жизни человека, и оставаться в стороне от этой тенденции уже невозможно. Несмотря на это, по данным ИТУ (International Telecommunication Union) существует гендерный разрыв в доступе к Интернету и к социальным сетям, в частности. Более 50% населения женщин Индии не знают о существовании Интернет-коммуникаций, а среди женской аудитории Южной Азии пользователи женщины встречаются в 3 раза реже, чем мужчины². Данный факт безусловно связан с традиционно меньшим доступом женщин к технологиям различного уровня, что является следствием неравенства полов во всех сферах жизни.

В рамках данного исследования наибольший интерес представляет собой политическая сфера жизни, которая сильно трансформировалась в эпоху тренда на цифровизацию. Основной исследовательский вопрос заключается в том, существует ли гендерная специфика в наполнении аккаунтов различных социальных сетей региональных парламентариев, и в чем она проявляется. Чтобы разобраться в данном вопросе необходимо сперва проанализировать специфику каждой отдельно взятой социальной сети, а затем рассмотреть её в контексте сетевого имиджа депутатов.

Отметим, что социальные сети сейчас представляют собой целую систему коммуникаций. Они позволяют не только общаться с людьми в привычном формате виртуального взаимодействия, но также завоевывать популярность среди единомышленников, осуществлять покупки, бронировать билеты и отели, устраиваться на работу. Мы пришли к тому, что, когда нам кто-то говорит о случайном человеке, мы можем узнать о нем многое, просто найдя его профили в социальных сетях. В 2020 году период пандемии COVID-19 внес свои коррективы в привычный образ жизни человека, усилив роль глобальной сети. Большинство видов деятельности перешло в электронный формат, школьники и студенты начали учиться дистанционно, а большинство сотрудников работают удаленно. Социальные сети, в свою очередь, позволили сохранять привычное общение: отправлять смс, созваниваться, проводить рабочие встречи в видео конференциях, следить за жизнью популярных людей и узнавать новости политического мира.

Социальная сеть в настоящий момент представляет собой площадку, на которой каждый отдельный субъект, человек или компания выстраивает свой публичный образ и транслирует его в массы. Для того чтобы детальнее понять важность социальных сетей в настоящее время, нужно разобраться в целом с сетевым сообществом. Роль сетевых коммуникаций и сетевых структур в различных сферах жизни, включая политическую, глубоко изучается в работах таких авторов, как Д. Бэлл, М. Кастельс и Э. Тоффлер [1–4]. Авторы отмечают, что информация является важнейшим ресурсом, а информационная среда стала пронизывать все социально-политическое пространство. Важность сетевых коммуникаций рассматривается и у российских авторов, среди которых А.В. Назарчук и Л.М. Землянова [5–7].

В нынешнее время интерес к сетевым коммуникациям настолько высок, что пронизывает все сферы жизни человека. Социальные сети рассматриваются

¹ Top 20 Countries with the Highest Number of Internet Users // Internet World Stats. URL: <https://u.to/m7GgGw> (дата обращения 01.02.2021).

² Measuring digital development: Facts & figures 2019 // ITU. URL: <https://u.to/KbKqGw> (дата обращения 01.02.2021).

в рамках науки и образования, бизнеса, и конечно же, политики и политического управления [8–11].

Наблюдая повышенный интерес к сетевым взаимодействиям и трендам на цифровые технологии, мы видим, как важно анализировать социальные сети в контексте нынешнего времени. Форматы успешного сетевого взаимодействия постоянно претерпевают ряд кардинальных изменений. Для того чтобы качественно использовать современные технологии и продвигаться с помощью социальных сетей, важно анализировать их особенности. Каждая социальная сеть имеет свои специфические характеристики, особенно важно это учитывать субъектам политики, которые используют виртуальные средства коммуникации в целях политической агитации или трансляции своего политического имиджа. Например, А. Черон говорит о том, что такие социальные сети как Twitter и Facebook не показывают читателям реальную политическую позицию или идеологические предпочтения политика, они скорее отражают импульсивность и спонтанность политических утверждений отдельно взятого политика. При этом автор отмечает, что социальные сети играют важную роль в рамках выстраивания грамотных политических коммуникаций, так как они являются открытым ресурсом для мониторинга общественного мнения. Социальные сети позволяют отслеживать настроения общества и вовремя реагировать на недовольства [12].

Маршалл Маклюэн в книге «Понимание медиа» разделял средства коммуникации на горячие и холодные. Он писал, что горячие характеризуются небольшой степенью участия аудитории, а холодные – наоборот [13]. Исходя из этого, можно заметить, что Instagram и ВКонтакте являются холодными средствами коммуникации, так как владелец профиля выстраивает тот образ, который будет видеть его аудитория. Множество фотографий и посты на различные темы способны продемонстрировать имидж человека в том формате, который вовлеченная аудитория сможет самостоятельно достроить до идеала. Facebook же показывает тенденцию того, что социальная сеть больше направлена на общение. В российском сообществе – чаще на деловое общение. Различие между этими социальными сетями можно проследить и в их интерфейсе [14]. ВКонтакте и Instagram направлены на просмотр постоянных обновлений пользователей, а Facebook сосредотачивает все новости в одной информационной ленте. Большинство политиков прибегают к использованию именно этой социальной сети для неформального общения.

На наш взгляд популярность тех или иных социальных медиа среди политиков связана с тем, что на каждой социальной платформе есть определенная дифференциация аудитории. Согласно аналитике наиболее популярных социальных сетей в России, по данным на осень 2020 года³ наиболее востребованной площадкой для коммуникаций является ВКонтакте, далее идут Instagram, Facebook, Twitter, TikTok и YouTube.

Чтобы разобраться в специфике наполненности аккаунтов отдельных депутатов региональных парламентов, проведём общий анализ особенностей авторов и подписчиков различных социальных платформ. Начнем с Instagram: для этой социальной сети характерно большое количество женской аудитории, говоря более конкретно – это 77% женщин и 23% мужчин. Это свидетельствует о том, что женщины-политики могут создавать политический имидж в рамках

³ Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2020 // Brand Analytics. 30.11.2020. URL: <https://u.to/i7KgGw> (дата обращения 02.02.2021).

данной соцсети, имея при этом большой успех. Точные данные по возрасту авторов постов отследить практически невозможно, поэтому анализ был проведен лишь по гендерному признаку.

ВКонтакте в свою очередь может похвастаться самым большим количеством публикуемого контента. Процент авторов гендерно делится почти поровну: 45% мужчин и 55% женщин.

Отдельное внимание стоит уделить видео-хостингу YouTube. Телевидение давно ушло на второй план, особенно среди молодой аудитории. Использовать каналы в Интернете гораздо удобнее, поэтому политикам следует рассматривать данную площадку для своего продвижения. YouTube позволяет тесно общаться с аудиторией, в более расширенном формате, нежели через посты и фотографии в социальных сетях, рассмотренных выше. Доля мужчин на YouTube – 58%. В целом сейчас наблюдается тенденция того, что на YouTube приходят за качественной информацией о политике и экономике. Интервью и документальные фильмы изменили концепцию площадки, что может быть полезным в рамках продвижения политиков через данный видео хостинг.

Другой социальной сетью, активно использующей видеоматериалы, стал TikTok, набирающий популярность с 2019 года. Платформа концентрирует короткие видеоролики, которые в формате развлекательного контента способны повысить популярность политика. Несмотря на то, что правилами этой социальной сети запрещена прямая политическая агитация, многие политики используют TikTok, чтобы снимать социальные или наоборот шуточные ролики, выходить в тренды рекомендаций и повышать свою популярность. Использование коммуникаций TikTok в качестве рекламы пришло из сферы бизнеса, социальная сеть позволяет контактировать с большой аудиторией. Значение Likerate (количество лайков к просмотрам) на данной платформе – 8,5%, в то время как у Instagram всего 2,5% [15]. Алгоритмы здесь максимально простые, лента рекомендаций пользователей формируется на основе интересов, что открывает политикам выход на разнообразную аудиторию, используя сопутствующий инструментарий: разнообразные challenges, хэштеги, записи видео под популярные музыкальные треки, реклама через «Яндекс» и пр. Приведенные способы продвижения, могут позволить увеличить активную аудиторию политика в несколько раз, к тому же увеличить его взаимодействие с поколением Z.

Говоря о Facebook и Twitter аналитики отмечают, что их аудитория за последние годы практически не увеличивается среди российского сообщества. Как показывает статистика, почти 60% женщин и 40% мужчин в возрасте от 25 до 45 лет наиболее активно используют Facebook. Платформа максимально лаконично выглядит, и часто используется для публикации важного контента, связанного с наукой, экономикой и политикой. В Twitter тоже преобладает мужская аудитория, её объем равен 60%.

Отдельное внимание уделим мессенджеру Telegram. Вопрос о его блокировке стоял с 2016 года, в 2017 году Telegram стал недоступен для жителей РФ. Несмотря на это популярность сети лишь растёт. Причина в том, что социальная площадка не имеет строгих правил, публикуемый контент не проверяется. Telegram позволяет россиянам получать информацию, запрещённую к публикации на других платформах. Это позволяет расширить информационный поток, но остро ставит проблему свободного доступа детей к неприемлемому для их возраста контенту. По мнению основателя платформы Павла Дурова, разблокировка мессенджера позволила бы 30 млн пользователей

более комфортно использовать сервис, а также положительно сказаться на инновационном развитии и национальной безопасности страны⁴.

Что касается реакции подписчиков на те или иные темы, то результаты исследования неоднозначны. Таргетологи отмечают, что женщины чаще кликают на посты об обучении и на сайты интернет-магазинов. В контексте политики их интересуют вопросы здравоохранения, науки и образования, девушки беспокоятся за будущее своих детей. Мужчины в целом довольно скупы на комментарии. Чаще их тревожат вопросы бизнеса, дорог и Интернет-знакомств.

Встаёт вопрос: насколько корректен анализ пользователей по половому признаку, ведь каждый может выбрать противоположное своему обозначению пола? Аккаунты в социальных сетях регистрируются в привязке к номеру сотового телефона, геолокации и данным банковских карт, – проверяемым сведениям; основная масса пользователей активно ведут свои аккаунты, наполняя их большим объемом фото- и видеоматериалов, приглашая в подписчики друзей и знакомых, что минимизирует сокрытие или смену «цифрового пола». Особо отметим, что 3–5% пользователей, которые приходится на хакеров и хейтеров, являются ничтожным количеством по отношению к основной массе пользователей, в силу чего мы считаем возможным пренебречь данной погрешностью.

По итогам анализа отметим, что каждая платформа имеет свои особенности, которые депутатам следует учитывать при формировании политического имиджа, транслируемого через социальные сети. Специфика присутствует как в рамках гендерной политики среди подписчиков и авторов, так и среди публикуемого контента. Instagram требует яркости и красивой картинки, Facebook серьезного контента, а TikTok развлекательных коротких видео. Как работают депутаты в рамках рассмотренных социальных сетей мы проанализируем далее на конкретных примерах.

Вопрос гендерного равенства стоит в нашем исследовании также остро, как и транслируемый сетевой имидж депутатов. Чтобы увидеть, насколько равны по количественному составу женщины и мужчины среди депутатов региональных парламентов, проанализируем общую картину по региональным выборам начиная с первого президентского срока В.В. Путина, а точнее с 7 мая 2000 г. Для анализа отобраны 6 региональных парламентов: Законодательное собрание Республики Карелия, Законодательное собрание Краснодарского края, Законодательное собрание Новосибирской области, Саратовская Областная Дума, Московская Городская Дума и Законодательное собрание Санкт-Петербурга.

Рассмотрев состав депутатов III, V и VI-VII созывов, мы пришли к следующим выводам. III созыв насчитывает лишь 10% женщин в составе депутатов региональных парламентов, при этом в Заксобрании Новосибирской области женщины в числе депутатов не были представлены. V созыв выбранных парламентов насчитывает 14% женщин. Крайние парламентские выборы показали следующую картину: 27% женщин и 73% мужчин. Налицо тенденция увеличения числа представительства женщин в законодательных структурах власти, но о гендерном равенстве речь не идет. Преобладание мужчин в системе власти может говорить о многом, но как правило, это является следствием социальной эмансипации женщин, идущей еще с советских времен.

Картина гендерного равенства неутешительна. Женщины во властных структурах испытывают большое давление, им нужно быть не просто хорошим

⁴ Павел Дуров: официальный Telegram канал // Telegram. URL: http://t.me/durov_russia (дата обращения 04.02.2021).

руководителем, часто они вынуждены на себя возлагать гораздо больше полномочий, чем мужчины в силу определенных социальных ожиданий. «Power women» – образ женщины, которую хотят видеть у власти. Ситуация с мужчинами иная.

Чтобы полностью погрузиться в вопросы сетевого имиджа, нужно детально рассмотреть аккаунты депутатов региональных парламентов, их визуальную составляющую, содержательную часть, а также форматы взаимодействия с аудиторией. Для анализа были отобраны 6 депутатов региональных парламентов: по трое женщин и мужчин. В качестве методов использованы: сетевой анализ, визуальный и контент анализ аккаунтов региональных парламентариев. Период исследования аккаунтов: с сентября 2020 года по февраль 2021 года. Этот промежуток времени позволит получить максимально свежие данные, актуальные в контексте нынешней ситуации в стране, а также наглядные с точки зрения эффективности применяемых технологий продвижения.

В числе депутатов, отобранных для анализа, выбраны политики, различающиеся не только гендером, но принадлежащие к разным субъектам РФ, возрастным категориям, занимаемому положению в законодательных органах, популярности в социальных сетях. Депутаты имеют разную партийную принадлежность, форматы взаимодействия с аудиторией, образ жизни, образование и путь, который привел их к власти. Важной составляющей исследования является то, что отобранные депутаты имеют совершенно разнообразные социальные сети, которые являются интересными со стороны личного блога, а не в формате деловой странички. Последние как правило, выглядят неживыми и отталкивают от подписки.

Слабунова Эмилия Эдгардовна⁵ – депутат 6 созыва Законодательного собрания Республики Карелия. Член Комитета по образованию, культуре, спорту и молодежной политике, член Комитета по здравоохранению и социальной политике, член фракции регионального отделения «Российской объединенной демократической партии «Яблоко» в Республике Карелия. По образованию – преподаватель истории и обществознания, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель России; есть муж и двое детей. В свои 62 года активна во многих соцсетях, её аккаунты интересны комментариями резонансным общественным темам. Выступает за всеобщий доступ к качественному образованию, делает упор на заботу о будущем молодёжи и детей. Наиболее активными соцсетями являются Вконтакте, Twitter и Facebook.

Шумейко Евгения Владимировна⁶ – депутат 6 созыва Законодательного собрания Краснодарского края; директор Фонда защиты прав граждан-участников долевого строительства в Краснодарском крае. Секретарь комитета Законодательного собрания Краснодарского края по вопросам строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Член фракции «Единая Россия». Считает, что необходимы решительные меры для того, чтобы жизнь на Кубани была счастливой. Депутату 38 лет, по специальности «Металлургия черных металлов» окончила Сибирский Государственный Индустриальный Университет; замужем, воспитывает двоих детей. Для связи с электоратом использует Instagram, Вконтакте, Twitter и Facebook.

⁵ Слабунова Эмилия Эдгардовна // Законодательное собрание Республики Карелия: [сайт]. URL: <https://u.to/O7OgGw> (дата обращения 06.02.2021).

⁶ Шумейко Евгения Владимировна. Личный сайт. URL: <https://u.to/sbOgGw> (дата обращения 06.02.2021).

Карасева Дарья Николаевна⁷ – депутат 7 созыва Законодательного собрания Новосибирской области, 24 года. Окончила РЭУ им. Плеханова по специальности менеджмент в инновационном и социальном предпринимательстве. Состоит в комитете по культуре, образованию, науке, спорту и молодёжной политике, а также в комиссии по наказаниям избирателей. Является членом партии «Новые люди». Дарья интересна для нашего исследования тем, что ищет новый подход к политике; считает людей главным потенциалом роста и развития страны; для нее важно, чтобы как можно больше граждан России имели активную гражданскую позицию. Наиболее активный аккаунт – Instagram.

Бондаренко Николай Николаевич⁸ – депутат 6 созыва Саратовской Областной Думы. Член комитета по экономической, инвестиционной политике, предпринимательству и развитию цифровых технологий, а также комитета по вопросам жилищной, строительной и коммунальной политики, комитета по социальной политике, заместитель руководителя фракции «КПРФ». В 2007 году окончил Саратовскую ГЮА по специальности «Юриспруденция»; 36 лет, женат, имеет сына. Амбициозен, не боится высказывать даже непопулярное мнение, у него множество читателей на различных платформах. Постоянно включен в Интернет-коммуникацию, активен во ВКонтакте и Instagram. Его канал на YouTube «Дневник Депутата» насчитывает более 1,2 млн подписчиков.

Щитов Кирилл Владимирович⁹ – депутат 5 и 6 созыва Московской городской Думы. Председатель комиссии по физической культуре, спорту и молодежной политике, зам. председателя комиссии по государственному строительству и местному самоуправлению. По образованию – политолог-международник со знанием иностранных языков; 36 лет, женат, трое дочерей. Финалист «Лидеров России». Находясь в должности, сгенерировал популярный среди молодежи проект «Гонка ГТО». Создает впечатление народного политика, образ в социальных сетях прост и понятен, что привлекает электорат. Подчеркивает важность для россиян семейных ценностей и ЗОЖ. Наиболее популярные блоги – в Instagram, ВКонтакте, на YouTube.

Вишневский Борис Владимирович¹⁰ – депутат 6 созыва Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Руководитель фракции «Яблоко». Зам. председателя комиссии по городскому хозяйству, градостроительству и имущественным вопросам, член комиссии по социальной политике и здравоохранению. По образованию специалист по теории управления, кандидат технических наук; 65 лет, женат, двое сыновей. Всю жизнь занимается наукой и изобретениями: автор более 6 тыс. статей, 7 книг, а также множества законодательных инициатив. Выступает за свободу слова и СМИ. Называет себя оппозиционером. Ведет активные аккаунты во ВКонтакте и Facebook. Во времена популярности LiveJournal вел политический блог. Также записывает множество подкастов на интересные темы.

Проанализировав биографические данные выбранных депутатов, отметим, что многие из них работают в тех комитетах, которые соответствуют их основному

⁷ Карасева Дарья Николаевна // Законодательное собрание Новосибирской области: [сайт]. URL: <https://u.to/dbSgGw> (дата обращения 06.02.2021)..

⁸ Бондаренко Николай Николаевич // Саратовская областная дума: [сайт]. URL: <https://u.to/grSgGw> (дата обращения 06.02.2021).

⁹ Щитов Кирилл Владимирович // Московская городская дума: [сайт]. URL <https://u.to/krSgGw> (дата обращения 06.02.2021).

¹⁰ Вишневский Борис Владимирович // Законодательное собрание Санкт-Петербурга: [сайт]. URL: <https://u.to/xrSgGw> (дата обращения 06.02.2021).

образованию, что, на наш взгляд, является большой ценностью и отличным примером для молодежи, которая находится в поиске себя.

Далее рассмотрим, являются ли аккаунты депутатов в соцсетях площадками, которые показывают сетевой имидж депутата столь же привлекательным, как на сайтах региональных парламентов. Начнем анализ с визуальной и содержательной составляющей страниц в Instagram. Наиболее успешен блог Николая Бондаренко (924 тыс. подписчиков), знаменитого провокационными постами на нашумевшие политические темы; он экспрессивен, громко говорит, может кричать – этой яркостью он и привлекает внимание общественности. Комментарии в блоге довольно однообразны, как правило подписчики соглашались с позицией автора или благодарят его за проделанную работу. С января 2021 г. подписчики часто пишут, что «Николаю пора в Президенты России». У страницы хорошая навигация, есть закрепленные актуальные истории, ссылки на другие социальные сети Николая.

Instagram-блоги Евгении Шумейко и Кириллы Щитова во многом схожи. Оба аккаунта имеют больше 10 тыс. подписчиков, много фотографий рабочих моментов, также важной частью являются фото с семьями. Кирилл делится тем, как воспитывает своих дочек, публикует снимки с активного отдыха по выходным. На такие фотографии чаще реагируют молодые подписчицы, им нравится образ семьянина, который транслирует депутат. У Евгении значительно больше рабочего контента она публикует фотографии с заседаний и конференций; часто выходит в прямые трансляции с подписчиками и отвечает на волнующие их вопросы. В её комментариях множество вопросов по долгостроям, Евгения старается на них быстро отвечать. Бывает категорична: комментируя ситуацию с несанкционированными митингами в конце февраля 2021 г., депутат заявила, что призыв выходить на улицу дестабилизирует общество и может нанести прямой вред несовершеннолетним, добавив, что российская оппозиция изжила себя. Такими заявлениями депутат вызвала большую волну критики в комментариях.

Отдельное внимание уделим аккаунту самого молодого из выбранных депутатов, Дарье Карасевой. Её страница современная и стильная: качественные фотографии, увлекательные посты, единая цветовая гамма. Дарья, как представитель молодого поколения, большое внимание уделяет своему аккаунту. Она делится не только своими фотографиями и мыслями по поводу политического процесса, но и рассказывает о жизни, о своем пути в политику, об уже реализованных и еще только запланированных проектах. В комментариях множество положительных откликов и комплиментов не только внешности депутата, но и её деятельности в Новосибирской области. Внимание стоит уделить образу самой Дарьи, на работе она всегда выглядит строго и стильно, на фотографиях с отдыха – расслабленно. Такой принцип ведения аккаунта очень сближает девушку с аудиторией.

Большой популярностью среди депутатов пользуется также ВКонтакте. Наиболее активны в ней Эмилия Слабунова и Борис Вишневецкий. Лента депутатов содержит мало личных фотографий, но при этом множество «живых» фото с мест, которые тревожат простых людей. Так, Эмилия выкладывала фото автозаков около городского университета во время митингов. Отличительной чертой её социальной сети является краткость и лаконичность, а транслируемая мысль ясна даже не разбирающемуся в политике человеку. В комментариях порой разрастаются целые дебаты. В свою очередь Борис несколько раз в день публикует комментарии по ситуации в стране и городе; не боится высказывать

критику в адрес действующих властей; довольно эмоционален; периодически использует сленг, что создает впечатление близости своей аудитории. Постоянно отчитывается перед подписчиками о проделанной работе, в его комментариях есть множество слов благодарности. Часто цитирует великих писателей и историков, отмечая, что Россия движется в неверном направлении. На наш взгляд такой способ общения с электоратом формирует имидж простого человека, но человека с мнением, умного и начитанного. Завершая анализ аккаунтов данной соцсети, отметим, что она требует простоты ведения; визуальной составляющей здесь обычно не уделяют внимания. Именно поэтому депутаты должны четко понимать какой содержательный контент они транслируют, ведь именно он характеризует их сетевой имидж.

Социальная сеть Twitter не пользуется большой популярностью среди российских политиков, чего нельзя сказать об их зарубежных коллегах. Как правило, региональные депутаты начинают вести свои странички, но с течением времени забрасывают их, причины этого явления выяснить не удалось. Так, Евгения Шумейко прекратила вести Twitter в декабре 2019 г., до этого в своих твитах она кратко характеризовала свои посты в Instagram и давала на них ссылку. Аналогично – Николай Бондаренко. Кирилл Щитов ведет страницу в Twitter довольно активно, наполняя её краткими выжимками своих постов из других социальных сетей. На наш взгляд, региональным парламентариям следует больше внимания уделить тому, чтобы разобраться какой формат твитов будет более эффективен для их продвижения. Эмилия Слабунова и Борис Вишневецкий более опытни в ведении Twitter, избрав стратегию краткости и содержательности твитов – что обеспечило успех их страницам. Борис к тому же отличается наличием острого ума, что не может не привлекать внимания к его злободневным твитам.

Перейдем к платформе Facebook, она важна возможностью привлечь внимание электората от 25 лет. Рассмотренные нами в ходе исследования политики ведут данную сеть не активно, дублируя свои посты из других соцсетей. Мы видим в этом грубую ошибку, так как работа с аудиторией Facebook потенциально способна обеспечить им больший процент голосов на выборах.

Говоря о видеохостинге YouTube, следует понимать, что вести видеоблог сложнее и энергозатратнее, чем писать текстовые посты. Подготовка к съемкам, запись видео, озвучка и монтаж требуют большого количества времени. К тому же, аудитория YouTube имеет досрочно завышенные ожидания: подписчики требуют видео в высоком разрешении, хорошего звука и стильной картинки. Несмотря на сложности, в числе нашей выборки депутатов есть те, кто находит время на свой видеоблог. Николай Бондаренко ведет канал «Дневник Депутата» (1,24 млн подписчиков). Как пишет сам депутат: «Наша задача показать тебе жизнь внутри областной думы! Как проходят будни депутата в оппозиции! Как принимают решения по важнейшим вопросам твоей жизни! Здесь ты не увидишь молчаливого согласия и аплодисментов действующей власти! Здесь будут скандалы, коррупционные расследования и нескончаемые стычки с жуликами и ворами, опьяненными чувством собственной безнаказанности!»¹¹. Такой формат ведения блога оказался эффективен, Николай смог сформировать имидж честного и умного депутата, которому небезразлична жизнь его народа. В комментариях можно найти множество поддерживающих слов, что также свидетельствует о положительном сетевом имидже.

¹¹ Дневник Депутата. Официальный канал Николая Бондаренко // YouTube. URL: <https://u.to/8rSgGw> (дата обращения 07.02.2021).

В заключении рассмотрим Telegram-каналы депутатов, как независимую площадку, способную сформировать имидж политиков. Канал Кирилла Щитова под названием «Поправка Депутата» дублирует его контент из других социальных сетей, поэтому большего сближения с аудиторией произойти не может. Сетевой имидж не достраивается, а остается в той же интерпретации, как и при формировании в других популярных социальных сетях депутата. Эмилия Слабунова и Борис Вишневский пишут краткие новости по событиям в стране и городе, а также часто дают ссылки на контент с их участием. Борис в своем Telegram «ВишневскоеВремя» бывает более импульсивен и открыт, чем в других социальных сетях. Данный формат общения позволяет депутатам расширить границы привычного общения с электоратом, что является позитивным следствием такой коммуникации. Николай Бондаренко на канале «Дневник Депутата» придерживается примерно такой же позиции в ведении страницы, как Эмилия и Борис. Но отметим, что он публикует гораздо больше новостей, видео и собственных мыслей. Часто он пишет эмоционально, в видео может переходить на крик. Аудитория Николая одобряет подобный формат общения, считая его более «настоящим», нежели у других депутатов. Отметим, что такой формат диалога с подписчиками действительно сближает, уровень доверия к власти возрастает.

Подводя итог стоит сказать, что есть безусловное преимущество по количественному составу мужчин-депутатов в каждом региональном парламенте. В 2021 году все еще остается актуальной проблема того, что женщинам приходится сталкиваться со стереотипными традиционными ожиданиями, распространяемыми через семью, школу и СМИ.

Исследование поля цифровизации показало, что текущий тренд требует от политиков постоянного включения в Интернет-коммуникацию. Сейчас невозможно представить ситуацию, когда лидеры мнений не освещают главные события, тревожащие население. Наше исследование также показало, что наибольшей популярностью среди депутатов пользуются социальные сети ВКонтакте и Instagram. Именно им политики уделяют больше всего внимания. Отвечая на вопрос, есть ли гендерная специфика в наполнении аккаунтов, отметим, что среди отобранных депутатов данной тенденции практически не наблюдалось. Но с течением времени требования к политикам менялись, поэтому женщины стараются больше внимания уделять рабочим вопросам и выстраиванию образа «сильной женщины», в то время как некоторые депутаты мужчины чаще освещают свою личную и семейную жизнь в социальных сетях, тем самым формируя имидж человека, разделяющего семейные традиции. Также отметим, что среди подписчиков гендерная специфика схожа с общей аналитикой в России по половому признаку, но для женщин больше важна эстетическая составляющая картинки, в то время как мужчины не придают этому особого значения.

Важным выводом, также является то, что российские региональные депутаты ведут практически все популярные социальные сети в едином формате, что не является эффективным способом личного продвижения. И если такой способ ведения аккаунтов и может в незначительной степени охарактеризовать имидж депутата, то в вопросе коммуникации с подписчиками выявляется множество проблем. Для того, чтобы решить данную ситуацию, на наш взгляд, политикам следует больше внимания уделять аккаунтам зарубежных депутатов, вдохновляться их позитивным опытом, читать больше исследований на тему коммуникации в Интернете, а также привлекать специалистов из IT-сфер к своему продвижению. Отметим, также, что за рубежом женщин-депутатов гораздо больше,

что также может служить позитивным примером для российского политического сообщества. Важно понимать, что тот имидж депутатов, который большинство пользователей видит с экранов своих гаджетов и заседает в их сознании, именно так они представляют народных избранников в реальной жизни. Мы считаем, что в региональных парламентах стоит на уровне самой ветви власти внести коррективы в вопрос сетевого продвижения депутатов и их интернет-коммуникации. Когда цифровизация пронизывает все сферы жизни, а Интернет-общение развивается с каждым днем все больше, политики не могут оставаться в стороне от этих тенденций, и не пользоваться возможностью быть актуальными и современными.

Библиографический список

1. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 606 с. ISBN 5-7598-0069-8.
2. *Кастельс, М.* Становление обществ сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на западе : антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 494–505. ISBN 5-87444-067-4.
3. *Tofjler, A., Tofjler, H.* Creating A New Civilization: The Politics of the Third Wave. Atlanta : Turner Publ., 1995. 112 p.
4. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 2004. 783 с. ISBN 5-87444-203-0.
5. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. М. : РОССПЭН, 2012. 327 с. ISBN 978-5-8243-1649-0.
6. *Назарчук, А. В.* Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–63.
7. *Землянова, Л. М.* Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 1999. № 2. С. 58–69.
8. *Волкова, А. В.* Государство и гражданское общество в контексте современных административных реформ в России // Гражданское общество в глобализирующемся мире / под ред. Х. Хофмайстера [и др.]. СПб : Санкт-Петербургское философское общество, 2008. 209 с. ISBN 978-5-93597-071-0.
9. *Евин, И. А.* Введение в теорию сложных сетей // Компьютерные исследования и моделирование. 2010. Т. 2, № 2. С. 121–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.20537/2076-7633-2010-2-2-121-141>.
10. *Кулакова, Т. А.* Соотношение практик принуждения и сотрудничества в политическом управлении современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 4. С. 104–112.
11. *Курочкин, А. В.* Сетевые формы регионального и местного управления: опыт Финляндии // *Ars Administrandi*. Искусство управления. 2011. № 1. С. 105–112.
12. *Ceron, A.* Social Media and Political Accountability. Bridging the Gap between Citizens and Politicians. London : Palgrave Macmillan, 2017. 236 p. ISBN: 978-3-319-52627-0.
13. *Архангельская, И. Б.* Герберт Маршалл МакЛюэн: от исследования литературы к теории массмедиа. М. : ИД МГУ, 2007. 210 с. ISBN: 978-5-211-05444-8.
14. *Бурханова, Л. Н.* Основные различия специфики коммуникации в социальных сетях Facebook и «ВКонтакте» // Казанский педагогический журнал. 2017. № 6 (125). С. 206–209.
15. *Богомолова, Д. А.* Социальная сеть TikTok как элемент интегрированных маркетинговых коммуникаций // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 4 (44). С. 572–576.

Дата поступления в редакцию: 07.06.2021.

Принята к печати: 30.06.2021.

Сведения об авторе:

Сизоненко Анастасия Юрьевна, студентка III курса по направлению «Государственное и муниципальное управление», Кубанский государственный университет.

Краснодар, Россия.

e-mail: Anastasia-sizonenko@mail.ru

A. Y. Sizonenko¹

¹ Kuban State University. Krasnodar, Russia.

IMAGE OF DEPUTIES OF REGIONAL PARLIAMENTS IN POPULAR SOCIAL NETWORKS: EQUALITY IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Abstract. The article examines popular social networks from the standpoint of the gender specificity of the authors and the age profile of users with the aim of further qualitative consideration of the accounts of deputies the analysis of the accounts of the deputies of regional parliaments from a visual and linguistic discursive point of view in the era of the global trend for digitalization is carried out. In the course of the study, the main and gender features of the effective filling of accounts of social networks VKontakte, Instagram, Twitter, Facebook, YouTube, TikTok and Telegram are identified. The empirical basis for the study of the network image was the text and visual content of accounts, as well as threads of comments and user discussions in the accounts of the following regional deputies for the period September 2020 - February 2021. The analysis focuses on the gender specificity of the content of the studied accounts and the reaction of subscribers of both genders to various popular topics in the posts of MPs. For each of the selected social networks, the formed network image of the deputies is analyzed. Also, the article analyzes the gender specificity in the legislative bodies of power among the deputies of regional parliaments, fixes the tendencies of an increase in the number of women in power structures at the regional level. On the basis of the study, conclusions are drawn about the unequal ratio of the representation of women and men in legislative bodies, in contrast to foreign power structures. Gender specificity in the filling of accounts is noted: creation of the image of a "strong woman-deputy"; adherence to personal "family values" in the posts of male deputies. At the end of the article, the main conclusion is given about the low level of efficiency of communications of deputies in the Internet space on the most popular social platforms; recommendations are proposed for changing the indicators of the activity of deputies in social networks at the level of government and each individual deputy.

Keywords: image, network image, regional parliamentarians, the era of digitalization, network equality, social networks of deputies.

For citation: Sizonenko A.Y. (2021) Image of deputies of regional parliaments in popular social networks: equality in the era of digitalization. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 3. P. 56–68. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.6

References

1. Castells M. (2000) *Information age: economy, society, culture* / transl., ed. by O.I. Shkaratan. M.: GU HSE. 606 p. ISBN 5-7598-0069-8 (in Russ.).
2. Castells M. (1999) Formation of a society of network structures. *New postindustrial wave in the West: anthology*. Ed. by V.L. Inozemtsev. M.: Academia. P. 494-505. ISBN 5-87444-067-4 (in Russ.).
3. Tofjler A., Tofjler H. (1995) *Creating A New Civilization: The Politics of the Third Wave*. Atlanta: Turner Publ. 112 p. (In Eng.).
4. Bell D. (1999) *The coming post-industrial society. Social forecasting experience*. Transl., ed. by V.L. Inozemtsev. M.: Academia. 783 p. ISBN 5-87444-203-0 (in Russ.).
5. *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika [Political communication science: theory, methodology and practice]*. Ed. by L.N. Timofeeva. M.: ROSSPEN Publ., 2012, 327 p. ISBN 978-5-8243-1649-0 (in Russ.).
6. Nazarchuk A. V. (2008) A network society and its philosophical judgment. *Voprosy Filosofii*. No. 7. P. 61-63 (in Russ.).
7. Zemlyanova L. M. (1999) Networked society, informationalism and virtual culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No 2. P. 58 (in Russ.).

8. Volkova A. V. (2008) State and civil society in the context of modern administrative reforms in Russia. In: *Grazhdanskoe obshchestvo v globaliziruyushchetsya mire [Civil society in a globalizing world]*. Ed. by H. Hofmeister [et al.]. SPb : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ. 209 p. ISBN 978-5-93597-071-0 (in Russ.).

9. Yevin I. A. (2010) Introduction to the theory of complex networks. *Computer Research and Modeling*. Vol. 2. No. 2. P. 121–141. DOI: 10.20537/2076-7633-2010-2-2-121-141 (in Russ.).

10. Koulakova T. A. (2011) Relation of coercive practices and cooperation in public administration in modern Russia. *Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relations*. No 4. P. 104–112 (in Russ.).

11. Kurochkin A. V. (2011) Net Forms of Regional and Local Government: Present Day Experience of Finland. *Ars Administrandi*. No 1. P. 105–112 (in Russ.).

12. Ceron A. (2017) *Social Media and Political Accountability. Bridging the Gap between Citizens and Politicians*. London : Palgrave Macmillan. 236 p. ISBN: 978-3-319-52627-0 (in Eng.).

13. Arkhangelskaya I. B. (2007) *Gerbert Marshall MaKLyuehn: ot issledovaniya literatury k teorii massmedia [Herbert Marshall McLuhan: From Literary Studies to Media Theory]*. M. : Moscow University Publ. 210 p. (in Russ.).

14. Burkhanova L. N. (2017) Main differences of communication specificity in Facebook and Vkontakte. *Kazan pedagogical journal*. No 6 (125). P. 206–209 (in Russ.).

15. Bogomolova D. A. (2020) Tik Tok social network as an element of integrated marketing communications. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki*. No 4 (44). P. 572–576 (in Russ.).

The article was submitted on June 07, 2021.

Accepted on June 30, 2021.

Information about the author:

Anastasia Y. Sizonenko, 3rd year student in State and Municipal Management,
Kuban State University. Krasnodar, Russia.
e-mail: Anastasia-sizonenko@mail.ru

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.7

УДК 323.2; 316.4

Ю. А. Голубицкий¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

ПОВАР НЕ ДОЛЖЕН ВАРИТЬСЯ В СВОЁМ СУПЕ... ЧАСТЬ III: СВОБОДА КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЕЁ ЦЕНА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА)¹

Аннотация. Статья завершает цикл публикаций автора, в котором исследуется политико-социальный феномен отечественного диссидентства на протяжении трёхвековой истории. Показано, что процессы, сродни конвергенции власти и её оппонентов, в первую очередь, из среды интеллигенции, проявились ещё во времена «оттепели» и привели к смягчению противостояния власти и диссидентов. Произошло это потому, что такого рода противостояние было вызвано не онтологической жестокостью, не психопатологией представителей власти в правоохранительных структурах, а бескомпромиссностью веками длящейся в Российской Империи и СССР жестокой классовой борьбы. Распад СССР и одновременно отказ от социализма произошёл в завершающей стадии XX в., в целом, динамично и бескровно. Большинство россиян видело в социализме с его государственным доминированием в основополагающих областях жизнедеятельности главную причину деградации советской экономики, неразности социальной сферы, разобщённости с остальным миром, исповедующим разнообразные формы индивидуализма. Отказ от господствующей идеологии, прописанный в Конституции новой России, активное внедрение в широкие слои населения индивидуального и корпоративного предпринимательства сделали бессмысленным традиционное диссидентство. Однако, породили его новые формы. В частности, протест как бизнес.

Благодарю по поводу отказа «навсегда» от противостояния «власть – диссиденты» оказалось явно преждевременным. Впереди нас, скорее всего, ждут горячие политические дискуссии в пространстве internet, в дозированном властью формате в традиционных СМИ, и, в основном, молодёжные протестные выступления на городских улицах. Цель этих согласованных и спонтанных акций – завладеть информационными и властными ресурсами для достижения теперь уже не общенародных, а индивидуальных и корпоративных интересов.

Ключевые слова: диссиденты, протест, internet, социализм, индивидуализм, разобщённость, идеология, институционализация, правозащитники, корпоративизм, конвергенция, бизнес.

Для цитирования: Голубицкий Ю.А. Повар не должен вариться в своём супе... : Ч. 3. Свобода как феномен российской общественной жизни, её цена в процессе трансформаций политико-социального протеста // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 69–84. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.7

Москва 70-х, утро. По пустынной ул. Горького бредут двое немолодых людей. У входа в гостиницу «Интурист» один из них, приблизившись к уху товарища, предлагает: «Давай проколём шины» и кивает на припаркованную к бордюру

¹ Части I, II (Диссидентское наследие) см. в журнале СОТИС 4/2020, с. 7-25; 5-6/2020, с. 127–141.

тротуара “Volvo” со стокгольмскими номерами. «Зачем?», – вопрошает товарищ. Он удивлён и испуган. «Хочется вдохнуть воздух свободы», – мечтательно поясняет прекраснородушный и оттого неопасный власти бунтарь².

Вот оно, главное слово отечественных диссидентов, их лозунг, клич, идеология, пароль: *это сладкое слово* – Свобода!

Особенностью русского (российского) понимания понятия «свобода», до сих пор является, скорее, её восприятие как ментального, врождённого *ощущения*, нежели осознанного социально-психологического феномена, при наличии которого в обществе только и возможно возникновение и успешное функционирование сложных, но естественных социальных связей, укрепление построенной на социальном договоре системы ограничений и самоограничений. По-нашенски, по-русски свобода – это состояние души, а не набор параграфов, пресловутых «крючков», которые в массовом сознании не столько уточняют, как затемняют и, в конце концов, казуистически выхолащивают сам предмет. И, конечно же, свобода по-русски – это, в последнюю очередь, комплекс ограничений, не говоря о самоограничениях!

Если согласиться с Ф. Тютчевым (1803–1873), что «умом Россию не понять», то следует признать, что и порождённую российским обществом для внутреннего пользования свободу-несвободу пытаться понять умом – занятие зряшное. Прежде всего, по причине неразвитости у русского (российского) варианта свободы утилитарной компоненты.

В деликатной теме: «свобода как политико-социальный феномен российской общественной жизни» вопросов всегда было больше, чем разумных ответов. Что ж говорить о *сейчас*, когда к всё никак не завершающемуся переходу от советского и антисоветского к какому-то внятному постсоветскому мироустройству присовокупилось вызванное пандемией «Covid-19» непонимание даже ближних перспектив?..

Так какая нужна нам свобода?

Свобода от кого и от чего? Для кого и зачем, с какой целью? Кто призван сделать её достоянием всего общества? Как разумно ограничить эту тревожащую социальную почти что неизведанность, чтобы не переусердствовать и не разбудить пресловутое *лихо*. Ведь чем взял хитрец Стенька Разин? Тем, что заявил соотечественникам: «Я пришёл дать вам волю!»³.

Если нужны ограничения в распространении свободы, кому их поручить исполнять? Кто ляжет костьми, чтобы удерживать страну пусть и в отжившей архаике политико-социальных отношений и связей, но зато в относительном социальном мире и согласии, даром что на фоне недовольного ропота обездоленных масс?

По крайней мере на один вопрос наш гипотетический реципиент с ответом, скорее всего, не премедлит; о тех, кто ляжет костьми.

² Один из самых популярных анекдотов у диссидентов из среды советских интеллигентов.

³ Сколь близки эти понятия: Свобода и Воля? Временами в Русском Мире они сближались по семантике почти до синонимичности, но синонимами не стали. Лингвист Н. Арутюнова (1923–2018) высказала мнение, которое разделяет автор статьи: «Воля – категория мира природы и естественного человека (*homo naturalis*), свобода – категория цивилизованного, институционального общества и разумного человека (*homo sapiens*). Если воля стремится переступить все границы, в том числе этические заповеди, то свобода как состояние социума ограничена правилом и законом. Если воля имеет ближнюю цель – удовлетворение непосредственных, преимущественно физических потребностей, то свобода ставит перед собой дальние – социальные, экономические, научные и творческие задачи. Воля нужна природному человеку, свобода – личности» [1, с. 93].

Ответ будет предельно лапидарным и, как свойственно многим нашим соотечественникам, предпочитаям общее конкретному, расплывчато-неопределённым: *они!*.. То есть: бояре, опричники, жандармы канцелярии тайного сыска, «ваши благородия» и сменившие их после февральской и октябрьской 1917-го года революций «товарищи комиссары», партийные и советские аппаратчики, чекисты, КэГэБэшники, ФэСБэшники, возникшие в смуту 90-х горбачёвские либералы-перестройщики, лжепатриоты, демагогически использующие патристическую лексику для сокрытия личного обогащения, и иные, порождённые властью и аффилированные с ней структуры и персоналии.

В 1-й и 2-й частях статьи мы осознанно сосредоточили внимание на собственно диссидентах; стороне, оппонирующей власти и время от времени решающейся противоборствовать ей вплоть до массовых протестных акций. В нынешней части воздадим должное и самоё власти.

Российское/советское диссидентство – явление маргинальное, атавистическое, досадно задержавшееся в структуре общественных отношений. Генезис его погружён в глубь времён и впервые проявился в попытках передовой части просвещённого дворянства противодействовать крепостничеству как национальной форме рабства. Попытках, как явствует история, проигнорированных теми самыми «рабами», ради которых старались и Радищев, и Чаадаев, и «коллективный диссидент» – декабристы.

Что же это за рабство такое, при котором от реальной и мнимой деспотии крепостных помещиков за несколько веков погибло меньше крестьян, чем было вырезано 24 августа 1572 г. за одну только Варфоломеевскую ночь гугенотов католиками в той самой Франции, которую нам ставят в пример как страну-образчик демократических свобод?

Взаимоотношения помещика со своими крепостными зачастую носили в России мирный патриархально-семейный характер, ибо барин редко сам занимался хозяйственной, конфликтной по определению, деятельностью, перепоручая её старостам, рекомендованным... крепостными. Это не способствовало развитию экономики страны, её сельского хозяйства, но обеспечивало более ни менее устойчивый мир в межклассовых отношениях. Относительно мирное и в ряде случаев продуктивное сотрудничество крепостных крестьян и их хозяев ни в коей мере не является гносеологической закономерностью крепостничества как такового. Скорее всего, такого рода смягчённость нравов стала проявлением особенностей национального генотипа и характера, а также следствием пребывания антагонистских в миру классов в единой Православной Церкви, гуманной и терпимой.

Массовая православная религиозность русичей, которая, в отличие от западных стран с победившим в них формальным католическим и протестантским *ритуалом*, заменившим *веру*, из поколения в поколение лелеет души наших соотечественников, оберегла их от ереси признания за диссидентами статуса праведников, просиявших в земле русской, а за диссидентством в целом – национально-освободительного движения.

Так почему же русский крестьянин-крепостной не спешил признать духовным наставником и водителем молодого барина, который « <...> из Германии туманной // Привёз учёности плоды: // Вольнолюбивые мечты» (А. Пушкин)?

Оттого, что предложенный ему доморощенными вернерами да робин гудами набор идей был заёмным, из чужой жизни, а не завещанный предками. Эка невидаль, выступить супротив власти, к чему призывали набравшиеся ереси в европейских университетах барчуки! Другому учит христианская мудрость: «Всякая

душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1, 2).

Важно отметить, что крепостное право в России являлось опосредованным. Не крестьяне закреплялась за помещиками, а земля, в том числе и крестьянские надель, что, конечно же, делало положение последних предельно шатким; куда землепашцу в случае барского гнева без земли-кормилицы? И всё же, положение русского крепостного разительно отличалось от, скажем, североамериканского раба-негра, привезённого, вопреки его воли, из Африки и проданного, как продают скот, на невольничьем рынке хозяину-колонисту.

Нельзя обойти вниманием появление в русской дворянской среде *новых*, в основном, молодых людей, и их вклад в социальный прогресс Отечества. Как повелось в литературоцентричной культуре России, первыми разглядели и описали эту генерацию наши национальные гении от изящной словесности. Оказавшийся в волжской провинции по делам дядюшкиного наследства, пушкинский Евгений Онегин как бы мимоходом: «Ярем он барщины старинной // Оброком легким заменил; // И раб судьбу благословил». Тут важно, что перемены, проведённые молодым баринном, говоря современным языком, в сфере налогообложения крепостных, пришлись последним по нраву.

Несмотря на «любовную лихорадку», не остался безучастным к «перестроечным тенденциям» в период правления государя-реформатора Александра II граф Алексей Вронский, один из главных персонажей романа Л. Толстого (1828–1910) «Анна Каренина». Ставший вместе с А. Карениной добровольным изгнанником в семейном поместье, А. Вронский находит время и силы заняться делами хозяйственными, и на этой почве проводит ряд весьма успешных экономических реформ на пользу крепостным.

А вот пример иного свойства, когда экономическая инициатива влечёт за собой не общественное улучшение, а сугубо личное обогащение. А. Чехов (1860–1904) в пьесе «Вишнёвый сад», ставшей своеобразным реквием русскому помещику дворянству, изобразил типаж нарождающегося капиталиста из среды крепостных. Это некий Ермолай Лопахин, который ради наживы пускает под топоры старинный вишнёвый сад патриархальной дворянской усадьбы, возле которого родился и вырос в одной из близлежащих деревенок.

Запомним этот пример. Тем, что прогрессисты Онегин и Вронский, будучи потомственными дворянами, на деле радуют интересам своих крепостных, а выходец из народной среды Лопахин, в творимых переменах преследует сугубо личную выгоду.

Теперь, в начале века XXI, во многом преодолев классовое мышление и наконец-то признав за согражданами право на самостоятельную точку зрения, а том числе и в отношении отечественной истории, мы можем (должны!) без предубеждений оценить «дела минувших лет» и тех, кто творил их своими усилиями. И окажется, что российское «крепостничество» – это не символ мракобесия, а синоним «феодализма»; даже самым рьяным доморожденным «западникам» не отыскать в исторической ретроспективе феодальной т.н. «цивилизованной Европы» пространства, свободного от крепостного уклада. Все прошли через него. Возможно, Российская Империя с меньшими, по сравнению с соседями по Европе, морально-нравственными потерями.

И всё же века крепостничества сформировали в России огромный слой рабов. В первую очередь, по самоощущению, по мировоззрению, по свойствам характера и жизненным, семейным, трудовым практикам.

На смену *субсидиарности*, при которой власть исполняет вспомогательную роль в отношении низовой структуры социального устройства крестьянской общины, пришла *субординативность*, предполагающая подчиняющую практику власти в отношениях с крестьянскими массами. Партнёрство заменил *патернализм*, где за сомнительную в плане реализации заботу о сырых, те были вынуждены согласиться делегировать власть предрержащим право управлять ими по своему усмотрению.

Историк, национально ориентированный публицист, идеолог славянофильства К. Аксаков (1791-1859) взвешенно и с глубоким переживанием так определил постигшую его народ судьбу: «Образовалось иго государства над землею, и русская земля стала как бы завоёванной... Русский монарх получил значение деспота, а народ – значение раба-невольника в своей земле» [2].

Свободный от русского и, тем более, советского патриотизма и симпатий к русской державности, латентный диссидент Б. Окуджава оценивает последствия русского крепостничества для основополагающего этноса страны вовсе не деликатно, как болеющий душой и разумом за Отечество К. Аксаков, а зло и хамовато, что характерно для либерала-космополита.

«В нас – кровь, испорченная страхом, ленью, апатией, невежеством, чёрт знает чем; оттого мы все безгласны и недобры друг к другу» [3, с .297], – смакует, как ему представляется, несовершенства горемык-русичей популярный в Советском Союзе среди профессионально несогласных литератор и бард.

Мы ещё вернёмся к его роману, чтобы соединить в цепочку диссидентский анекдот, с которого начинается статья, русофобское содержание псевдоисторических диссидентских текстов и ...анаэробное дыхание, объясняющее в метафорическом виде вытеснение «воздуха свободы» (кислорода) смертельно вредными для физиологических и социальных организмов элементами.

Свобода, как всё в социальном мире, имеет цену, зависимую от конъюнктуры спроса и предложения. Так было и в СССР, даром что советская власть пыталась изжить запретами и пропагандистскими усилиями рыночные механизмы, как чуждые малограмотному советскому истеблишменту.

25 августа 1968 г. у Лобного места Красной площади Москвы состоялась сидячая демонстрация против ввода войск стран Варшавского Договора в Чехословакию, т.н. «демонстрация семерых». Политические камикадзе лозунгом своего изначально обречённого общественного демарша выбрали: «За вашу и нашу свободу!». Объектом, который семёрка отчаянных на сей раз взяла под защиту, было движение либеральных общественно-политических реформ, получившее название «Пражская весна».

Длилась демонстрация эта считанные минуты, но трагически искорёжила судьбы её участников; жёсткое задержание, арест, следствие, суд. Для одних после суда – годы, проведённые в психушке, для других – тюрьма, ссылка, вынужденная эмиграция после освобождения, смерть на чужбине, как это произошло в Париже с 35-летним русским поэтом В. Делоне (1947–1983). Сердце не выдержало...

Случается, цена свободы становится неподъёмной для большинства из нас. Но даже в подобных обстоятельствах всё же найдётся меньшинство из меньшинства, готовых заплатить всем, что у них есть.

Коль у свободы в процессе торга на рынке товарно-обменных отношений возникает цена, коль регулируется она предложением-спросом, коль множатся теории и практики достижения главной цели по версии совокупного Запада:

освобождения личности, даже если личность эта и не считает себя закабалённой, коль сам процесс этот становится глобальным, естественно ожидать появления, утверждения и развития Экономики Свободы.

Не *свободной экономики*, которая является одной из разновидностей экономики традиционной, где свобода лишь качественное и ситуационное определение частного случая, а Экономики Свободы как отдельного направления социально-экономической мысли, принципы которой в разные времена развития общества пытались определить и сформулировать Платон (428 г. до н.э. – 348 г. до н.э.), Т. Мор (1529–1532), Т. Кампанелла (1568–1639), Б. Беккер (1634–1698), П. Кропоткин (1842–1921), Г. Плеханов (1856–1918), левые социал-демократы (меньшевики) во главе с Ю. Мартовым (1873–1923), а ближе к нашим временам – «новые левые»: европейские социал-демократы и «еврокоммунисты», китайские неотроцкисты, отечественные марксисты позднего СССР и начала перестройки и др.

Выше мы упомянули понятие «идеологема». Идеологема – отнюдь не полноценная идеология, скорее – учебный курс подготовительного класса для молодых, активных и настойчивых общественных деятелей, стремящихся в политику, для виртуальной команды-дублёра солидного политического клуба.

В СССР общепризнанной командой «дублёров» был ВЛКСМ. Точнее, корпус комсомольских функционеров. В разные годы этот «резерв партии» доходил до нескольких сотен тысяч человек, обладающих чёткими карьерными установками и знающими способы их достижения. Короче – *карьеристами*. На словах они считали себя наследниками «пламенных комсомольцев», присягали их именами непоколебимой верности коммунистическим идеалам, но время, идеологическая конвергенция (по А. Сахарову), расширяющиеся прорехи в «железном занавесе» между СССР и окружавшем его капиталистическим миром брали своё. Всё в большей мере племя это привлекало *потребление* как жизненный принцип и бытовое поведение.

Вот к чему приводит на первый взгляд почти не различимая подмена понятий: идеи на идеологему.

Но и с диссидентами комсомольским активистам было не по пути. Они поставили на тот высший сегмент советского социализма, который обеспечивал им пусть и скромную по сравнению с западными капиталистическими странами, но устойчивую потребительскую корзину, и резких изменений социального устройства общества не желали. Они больше не торили новых путей, а старались следовать курсом уже проложенных магистралей, осознанно выбирая на их периферии те малоприметные тропинки, которые приводили самых настойчивым и последовательным в максимально доступные в социалистическом СССР лакуны житейского обустройства и благополучия. «Если выпало в Империи родиться, // Лучше жить в глухой провинции, у моря» (И. Бродский).

Одним словом – *приспособленцы*.

Предполагали бы руководители советского агитпропа во что им, стране нашей станет высокомерное пренебрежение ко всякого рода «обывательским запросам», возможно, уделили бы больше внимания насущным проблемам населения в целом, а не только интересам *своих* – управленцев разных уровней. Но – не предполагали, не предчувствовали. И продолжали считать главной опасностью для Советского Союза силовую компоненту враждебного нам окружения, а не усталость большинства своих граждан от хронических дефицитов и махровой коррупции в системе распределения благ.

Диссидентов мало интересовали экономические проблемы основного народонаселения страны. Правозащитная деятельность, которой они традиционно занимались, предполагала в советской реальности сугубо гуманитарные аспекты. Прежде всего, отстаивание права личности на всё ту же свободу.

А большинству советских людей, не связанных непосредственно с художественным творчеством, свободы, в том числе личной, вполне хватало. Их претензии к власти носили, повторимся, в основном экономический характер. Собственно, и претензии, как таковые, с каждым годом высказывались всё реже и реже. Какой смысл? Даже если тебя и услышат, то толку что? Лучше надеяться на себя и своё ближнее окружение; так оно надежнее.

Вот ещё образчик «устного народного творчества» в жанре... «диссидентской реплики»: «Народ и партия едины, но ходят в разные магазины» ...

А в это время семь прекраснодушных граждан, осознавая трагические для себя последствия, выходят на Красную площадь протестовать против ввода в ЧССР войск Варшавского договора.

Придёт время, и в декабре 1979 г. кто-то из их идейных соратников и последователей выйдет протестовать против ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, и последствия этого демарша будут для благородных протестантов столь же трагичными.

«Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» [4, с. 261]. Так-то оно так, но... «Безумству храбрых // Поём мы Славу...» (М. Горький).

«Мы живем, под собою не чуя страны...». Эта строфа из написанного в 1933 г. О. Мандельштамом (1891-1938) стихотворения-эпиграммы «Горец», явилась на годы и годы горьким определением-приговором российской, советской интеллигенции, по крайней мере, существенной её части. Приговором той группе агрессивно недовольных укладом национальной народной жизни граждан с одной стороны, с другой – антагонистов всякой власти в её стремлении организовать и контролировать жизнь нации и страны. Страна, в которой родились и выросли эти онтологически детерминированные диссиденты, её народ заботили их мало; свою судьбу они не связывали с этими почти что абстрактными для них понятиями. Достижение максимально возможной личной свободы бытования для гедонистического его наполнения и ничем не ограниченного самовыражения неизменно оставалось их главной задачей.

«Допущения об интеллигенции как элите и о спуске образца как механизме «безболезненного» развития общества приходится отнести сегодня к разряду собственных иллюзий (разумеется, иллюзии тоже входят в структуру действия и понимания, социальных сдвигов без них не бывает, но это уже другой, особый разговор). Социальные процессы и культурные трансформации оказались более затяжными, тяжелыми, неоднозначными и по ходу, и по следствиям (разложение и распад – разновидности социальных процессов со своей структурой, динамикой и т. д.)» [5, с. 8].

Советская интеллигенция-элита⁴ в целом не оправдала тех надежд, которые традиционно возлагают на эту социальную страту широкие слои населения. Так же, как не на должной морально-нравственной высоте оказались элиты Российской Империи, особенно в пред- и революционные годы конца XIX – начала XX веков.

⁴ Нынешний лидер российских коммунистов Г. Зюганов фактологически точно и не без справедливой издёвки как-то заметил, что в Советском Союзе термин «элита» использовался, в основном, ... в сельском хозяйстве: элитный скот, элитное зерно... Тем самым, он фактически отказал советской интеллигенции, претендующей на роль элиты общества, в этом высоком предназначении.

«Наша интеллигенция – это подлое племя, совершенно потерявшее чутьё живой жизни и изолгавшееся насчёт совершенно неведомого ему народа», – вынес суровый приговор русской интеллигенции И. Бунин (1870-1953) в дневниках 1916-1918 гг. [6]. Столь негативному отношению первого Нобелевского лауреата из России в области изящной словесности и поддержавших его деятелей культуры к отечественной интеллигенции, да во многом и к самому русскому народу, есть множество причин, но их исследование – за рамками данной статьи.

Скорее всего, для более точного описания политико-социальной ситуации периода финальной части правления советской власти, для обозначения тех групп населения, что подготовили, поддержали и контролировали процесс очередной «смены вех», (*контрреволюции*, – как определили её сторонники большевистского Октября) подошло бы определение «истеблишмент», нежели полумифическая страда элитариев. Советский истеблишмент (значительная и значимая часть которого – «комсомольский резерв» – представлена выше), вполне созрел для того, чтобы к 90-м гг. сменить «геронтологическое» руководство Советского Союза.

Период этот сейчас принято называть «застоем». Внешне советское государство и общество как бы застыли в ожидании чаемых большинством населения перемен, в накоплении сил и ресурсов для их свершения и последующего удержания результатов. При этом продолжалось развитие экономики СССР⁵. В 1980 г. Советский Союз занимал первое место в Европе и второе место в мире по объёмам производства промышленности и сельского хозяйства. Если в 1960 г. объём промышленной продукции СССР по сравнению с США составлял 55%, то через 20 лет, в 1980 – уже более 80%.

СССР входил в число 5-ти стран мира, способных самостоятельно производить все значимые виды промышленной продукции, существовавшие на тот момент. СССР находился на первом месте в мире по производству почти всех видов продукции базовых отраслей промышленности: нефти, стали, чугуна, металлорежущих станков, тепловозов, электровозов, тракторов, сборных железобетонных конструкций, железной руды, кокса, холодильников, шерстяных тканей, кожаной обуви, сливочного масла, добыче природного газа, производству минеральных удобрений, пиломатериалов, реакторного урана (50% мирового производства), железнодорожному грузо- и пассажирообороту, производству многих видов военной техники, валовому сбору картофеля, сахарной свёклы; на втором месте в мире по улову рыбы и других морепродуктов, поголовью овец, поголовью свиней, производству электроэнергии, добыче золота, производству цемента, добыче угля, общей длине железных дорог, автомобильному грузообороту, воздушному грузо- и пассажирообороту.

Население Советского Союза в те годы увеличилось на 42 млн чел. При этом квартплата в среднем не превышала 3% семейного дохода. Наблюдались успехи в других областях, например, в тракторостроении: Советский Союз экспортировал тракторы в 40 стран мира, главным образом социалистические и развивающиеся.

Для оценки эффективности сельскохозяйственного производства необходимо учитывать климатические условия. Тем не менее в РСФСР валовой сбор зерна (в весе после доработки) был в полтора–два раза выше, чем после горбачёвской перестройки; схожие пропорции просматриваются и в поголовье основных видов скота.

⁵ Народное хозяйство СССР: статистический ежегодник. Выпуски 1980-1990 годов. М.: Финансы и статистика.

Провалом для общей картины развития страны следует признать 26-е место по индексу развития человеческого потенциала (HDI=0,920), которое СССР занимал в 1990 г. При этом среди стран Европы более низкие показатели имели только Португалия, а также союзники СССР: Болгария, Польша, Венгрия и Румыния, Югославия и Албания [7, с. 111].

Но то – Европа... Для большинства советских людей, и не только т.н. «простых», индекс развития человеческого потенциала сам по себе был (да и в значительной мере остаётся поныне) диковинкой. Официальная советская пропаганда заявляла (и данные статистики это подтверждали), что период с 1964 по 1987 г. знаменовался ростом благосостояния населения Советского Союза. Более-менее сложилась структура советского общества потребления. Пожалуй, в это время «советская триада благополучия» (квартира, машина и дача) действительно была в целом наиболее доступна для советского человека.

Для стратегически интересующего нас состояния диссидентского движения, период застоя, в особенности его завершающий отрезок времени, в целом характеризовался ослаблением протестных акций. При этом парадоксальность ситуации временами просто зашкаливала.

На один из таких парадоксов указывают исследователи И. Гарькин и Л. Королёва, утверждая, что «Решительный удар по диссидентскому движению был нанесён при Ю.В. Андропове, одном из самых загадочных лидеров советского государства, пришедшем к власти в 1982 г. Коммунист, преданный до фанатизма Системе, но понимавший необходимость её реформирования, он предпринял целый комплекс мер по наведению элементарного порядка в стране. Практически завершив ликвидацию оппозиции в стране, он, тем не менее, снижал известность либерала и интеллектуала» [8].

Либерал интеллектуального склада, ликвидировавший оппозицию – парадокс, иначе не скажешь. Тут либо одно, либо – другое. Как справедливо считал А. Пушкин: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Однако ситуационный парадокс почти всегда является следствием неполноты информации.

Советолог И. Земцов называл Андропова «мастером манипулировать страхом, не прибегая к насилию» [9, с. 26] (курсив мой – Ю.Г.). Если признать правомерной такую точку зрения, то, мягко говоря, неточным окажется определение «ликвидация оппозиции». Какая же ликвидация без насилия! Скорее – «сдерживание» или – «надзор» ... Ну, а контроль-надзор над общественными процессами – это был краеугольный камень политики партии и советского правительства. Контролировали всё и всех и диссиденты (кстати, довольно длительное время находившиеся под надзором всё того же Ю. Андропова как председателя КГБ СССР), к периоду, когда главный чекист страны возглавил её руководство, оказались в общем ряду.

Ослабление протестных акций в СССР к финалу «застоя» произошло не за счёт усиления репрессий со стороны власти, а вследствие возникшего в диссидентских кругах понимания большей перспективности для правозащитного движения люфт-паузы. Какой смысл тратить силы на противостояние с теми, кто не в состоянии понять тебя, позволить твоим идеям пусть и приглушенно, под сурдинку, но звучать в отечественном «оркестре идей» (Ф. Достоевский)? Лучше, *рациональней* и для пользы дела, и для своей собственной сохранности дожидаться естественного ухода с политической арены генерации твердолобых, неуступчивых стариков-партократов.

И страна с существенной стратой образованных, пытливых, свободно и креативно мыслящих граждан согласилась ждать, ибо в вопросах необходимо-

сти реформ, необходимости обновления, а в ряде случаев и решительной смены укладов, идей и стереотипов советское общество впервые за многие десятилетия оказалось более ни менее консолидировано и едино.

Был и другой повод умерить протестный пыл. Для его определения позволим себе использовать терминологический окказионализм: *гипербарический интердикт* (чрезмерный запрет).

Длительное пребывание в такого рода пространстве запрета порождало у наиболее чувствительных к политической клаустрофобии граждан замену аэробного дыхания на анаэробное, которое, как известно, не использует кислород и значительно менее эффективно по сравнению с аэробным вырабатывает молекулу АТФ (аденозинтрифосфат). Именно его часто называют «валютой» органической клетки. Чем лечится анаэробное дыхание? В первую очередь, *гипербарической оксигенацией*, т.е. насыщением организма кислородом.

Продолжение метоменической цепочки вернёт нас к зачину статьи, к политическому анекдоту о *воздухе свободы*, без которого невозможно благородное аэробное дыхание. (Надеемся, среди наших читателей не найдётся таких, кто не поймёт, что в этом фрагменте текста статьи речь идёт не напрямую о биологических процессах органической клетки, а о *синекдохе*, т.е. переносе значения на другой объект). Синекдоха, как известно, предтеча *метафоры*, каковым термином мы имеем все основания определить эфемерное понятие «воздух свободы».

Ну, вот, и вернулись, как обещали, к политическому диссидентскому анекдоту, но уже на ином познавательном уровне...

В ментальные упражнения, в лингвистическую эквилибристику, в метафоризацию реальности, начинённую аллюзиями, подтекстами, иносказаниями и т.п., всё в большей мере превращался диссидентский анализ позднесоветской жизни, притаившийся в художественных произведениях авторов-диссидентов. В этот период, впоследствии названный «брежневским застоём», политическое несогласие окончательно переместилось в литературу и иные формы художественного творчества, в которых были созданы воистину шедевры инакомыслия. Кондовой закостенелой цензуре зачастую никак не удавалось их выявить и запретить.

И снова обещанный нами возврат к уже представленному выше роману Окуджавы «Путешествие дилетантов». Роман по формальным признакам является историческим, ибо в нём отражены некоторые персоналии и события, происходившие в Российской Империи в период 1845-1855 гг., но по сути – это антиисторический авторский набросок приговора великой стране, которая в лице её высших сановников и даже императора Николая I якобы гнобит свободу, в частности, всячески препятствует любви пожилого, потерявшего жизненный кураж князя Мятлева и юной Лавинии, решившихся, в конце концов, бежать на Кавказ. Образованный читатель найдёт в сюжете «Путешествия...» аналогии со скандально шумевшим после публикации в 1955 г. романом В. Набокова (1899-1977) «Лолита» и в канве самого побега, и в сексопатологии обоих критически для многовековой брачной традиции разновозрастных пар.

Сексопатология и привлекла внимание специфического читателя, заставила его обрушить гнев на «душителей свободы», будь они сановниками Российской Империи или добропорядочными американскими обывателями. На наш взгляд, именно в текстах этих романов содержится частица генезиса нынешней «политкорректности», принятия, оправдания и готовности потакать ЛГБТ- сообществу. В плюс это или в минус Набокову и Окуджаве?.. Каждому решать за себя...

Не лишним будет указать на стилистический приём нагнетания напряжения в весьма уныло протекающем сюжете романа. Начинается как цитата из бытовой прямой речи, в которой говорящий то и дело «проглатывает» слова, предложения и целые периоды, стараясь компенсировать утери обертонами голоса и жестами.

Пример 1: «... да, да из Невки... Молодая особа благородного вида... да, да, длинные волосы, да, да стройна и весьма...»;

Пример 2: «С супругой... невероятных... предприимчив ... государя» [3, с. 86, 145].

Приём этот: пропуск слов, предложений и повествовательных периодов периодически превращает фрагмент текста в:

- ребус, разгадать который недоступно большинству читателей;
- способ искусственно и художественно неоправданно фрагментировать сюжет за счёт внедрения в него намёков на случайные, не развившиеся впоследствии линии;
- возможность приправить постное повествование невольными подглядами в Зазеркалье опостылевшей российской действительности, из которого – так и жди! – тебе ернически подмигнёт, соорив мерзкую рожу, какой-нибудь инфернальный персонаж.

Как в таком тотальном подавлении личности сохранить Любовь пребывающему в утомительной праздности, пережившему лучшие свои времена хозяину критически одряхлевшего бревенчатого замка в запущенном саду с нелепыми копиями античных скульптур на заросших аллеях и, по сути, ещё на начавшей полноценно жить юной романтической особе? Как вариант: бежать из столицы, куда подсажут кавказские доброхоты... Побежали, а вдогонку им отсалютовал стоном рассыпавшихся брёвен и досок похожий на декорацию вагнеровского «Лоэнгина» замок...

Объективности ради, отметим, что определение «Путешествия дилетантов» как романа «...разоблачающего безнравственность русской истории» – «заслуга» определённого свойства критиков и литературоведов. Сам Окуджава решился на подобную сентенцию лишь однажды в коротком авторском резюме периферийного эпизода (см. выше соответствующую цитату).

Художественная критика, литературоведение и искусствоведение, подержанные соответствующей пропагандой, сплошь и рядом «отодвигают» авторов «застойного периода» от их произведений, чтобы «править бал» в идейно-политической трактовке выбранных для анализа артефактов.

Социальный антрополог М. Ахметова находит в популярном советском кукольном мультфильме⁶ аллюзии на эпизод (ни много, ни мало!) из Евангелия об искушениях Иисуса Христа! В чрезмерно вольной, на наш взгляд, трактовке этим исследователем незамысловатого детского анимационного опуса, искушения кота, собаки и лошади силой/властью, сытостью и полётом соответствуют трём искушениям Христа. Кота искушают властью, поскольку это связано с образом кошки как свободолюбивого и гордого животного, примеры чего можно найти в сказке Р. Киплинга «Кошка, которая гуляла сама по себе» (1902) и в пьесе М. Метерлинка «Синяя птица» (1908). Собаку искушают пищей, что сопоставимо с садом тучных земных Блаженств в той же «Синей птице». Лошадь искушают полётом, что является аллюзией на Пегаса. Кроме того, в филь-

⁶ «Большой секрет для маленькой компании»: сценарий Ю. Мориц, реж. Ю. Калишер, композитор С. Никитин. ТО «Экран», 1979, длит. – 16 мин.

ме, как утверждает Ахметова, отражены мифологические бинарные оппозиции «верх–низ» и «свет–тьма» [10, с. 201–213].

Кто-то из «прогрессистов» воскликнет: «Круто, вот где смелость аналогий и аллюзий!». Нам же, столкнувшимся с наивным провинциальным желанием удивить нас псевдо-учённостью и всё той же сомнительной крутостью, остаётся посетовать на «времена и нравы», в которые возможно столь бесцеремонно обходиться с религиозными святынями русского народа...

Так почему распался и навсегда исчез в «чёрной дыре» небытия Советский Союз?

Смеем утверждать, что подавляющее большинство населения СССР жаждало перемен. Неопределённое завтра в обновлённой стране представлялось им более заманчивым и перспективным, нежели продолжение предсказуемого движения по обветшавшей колее.

Мало кто продолжал верить в мифологему о «великой дружбе народов СССР». После смерти И. Сталина со стороны не только местных властей, но и т.н. Центра, фактически прекратилось противоборство национализму в союзных республиках. Считалось, что «национализм окраин» – это всего лишь буржуазный (для европейских республик), феодальный (для республик Средней Азии) пережиток, который сам по себе исчезнет, не выдержав напора ширящегося «пролетарского интернационализма». В реальности мы получили совсем иную трансформацию национализма – в русофобию.

Всячески выказывая «понаехавшим» из России враждебное отношение, «братья» в союзных республиках не спешили отказываться от безвозмездных поставок из исторической родины не любезных им мигрантов энергоносителей, промышленного сырья, лесоматериалов, продукции машиностроения, сельского хозяйства и др. По подсчётам авторитетных экономистов, все союзные республики СССР, за исключением «сборочного цеха страны» – Белорусской ССР, к концу XX в. являлись дотационными из союзного бюджета, т.е. вносили во всеобщую казну меньше средств, чем потребляли из неё.

Вот почему, предвидя скорую антисоциалистическую контрреволюцию и желая в ходе её освободиться от неблагодарных нахлебников, роспуск СССР косвенно инициировали российские власти, которых поддержал народ. Желание это было столь сильным, понимание его необходимости непоколебимым, что Россия сразу же согласилась с самым невыгодным и обременительным новыми обязательствами (в частности, по выплате долгов СССР) для себя вариантом развода.

Даже либерал А. Собчак, которого никак не заподозришь в симпатиях к России и её народу, высказался в пользу принципа, по которому при разводе составляющих СССР республик, каждая республика уходит «в свободное плавание» с той территорией, с которой вступала в СССР, возвращая щедрые территориальные подарки. К сожалению, этот вариант не был реализован, и теперь новая Россия в жестком противостоянии с националистами-русофобами на Украине, в республиках Балтии и Средней Азии пожинает горькие плоды преступно безответственного отношению к завоеваниям и мирным географическим обретениям своих славных предков.

При этом большинство советских граждан не держало, а теперь и подавно не держит зла на хронически (оказалось – смертельно) больную страну. «Нет, не было тогда, как многие считают, повального рабского страха – но не было и всеобщего бездумного энтузиазма. Родители наши трезво понимали, что Ста-

лин – злодей, сгубивший множество невинных людей... Ну и что теперь – ложиться и помирать? Нет, лучше работать и жить, и получать все возможные удовольствия... Стойкости, оптимизму, умению работать везде и всегда мы обязаны, конечно, нашим родителям. Сказать про них, что то было поколение запуганное, раболепное, бездеятельное может только полный дурак – ему, значит, досталось от родителей лишь слабоумие...» [11, с. 37–38].

От себя добавим, что подавляющему большинству «Рождённых в СССР», как и подобает а *publica persona*, были чужды уныние, резиньяция, эскапизм в отношении обязательств перед государством и обществом, и прочие, разрушающие личность, уловки и фобии. Прививкой от них становились вдумчивая, прилежная учёба в юношеские и молодые годы, далеко не всегда должным образом организованный и достойно оплачиваемый труд в годы зрелые, военная служба, в народном сознании, действительно, считавшаяся «священной обязанностью, семья как объект постоянной заботы и душевной отрады, бесконечно дорогие родители, супруг(а), дети.

Отказ от социализма произошёл в СССР, в целом, быстро и бескровно. Большинство россиян видело в социализме с его государственным доминированием в основополагающих областях жизнедеятельности, с тотальным планированием, которое по определению не может с должной полнотой учесть потребности населения, с отсутствием рыночной конкуренции, частной инициативы и предпринимательства главную причину экономической недостаточности, хронических дефицитов товаров широкого потребления, качественных продуктов питания, разобщённости с остальным миром, исповедующим многообразные формы индивидуализма.

И в этом отказе от коммунального проживания с союзными республиками большинство россиян оказались солидарными с осуществившими «развод» либералами у власти. Не терпелось наиболее активным нашим соотечественникам не в первый раз «начать сначала». Не столь радикально, как предлагал гимн рабочего класса: «Весь Мир насилья мы разрушим // До основания, а затем // Мы наш, мы новый // Мир построим...», но всё же с основательной приборкой в доме.

Кто только не упрекал русичей в короткой исторической памяти. Однако, эта особенность национальной ментальности помогла самым социально активным из них быстрее и без чрезмерных потерь адаптироваться к произошедшим в новой России переменам. В частности, отказаться от идеологических догм, о чём свидетельствует, в том числе, и необычайная, по сравнению с иными странами, популярность в России статьи американского социолога и политолога Ф. Фукуямы «Конец истории?». Популярности, скорее всего, из-за содержащейся в ней сентенции: «<...> в конце истории нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития» [12, с. 114].

Это прямое обращение к России и Китаю; другие страны ко времени написания статьи уже отказались не только от лишь присущих им экономических и идеологических принципов, но полностью или в существенной мере – от своего суверенитета.

Чтобы образовавшуюся в интеллектуально-нравственной ипостаси русичей прореху после их отказа от прежних постулатов не затянуло ряской ущербной второстепенности, предполагалось, что освободившуюся нишу займёт религия. Своя, традиционная для каждого этнического сообщества, многообразием форм предполагающая благое разнообразие содержания и невозможность какого-либо доминирования.

Актуальность обрело высказывание святителя Н. Сербского: «Ложные теории о Боге неминуемо влекут за собой ложные научные, ложные политические и ложные общественные теории» [13]. В 2005 г. один из лидеров русского консервативного традиционализма писатель С. Лыкошин поспешил возвестить: «В нынешней замороженной политикой и телепропагандой России, уже подавляющее большинство осознало себя верующим и созидующим страну единым народом» [14, с. 61]. Увы, воистину, поспешил...

Вместе с тем (вернёмся к магистральной теме статьи), отказ от господствующей идеологии, не только публично заявленный политическим классом, но и прописанный в Конституции новой России, сделал бессмысленным традиционное диссидентство с его пугливым и выборочным протестом, с унылой lamentацией, с маниловщиной вместо научной футурологии.

Но породил его новые формы. В частности, протест как бизнес. При щедрой оплате заказчиками протестных акций, всегда найдутся желающие заказ исполнить. В случае чего: «Запад нам поможет». Так проходили протестные акции на Болотной площади в Москве (2011–2013), не санкционированные властями подобные акции в защиту блогера Навального (2021).

Что ждёт диссидентское движение России в ближайшем будущем и перспективе? Сохранится ли оно как таковое или растворится в новых формах организованного и спонтанного политического протеста? Что последует за выступлениями covid-диссидентов? Пригодится ли их опыт (в первую очередь, французских «жёлтых жилетов») уличной толпе в российских городах, профессиональным протестантам в СМИ, парламентских структурах, других общественных объединениях, в межпартийной конкуренции и т.п.?

Поживём – увидим...

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М. : Индрик, 2003. С. 73–99.
2. Отмена крепостного права: историческая правда России от РВИО // История.РФ [Федеральный портал истории России]. 08.09.2013. URL: <https://histrf.ru/read/articles/otmienna-krpeostnogo-prava-event> (дата обращения 19.07.2021).
3. Окуджава, Б. Путешествие дилетантов: из записок отставного поручика Амирана Амилахарию. М., Современник, 1990. 494 с. ISBN 5-270-01091-7.
4. Ленин, В. И. Памяти Герцена (1912) // Полное собрание сочинений, 5-е изд., Т. 21. М. : Политиздат, 1968.
5. Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. Москва – Харьков : «Эпицентр», «Фолио», 1995. 189 с.
6. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3-х томах / под ред. М. Грин. Frankfurt am Main : Посев. 1977–1982.
7. Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development // UNDP. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr1990> (last request 28.07.2021).
8. Гарькин, И. Н., Королёва Л. А. Историческая обстановка развития диссидентства в СССР в период «застоя» // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 7 (39). С. 122–126.
9. Земцов, И. Г. Крах эпохи: в 2х кн. М. : Наука, 1999. Кн. 1. 398 с. ISBN 5-02-008317-8.
10. Ахметова, М. В. Из чего рождается «Большой секрет для маленькой компании» (о реминисценциях в одном советском мультфильме) // Детские чтения. 2017. Т. 11, № 1. С. 201–213.
11. Попов, В. Довлатов. Биография. М. : Молодая Гвардия, 2010. 307 с. ISBN 978-5-235-03408-2.
12. Фукуяма, Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

13. Святитель *Николай Сербский*. Мысли о добре и зле. Минск : Изд-во Д. Харченко, 2014. 240 с. ISBN: 978-985-545-086-4.

14. *Лыкошин, С. А.* Меридиан консерватизма или поле традиционализма: заметки из политической тетради. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : ИХТИОС, 2005. 64 с.

Дата поступления в редакцию: 16.08.2021.

Принята к печати: 10.09.2021.

Сведения об авторе:

Голубицкий Юрий Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и методологии социологии знания, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: golub9900@mail.ru

Author ID РИНЦ: 565192

Y. A. Golubitskiy¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

A COOK MUST NOT BE BOHED IN HIS OWN SOUP...

PART 3. FREEDOM AS A PHENOMENON OF THE RUSSIAN SOCIAL LIFE, ITS PRICE IN THE TRANSFORMATION OF POLITICAL AND SOCIAL PROTEST

Abstract. This article completes the series of publications, which explores the political and social phenomenon of the Russian dissent during his three-century history. It shows that the processes akin to convergence of the power and its opponents, primarily from intelligentsia, have first become apparent in the time of the Thaw and led to the mitigation of the confrontation between the power and dissenters. It has happened since this confrontation was caused not by ontological cruelty and psychopathology of people in law-enforcement bodies, but by century-long uncompromising class struggle in the Russian Empire and the USSR. The collapse of the Soviet Union and the rejection of socialism have happened in the end of 20th century overall dynamically and bloodlessly. The majority of the Russians saw in socialism with the domination of the State in the major fields of activity the main cause of the degradation of economy, underdevelopment of social sphere, dissociation with the rest of the world professing different forms of individualism. The rejection of a dominant ideology fixed in the Constitution of the New Russia, active inculcation of individual and corporative entrepreneurship has made the traditional dissent senseless, but have given rise to its new forms; dissent as business, in particular.

Placidity in relation to disappearance “forever” of the “power-dissenters” confrontation has proved to be premature. In the future we have very likely to expect hot political discussions in the Internet and in power-controlled form in traditional media, but, in the main, young-people street protests. The goal of these coordinated and spontaneous actions – to take hold of information and power resources for the realization of no longer national but individual or corporative interests.

Keywords: dissenters, protest, Internet, socialism, individualism, dissociation, ideology, institutionalization, human rights activists, corporativism, convergence, business.

For citation: Golubitskiy Y.A (2021) A cook must not be bohed in his own soup... : Part 3. Freedom as a phenomenon of the Russian social life, its price in the transformation of political and social protest. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 3. P. 69–84. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.7

References

1. Arutyunova N. D. (2003) Will and freedom. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Kosmos y khaos [Logical analysis of language. Space and Chaos]*. M. : Indric Publ. P. 73–99 (in Russ.).
2. *Otmena krepostnogo prava: istoricheskaya pravda Rossii ot RVIO*. Istoriya.RF [Federal'nyi portal istorii Rossii]. 08.09.2013. URL: <https://histrf.ru/read/articles/otmienna-krepostnogo-prava-event> (last request 19.07.2021) (in Russ.).
3. Okudzava B. (1990) *Puteshestvie diletantov: iz zapisok otstavnogo poruchika Amirana Amilakhariyu [The Journey of the Dilettantes: From the Notes of Retired Lieutenant Amiran Amilakhariya]*. M.: Sovremennik. 494 p. ISBN 5-270-01091-7 (in Russ.).
4. Lenin V. I. (1968) *In memory of Herzen (1912)*. In: *Polnoe sobranie sochinenii (5-oe izd.)* Vol. 21. M. : Politizdat. 671 p. (In Russ.).
5. Gudkov L. D., Dubin B. V. (1995) *Intelligentsiya: Zametki o literaturno-politicheskikh illusiyakh [The Intelligentsia: Notes on Literary and Political Illusions]*. M. – Kharkiv : Ehpitsentr Publ., Folio Publ. 189 p. (In Russ.).
6. *Ustami Buninykh. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy [As spoken by the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]* : in 3 volumes. Ed. by M. Greene. Frankfurt am Main : Posev Publ., 1977–1982 (in Russ.).
7. *Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development*. UNDP. URL: <https://u.to/7GqhGw> (last request 28.07.2021) (in Eng.).
8. Garkin I. N., Koroleva L. A. (2014) Historical situation of development of a recusancy in the USSR in the period of «stagnation». *Modern scientific researches and innovations*. No 7 (39). P. 122–126 (in Russ.).
9. Zemtsov I. G. (1999) *Crash of the epoch* : in 2 Vol. M. : Nauka Publ. Vol. 1. 398 p. ISBN 5-02-008317-8 (in Russ.).
10. Akhmetova M.V. (2017) “Where ‘The Big Secret for a Small Company’ Arises from (about Reminiscences in One Soviet Cartoon). *Children’s Readings: Studies in Children’s Literature*. Vol. 11. No 1. P. 201–213 (in Russ.).
11. Popov V. (2010) *Dovlatov. Biography*. M.: Molodaya Gvardiya. 307 p. ISBN 978-5-235-03408-2 (in Russ.).
12. Fukuyama F. (1990) The end of history? *Voprosy filosofii*. No 3. P. 134–148 (in Russ.).
13. Sviatitel Nikolay Serbskiy. (2014) *Mysli o dobre i zle*. Minsk : D. Kharchenko Publ. 240 p. ISBN: 978-985-545-086-4 (in Russ.).
14. Lykoshin S. A. (2005) *Meridian konservatizma ili pole traditsionalizma : Zametki iz politicheskoy tetradi. [Meridian of Conservatism or the Field of Traditionalism: Notes from Political Notebook.]* M, IKHTIOS Publ. 64 p. (In Russ.).

The article was submitted on August 16, 2021.

Accepted on September 10, 2021.

Information about the author:

Yuri A. Golubitsky, Candidate of Sociology, Senior Researcher.
 Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
 e-mail: golub9900@mail.ru

DOI 10.19181/nko.2021.27.3.8
УДК 327.7; 130.1

В. Е. Журавлёв¹

¹ Московский международный университет.
Москва, Россия.

ФИЛОСОФИЯ МИРОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы войны и мира, международной безопасности, особенности современных конфликтов. Отмечается, что, хотя на базе ООН сконструирована мощная правовая и организационная инфраструктура, которая занимается урегулированием конфликтов, проблема предотвращения войны сохраняет свою актуальность. Россия, используя военные и политические ресурсы, активно действует в качестве миротворца на глобальном уровне, но прежде всего на постсоветском пространстве. По мнению автора, наряду с оперативным реагированием на текущие вызовы и угрозы необходимо рассмотрение темы миротворчества на фундаментальном философском уровне. Философия миротворчества в качестве методологии предполагает осознание глубокого единства мира, при неизбежном наличии социальных противоречий и вызываемых ими изменений в политических и социально-экономических системах. Мир, понимаемый как отсутствие противоречий и вызываемых ими конфликтов, невозможен в принципе. Возможна минимизация негативных последствий конфликтов, которая составляет смысл миротворчества. Высшей аксиологией миротворчества, на взгляд автора, является обеспечение безопасности и всестороннее развитие человека, защита политических и социальных прав, культурных и духовных ценностей. Делается вывод, что миротворчество включает не только военные операции по нейтрализации источников военных угроз, но и многофункциональные и многоаспектные системные действия, направленные на стабилизацию ситуации в конфликтном регионе путём политических решений и помощи в налаживании мирной жизни. В миротворческих операциях должны принимать участие, наряду с воинскими и полицейскими контингентами, квалифицированные специалисты в области политического анализа и ведения переговоров для содействия в переходе к миру, безопасности и развитию.

Ключевые слова: конфликты, миротворчество, философия, Организация Объединенных Наций, Россия.

Для цитирования: Журавлёв В.Е. Философия миротворчества // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27, № 3. С. 85–93. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.8

Актуальность проблемы миротворчества. Вопросы войны и мира всегда были актуальны в истории человечества. Когда в 1945 году по итогам Второй мировой войны создали Организацию Объединенных Наций, её основной задачей закономерно стало избавление грядущих поколений от бедствий войны. За прошедшие годы актуальность этой задачи не стала меньше, несмотря на то что на базе ООН сконструирована мощная правовая и организационная инфраструктура, которая занимается урегулированием конфликтов¹.

Международная безопасность традиционно понимается как сохранение стабильности и неизменности сложившихся государственных институтов и международных отношений, что трактуется как поддержание международного порядка. Но международный порядок не может не изменяться, если происходят изменения в мировой политической системе. Поэтому следует своевременно вносить необходимые коррективы в международные правовые и организационные меха-

¹ Будущее миротворческих операций Организации Объединенных Наций: выполнение рекомендаций Независимой группы высокого уровня по миротворческим операциям: Доклад Генерального секретаря // Департамент миротворческих операций ООН. 02.09.2015. URL: <https://u.to/o-CgGw> (дата обращения 24.08.2021).

низмы в соответствии с существующими реалиями, сохраняя аксиологию мира в международных отношениях. Это такое состояние международных отношений, которое обеспечивает жизнедеятельность, сотрудничество и взаимодействие государств, а также всего мирового сообщества в условиях защищенности их жизненно важных интересов².

Наиболее проблемной в контексте системы международных отношений является категория национальных интересов. В чём здесь проблема? Каждое государство в соответствии с принципами *realpolitik* решает задачи по удовлетворению потребностей своих политических элит используя в том числе силовой потенциал. Учитывая ограниченность ресурсов и неограниченную в них потребность, государства, либо иные политические образования различной природы, начинают борьбу за их перераспределение.

Особенностями современных конфликтов является то, что они носят гибридный характер. В них принимают участие не только регулярные армии, но и иррегулярные вооружённые формирования общественных объединений и движений, религиозных, террористических и криминальных группировок. Международные конфликты часто сопрягаются с внутренними конфликтами, в качестве инструмента борьбы используется протестный гражданский потенциал, осуществляется подрыв экономики, дестабилизация социально-политической обстановки³. В этих условиях армия вынуждена заниматься не только вопросами достижения военной победы над противником, но и участвовать в постконфликтном урегулировании. Применительно к миротворцам это означает, что после своего развёртывания и осуществления конкретных мер по установлению мира (разъединение противоборствующих сторон, недопущение вооружённых столкновений между ними, контроль над их вооружёнными силами, создание буферных зон безопасности, доставка гуманитарных грузов), они принимают на себя функции обеспечения безопасности населения в местах проведения миротворческих операций, поддерживают социально-экономическое развитие подмандатных территорий, нейтрализуют разного рода преступные группировки, взаимодействуют с местными органами власти и гражданского общества для налаживания эффективного управления, занимаются вопросами экологии и т.д.⁴

Существенное обстоятельство миротворческих операций состоит в том, что используемые в них армейские и полицейский контингенты имеют национальную юрисдикцию. Это не зависит от того, проводится операция по мандату ООН или на основании межправительственных соглашений и решений региональных организаций по безопасности. В этой связи зачастую реальными целями миротворческих операций становятся не только принуждение к миру и постконфликтное урегулирование, но и решение геополитических и геоэкономических задач государств и военно-политических блоков, осуществляющих миротворческие операции. Например, во время масштабных операций по поддержанию мира в бывшей Югославии, Афганистане и Ливии, США и НАТО использовали мандат Совета Безопасности для достижения своих политических задач [1].

² Доклад Специального комитета ООН по операциям по поддержанию мира. № А/74/19 // Генеральная Ассамблея ООН. 17 февраля – 12 марта 2020 г. URL: <https://u.to/ufKgGw> (дата обращения 24.08.2021).

³ Александр Смоловый: «Генератор прорывных идей и предложений» // ИА «Оружие России». 26.01.2020. URL: <https://u.to/JvOgGw> (дата обращения 24.08.2021).

⁴ Выполнение рекомендаций Специального комитета по операциям по поддержанию мира: Доклад Генерального секретаря № А/74/533 // Генеральная Ассамблея ООН. 05.11.2019. URL: <https://u.to/tvOgGw> (дата обращения 24.08.2021).

Российские миротворческие силы и операции. Россия, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, накопила большой опыт миротворческой деятельности. В России действует федеральный закон «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», также уделено внимание этому компоненту в официальных концептуальных документах по национальной безопасности, внешней и военной политики [2]. Российские миротворцы участвовали в 30 миротворческих миссиях. На сегодняшний день российские военнослужащие принимают участие в шести миссиях ООН: в Западной Сахаре, Республике Судан, Демократической Республике Конго, на Ближнем Востоке (в Израиле, Египте и Ливане), в Центральноафриканской Республике и на Кипре. По уровню взносов на финансирование операций ООН по поддержанию мира в 2019 году Россия заняла восьмое место (3,04%)⁵.

Российское миротворчество связано как с задачами общего укрепления международного мира и безопасности, так и разрешением конфликтов на постсоветском пространстве, где можно назвать операции в Таджикистане, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, Нагорном Карабахе [3].

На осуществление миротворческих операций на постсоветском пространстве ориентирована Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которой главным актором является Россия. Генеральная Ассамблея ООН 2 декабря 2003 года приняла резолюцию о предоставлении ОДКБ статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН, что открывает возможности взаимодействия ОДКБ с Департаментом миротворческих операций ООН [3].

Основу российских миротворческих сил составляют 15-я мотострелковая и 31-я десантно-штурмовая бригады. Статус миротворческих получили два батальона военной полиции Южного военного округа, а также отдельный медицинский отряд Центрального клинического госпиталя имени Бурденко. В настоящее время в составе каждого военного округа на определенный период назначаются миротворческие подразделения – по одному мотострелковому батальону, вертолетной эскадрилье, инженерной саперной роте и медицинскому отряду специального назначения (МОСН). По одному батальону морской пехоты или десантно-штурмовому батальону выделяет каждый флот. В случае необходимости эти батальоны, роты и отряды способны усилить миротворческие силы⁶.

Отдельно следует выделить миротворческую операцию в Нагорном Карабахе. В соответствии с Указом Президента РФ «О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе» и на основании совместного заявления Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации в Нагорный Карабах направлен российский миротворческий контингент численностью 1960 военнослужащих со стрелковым оружием, с бронетранспортерами, автомобильной и специальной техникой. Он развернут в зоне нагорнокарабахского конфликта, вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора. Главой российского миротворческого контингента в Нагорном Карабахе назначен генерал-лейтенант Рустам Мурадов. При участии Турции на территории Азербайджана соз-

⁵ *Исаенко А* Миротворчество во время коронавируса // Независимое военное обозрение. 24.04.2020. URL: <https://u.to/TfSgGw> (дата обращения 24.08.2021).

⁶ *Иванов П.* Стража мирной жизни // Военно-промышленный курьер. 09.02.2021. URL: <https://u.to/tvSgGw> (дата обращения 24.08.2021).

дан совместный мониторинговый центр, который осуществляет сбор, обобщение и проверку информации по соблюдению сторонами режима прекращения огня и других действий, нарушающих достигнутые договоренности. В короткие сроки российские миротворческие силы создали инфраструктуру безопасности: блокпосты, пункты досмотра, специально оборудованные позиции, штабы, склады для размещения гуманитарной помощи и другие объекты. Они держат под контролем транспортные артерии и маршруты возвращения беженцев⁷.

Миротворческий, антитеррористический и геополитический аспекты получила российская операция в Сирии против ИГИЛ, запрещённой в России террористической организации. 26 августа 2015 года было заключено соглашение, согласно которому на территории сирийского аэродрома Хмеймим была размещена российская авиационная группа, а также военный и технический персонал. Помощь сирийской армии со стороны российских военных, а также вооружённых формирований Ирана позволила переломить ход боевых действий, в результате чего конституционный порядок был восстановлен. В процессе политических консультаций и ходе военных операций наметилась общая позиция России, Сирии, Ирана и Турции, которая по многим вопросам существенно отличалась от политики США и других западных стран. Важно, что для урегулирования конфликта были применены не только военные, но и политические средства. Значительную роль в этом сыграл Центр по примирению враждующих сторон и контролю за перемещением беженцев. Среди основных направлений деятельности Центра – ведение переговоров, информационное сопровождение, оказание гуманитарной помощи населению⁸.

Итак, Россия, используя военные и политические ресурсы, активно действует в качестве миротворца на глобальном уровне, но прежде всего на постсоветском пространстве. При этом отвергается участие миротворцев из-за пределов региона, будь то под эгидой ООН, НАТО или других организаций. Учитывая расширение состава участников блока НАТО, его антироссийскую направленность и продвижение к российским границам, это представляется оправданным.

Отметим, что миротворческие операции на сегодняшний день идут в контексте геополитических и иных интересов мировых и региональных государств и их блоков, касается ли это НАТО, ОДКБ, Африканского Союза, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Лиги арабских государств и др. По своим масштабам и задействованным ресурсам миротворческие операции уже мало отличаются от обычных военных операций. Даже проводимые в формате ООН миссии сопровождаются использованием бронетехники, пилотируемой и беспилотной авиации, развёртыванием госпиталей и т.д. [3].

Миротворческая деятельность ООН. Для проведения миротворческих операций создана мощная международная правовая и организационная база. Миротворческая деятельность в ООН имеет единую централизованную структуру, в которую входят Совет Безопасности, Генеральный секретарь ООН и Секретариат. В составе Совета безопасности имеется Военно-штабной комитет (ВШК), а в состав Секретариата входят три департамента: Департамент операций по поддержанию мира (ДОПМ), Департамент по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ) и Департамент оперативной поддержки (ДОП).

⁷ О мерах по поддержанию мира в Нагорном Карабахе: Указ Президента РФ от 10.11.2020 г. № 695 // Президент России: [сайт]. URL: <https://u.to/UvegGw> (дата обращения 24.08.2021).

⁸ Обстановка в Сирии и перспективы внутрисирийского диалога // МИД РФ: [сайт]. URL: <https://u.to/RvegGw> (дата обращения 24.08.2021).

Генеральная Ассамблея ООН осуществляет финансирование и действует через Специальный комитет по операциям по поддержанию мира.

Военнослужащие и полицейские ООН направляются в 23 миссии: 13 миссий подчиняются Департаменту операций по поддержанию мира (ДОПМ), 10 миссий – Департаменту по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ)⁹.

По оценкам экспертов в миротворческих операциях в конфликтных регионах каждый год принимали участие от 150 до 250 тыс. военных, полицейских и представителей гражданского персонала, из которых примерно половина осуществляла свою деятельность под руководством ООН, а остальные относились к региональным организациям.

Однако, несмотря на все принимаемые мировым сообществом усилия нестабильность в мире возрастает и это требует постоянного концептуального осмысления. Наряду с оперативным реагированием на текущие вызовы и угрозы целесообразно перейти к рассмотрению политических процессов (а война, как известно, это продолжение политики), на философском уровне. Рассмотрим некоторые принципиальные вопросы.

Философские аспекты политических процессов и миротворчества. Прежде всего отметим, что философия использует категории предельной абстракции, выходящие за пределы текущего эмпирического исследования. Это позволяет оценивать политические процессы с фундаментальных позиций, о чём писал ещё древнегреческий философ Платон. До наступления эпохи секуляризации философия, при всём своём методологическом разнообразии, занималась исследованием вечных вневременных сущностей или, говоря иначе, поиском Истины. Именно знание сущностных вещей и правильное понимание устройства мира и происходящих процессов трактуется в философии как Знание, в отличие от набора эмпирических систематизированных сведений об окружающем мире, которые являются информацией. В процессе секуляризации философии, как и всей теории познания, возобладало стремление найти основание всего существующего внутри физического мира, познаваемого эмпирическим и логическим путём. В XX в. были разработаны различные социальные теории – от позитивизма, феноменологии и символизма до психологии и семиотики, которые должны были объяснить окружающий мир и показать, как им можно эффективно управлять.

Важно обратить внимание, что даже с применением компьютерного моделирования и использования других методов анализа точную модель развития политической системы выстроить невозможно, так как существует большое количество постоянно меняющихся экзогенных и эндогенных факторов, которые в исходных данных предусмотреть и формализовать нереально. Моделируемые прогнозные сценарии всегда будут носить стохастический характер и отличаться от практики. Корректно составленные описательные математические модели имеют важное значение и являются базовыми для эвристических подходов к решению управленческих задач в сложных социальных системах, но не могут претендовать на полноту объяснения и по своей сути всегда являются регрессивными, то есть упрощёнными и ориентировочными. Однако математические модели, безусловно, важны и являются основным исследовательским инструментом для сбора и обработки эмпирической информации, которую на этапе интерпретации и понимания следует помещать в общетеоретический философский контекст [4].

⁹ *Исаенко А.* Генералы-миротворцы в голубых беретах ООН // Независимое военное обозрение. 17.01.2020. URL: <https://u.to/uPegGw> (дата обращения 24.08.2021).

Проблема соотношения философского и эмпирического знания возникла давно, в разных цивилизациях и на разных уровнях. Немецкий философ Г. Ф. Гегель, рассматривая научное познание, в своих работах указывал, что наука претендует на полноту познания в плане материала и содержания. Однако существует абсолютное познание и абсолютное бесконечное содержание, которое не может быть сведено к конечному, то есть научному познанию. В научном методе заключается требование, чтобы существенное отделялось от так называемого несущественного. Но существенное относится к области абсолютного и его необходимо постигнуть, чтобы далее можно было проводить научное исследование [5].

В других цивилизациях пришли к похожим выводам значительно раньше. Исследуя процессы познания, мудрецы древней Индии полагали, что есть знание и незнание. Знание бывает двух видов: знание сущностной природы и интеллектуальное знание. Знание сущностной природы – это высшее знание, направленное на постижение абсолютной реальности, тогда как низшее знание даёт представление об иллюзорной реальности. Истинное знание предполагает соединение познающего человека со знанием, и тогда он становится знающим. Но такое соединение доступно не каждому. «Незнающему» присуща только эмпирическая точка зрения, представляющая собой изложение внешних признаков исследуемого объекта без познания его сущностной природы, то есть низшее знание. Существование во вторичном мире (майя) представляет непрерывный процесс возникновения, пребывания и разрушения. Майя познаётся путём эмпирического исследования, в ходе которого определяется число, место, распространённость, время, различные количественные характеристики объектов. При этом эмпирическая реальность по своей сути является релятивистской и выражается через варианты суждения: «да», «нет», «и да, и нет», «ни да, ни нет». Событие в эмпирической реальности – «есть»; «не есть»; «есть и не есть»; «неописуемо»; «есть и неописуемо»; «неописуемо и не есть»; «есть, не есть и неописуемо» [6].

Философия миротворчества в качестве методологии предполагает осознание глубокого единства мира, при неизбежном наличии социальных противоречий и вызываемых ими изменений в политических и социально-экономических системах.

Философия поднимает важнейшие экзистенциальные темы: войны и мира, жизни и смерти, свободы и ответственности, понимания человека и смысла его существования. Философский подход позволяет выработать ценностную основу поведенческой деятельности в вопросах войны и мира. У одного из главных героев великого древнеиндийского эпоса «Махабхарата» полководца Арджуны возникли сомнения пред началом решающей битвы на Курукшетре, так как в противостоящей армии он видел своих близких родственников и друзей. Бог Кришна сказал Арджуне, что смерть всех воинов в этом сражении, как и всего мира в целом, предопределены судьбой и законами времени, но Арджуна должен сражаться и выполнить свой долг кшатрия [7, с. 65]. В итоге это привело к почти полному истреблению армий и политических элит, принимавших участие в войне. Но с позиции высших сакральных принципов мироздания и мировоззрения той эпохи такой финал был неизбежен.

С точки зрения философии существование человека, любых социальных и политических систем в физическом мире является временным явлением, изначально установленным на изменение и на прекращение существования на определённом этапе. Мир, понимаемый как отсутствие противоречий и вызываемых ими конфликтов, невозможен в принципе. Тем не менее, если под войной пони-

мать массовое применение вооружённого насилия, связанного с уничтожением большого количества людей, материальных, культурных и природных ресурсов, то минимизация этих потерь составляет смысл миротворчества.

Что отличает реальную миротворческую операцию от интервенции, сопровождающейся миротворческой риторикой и дипломатическими процедурами, а фактически являющейся разновидностью гибридной войны? Конфликты неизбежны, но их негативные последствия можно снизить, если стремиться разрешать эти конфликты определённым образом. С точки зрения философии самое важное заключается в аксиологии. Всемирная история по Г.Ф. Гегелю есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который нужно познать в его необходимости. Согласимся с философом, что индивидуум понимает себя как личность, когда в своей единичности через абстракцию способен открыть всеобщее, отказаться от всего частного. А существенным началом для этого оказывается сознание свободы, в формах развития которого заключаются проявления этого сознания. При этом свободу, полагает философ, нужно заслужить и приобрести её, а именно посредством бесконечного воспитания, дисциплинирующего знание и волю. Свободу часто понимают превратно, признавая её лишь в формальном, субъективном смысле, не принимая в расчет её существенных предметов и целей. Ограничение влечения, вождления, страсти, принадлежащей лишь частному лицу как таковому, ограничение произвола принимается за ограничение свободы. Наоборот, такое ограничение является просто условием, делающим возможным освобождение, а общество и государство являются такими состояниями, в которых осуществляется свобода [8, с. 72-77].

Высшей аксиологией миротворчества, на наш взгляд, является обеспечение безопасности и всестороннее развитие человека, защита политических и социальных прав, культурных и духовных ценностей, именно это является основной идеальной миссией.

С позиции философии целью миротворцев не является военная победа. Миротворцы занимаются миростроительством. Основная задача миротворцев – содействие сторонам в достижении политических договоренностей по мирному урегулированию и их скорейшему претворению в жизнь. Они решают вопросы от нейтрализации источников угрозы возобновления военного конфликта до помощи в создании институтов гражданского общества.

Одним из важных направлений такой деятельности является содействие в налаживании мирной жизни, а также в организации и проведении в государстве демократичных выборов органов власти и создании правового государства. При этом необходимо учитывать культурную специфику региона при организации работы с местным населением, находить компромиссные решения при урегулировании локальных конфликтов и выступать посредником в деле замирения враждующих сторон. Важным фактором является привлечение к этому процессу лидеров общественного мнения, политических партий, представителей религиозных и этнических групп.

В этой связи в миротворческих операциях должны принимать участие, наряду с воинскими и полицейскими контингентами, квалифицированные специалисты в области политического анализа и ведения переговоров для содействия в переходе к миру, безопасности и развитию.

Выводы. Подведём некоторые итоги. После окончания Второй мировой войны создана правовая и организационная инфраструктура, которая занимается урегулированием конфликтов. Россия, используя политические и военные

ресурсы, активно действует в качестве миротворца на глобальном уровне, но прежде всего на постсоветском пространстве. Нестабильность в мире возрастает и это требует постоянного концептуального осмысления. Философия использует категории предельной абстракции, выходящие за пределы текущего эмпирического исследования. Это позволяет оценивать политические процессы с фундаментальных позиций. Философия миротворчества в качестве методологии предполагает осознание глубокого единства мира, при неизбежном наличии социальных противоречий и вызываемых ими изменений в политических и социально-экономических системах. Мир, понимаемый как отсутствие противоречий и вызываемых ими конфликтов, невозможен в принципе. Возможна минимизация негативных последствий конфликтов, которая составляет смысл миротворчества. Аксиологией миротворчества является обеспечение безопасности и всестороннее развитие человека. Миротворческие операции - не только военные операции по нейтрализации источников военных угроз, а многофункциональные и многоаспектные системные действия, направленные на стабилизацию ситуации в конфликтном регионе путём политических решений и помощи в налаживании мирной жизни. В миротворческих операциях должны принимать участие, наряду с воинскими и полицейскими контингентами, квалифицированные специалисты в области политического анализа и ведения переговоров для содействия в переходе к миру, безопасности и развитию.

Библиографический список

1. Харичкин, И. К. Шамаров, П. В. Миротворчество как элемент геополитики Российской Федерации и Североатлантического союза // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2 (839). С. 88–101.
2. Братерский, М. В. Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 1. С. 157–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-09>.
3. Никитин, А. И. Эволюция миротворческих операций: интервью с профессором А.И. Никитиным (МГИМО МИД России) / интервью брал А.С. Буторов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 4. С. 738–746. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-738-746>.
4. Журавлёв, В. Е. Политический анализ и смыслы в современном политическом процессе // Вестник Института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11, № 3 (28). С. 29–36.
5. Гегель, Г. В. Ф. Философия духа / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М. : АСТ, 2018. 192 с. ISBN: 978-5-17-108538-4.
6. Журавлёв, В. Е. Методологические аспекты исследования с позиции индийской философии // Вестник развития науки и образования. 2017. № 12. С. 35–42.
7. Бхагавадгита / пер. с санскрита и примеч. В.С. Семеновой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 256 с. ISBN 5-02-017506-4.
8. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб : Наука, 1993. 477 с. ISBN 5-02-028169-7.

Дата поступления в редакцию: 26.08.2021.

Принята к печати: 16.09.2021.

Сведения об авторе:

Журавлёв Виталий Евгеньевич, кандидат социологических наук, доцент Гуманитарной кафедры, Московский международный университет. Москва, Россия.

e-mail: proektru1@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 322836

V. E. Zhuravlev¹¹ Moscow International University. Moscow, Russia.

THE PHILOSOPHY OF PEACE

Abstract. The article deals with the issues of war and peace, international security, and the features of modern conflicts. It is noted that, although a powerful legal and organizational infrastructure has been constructed on the basis of the UN, which is engaged in conflict resolution, the problem of preventing war remains relevant. Russia, using its military and political resources, is actively acting as a peacemaker at the global level, but primarily in the post-Soviet space. According to the author, along with rapid response to current challenges and threats, it is necessary to consider the topic of peacekeeping at a fundamental philosophical level. The philosophy of peacemaking as a methodology implies an awareness of the deep unity of the world, with the inevitable presence of social contradictions and changes caused by them in political and socio-economic systems. Peace, understood as the absence of contradictions and conflicts caused by them, is impossible in principle. It is possible to minimize the negative consequences of conflicts, which is the meaning of peacemaking. The highest axiology of peacemaking, in the author's opinion, is ensuring security and comprehensive human development, protecting political and social rights, cultural and spiritual values. It is concluded that peacekeeping includes not only military operations to neutralize the sources of military threats, but also multifunctional and multidimensional systemic actions aimed at stabilizing the situation in the conflict region through political decisions and assistance in establishing peaceful life. Along with military and police contingents, qualified specialists in the field of political analysis and negotiation should participate in peacekeeping operations to assist in the transition to peace, security and development.

Keywords: conflict, pacification, philosophy, United Nations, Russia.

For citation: Zhuravlev V.E. (2021) *The philosophy of peace. Science. Culture. Society. Vol. 27. № 3. P. 85–93. DOI: 10.19181/nko.2021.27.3.8*

References

1. Kharichkin I. K. Shamarov P. V. (2020) Peacemaking as an element of the geopolitics of the Russian Federation and the North Atlantic Alliance. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences.* No 2 (839). P. 88–101 (in Russ.).
2. Bratersky M. V. (2018) Russia and peacekeeping operations: conceptual and practical components of Russian policy. *International Organizations Research Journal.* Vol. 13. No 1. P. 157–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-09> (in Russ.)
3. Nikitin A. I. (2020) The Evolution of Peacekeeping Operations: Interview with Professor Alexander I. Nikitin (MGIMO University). Interviewed by A.S. Butorov. *Vestnik RUDN. International Relations.* Vol. 20. No 4. P. 738–746. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-738-746> (in Russ.).
4. Zhuravlev V. E. (2020) Political analysis and meanings in the modern political process. *Bulletin of the Institute of World Civilizations.* Vol. 11. No 3 (28). P. 29–36 (in Russ.).
5. Hegel G. V. F. (2018) *Philosophy of the spirit.* Transl. from German by B.G. Stolpner. M. : AST Publ. 192 p. ISBN: 978-5-17-108538-4 (in Russ.).
6. Zhuravlev V. E. (2017) Methodological aspects of research from the standpoint of Indian philosophy. *Bulletin of science and education development.* No 12. P. 35–42 (in Russ.).
7. *Bhagavad Gita.* Transl. from Sanskrit and annotated by V.S. Sementsova. 2nd ed. M. : "Oriental Literature" of RAS Publ., 1999. 256 p. ISBN 5-02-017506-4 (in Russ.).
8. Hegel G. V. F. (1993) *Lectures on the philosophy of history.* Transl. by A.M. Voden. SPb: Nauka Publ. 477 p. ISBN 5-02-028169-7 (in Russ.).

The article was submitted on August 26, 2021.

Accepted on September 16, 2021.

Information about the author:

Vitalii E. Zhuravlev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Humanities Department, Moscow International University. Moscow, Russia.

e-mail: proektru1@yandex.ru

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЧУПРОВА (8.08.1938.–18.08.2021)

18 августа 2021 года ушел из жизни Владимир Ильич Чупров – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН, Заслуженный деятель науки РФ, член редакционной коллегии нашего журнала, зам. председателя диссертационного совета ФНИСЦ РАН по социологии и политологии, талантливый ученый и блестящий организатор.

Владимир Ильич родился 8 августа 1938 года в г. Алма-Ата. В 1960 году закончил экономический факультет Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе и начал работать на одной из его кафедр. Делая первые шаги как исследователь, он ощутил потребность в более широких методах решения конкретных экономических задач, и эти методы лежали в области социологического знания. Это был период, когда официального статуса социология как наука ещё не имела, но ему было суждено сыграть видную роль в её становлении.

Как секретарь комсомольской организации МАИ, в 1964 году он был приглашен на работу в ЦК ВЛКСМ, где вместе с коллегами – В.Г. Васильевым и А.С. Кулагиным – создавал группу социологии, основной целью которой стали исследования молодежи. Так, организационная и научная составляющая стали неотъемлемой частью большого профессионального пути Владимира Ильича, вся его жизнь и деятельность стали связаны с развитием социологии молодежи, а его стремление к фундаментальному знанию определило переход в Академию наук СССР. До 1991 года он трудился в Институте социологии, а затем – в Институте социально-политических исследований РАН, в создании которого принял самое активное участие.

Хорошо осознавая задачи фундаментальной науки как познания основополагающих явлений и закономерностей общественного развития, В.И. Чупров не ограничивался исследованием отдельных проблем молодежи. Вместе с возглавляемым научным коллективом он развивал теоретические подходы к исследованию молодежи, обосновывал целостный подход к пониманию её особенностей и многообразия связей с обществом. Под его руководством разработан и обоснован социально-воспроизводственный подход к социологическому изучению молодежи, определены основания её выделения в качестве социальной группы, разработана теоретическая концепция молодежи,

основанная на её роли в общественном воспроизводстве. Новые теоретические подходы, сформулированные Владимиром Ильичом и его учениками, нашли отражение в концепциях социального развития молодежи, социальной регуляции взаимодействий в молодежной среде в условиях общества риска, социокультурного механизма формирования отношения к объектам социальной реальности, смысловой саморегуляции жизнедеятельности молодежи, феномена доверия и его роли в саморегуляционных стратегиях разных групп, в структурной таксономии оснований регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде. Его труды по теории и методологии определили облик современной социологии молодежи как отраслевой дисциплины.

Фундаментальный подход, реализованный Владимиром Ильичом в изучении взаимодействии молодежи и общества, позволяя использовать полученные им результаты для обоснования решений в области государственной молодежной политики. В.И. Чупров принимал непосредственное участие в разработке первого в СССР проекта Закона о молодежи 1968 года и Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» 1991 года, Указов Президента РФ в области ГМП.

Исследования, проводимые Владимиром Ильичом Чупровым, способствовали пониманию глубинных процессов общественной динамики и социальных механизмов функционирования современного общества. Теоретические и методологические подходы В.И. Чупрова внесли существенный вклад в развитие социологической науки. Многие высказанные им идеи еще будут осмысливаться теми, кто стремится познать изменяющуюся социальную реальность.

Неутомимый исследователь, активный общественный деятель, мастер своего дела, он был великолепным учителем, умевшим говорить просто о сложном. Он объединял вокруг себя и молодых и состоявшихся ученых, являясь одним из лидеров отечественной науки. Умение чувствовать и понимать самые глубокие смыслы, взвешенность и проницательность, душевность и предупредительность стали частью образа не только большого ученого, но замечательного человека, коллеги и друга.

Память о Владимире Ильиче Чупрова – в сердцах всех, кто его знал.

Коллеги, друзья, товарищи.

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Роскомнадзором
(ЭЛ № ФС77 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Ответственный секретарь:
О.В. Гребняк

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<http://www.journalscs.ru/>

Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2713-0681

Утверждено к публикации 29.09.2021 г.

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
тел.: +7(499)530-27-32
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru